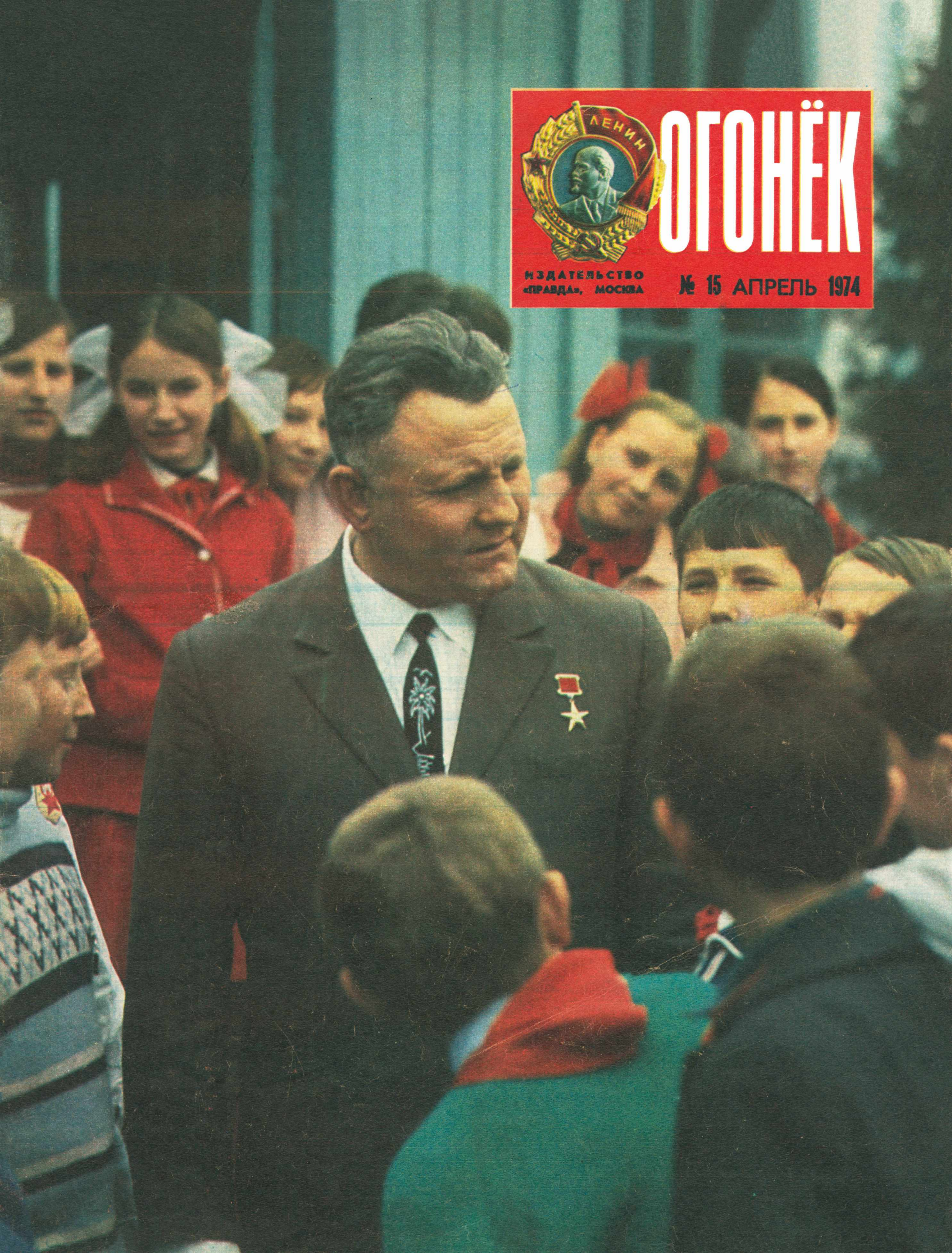

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 15 АПРЕЛЬ 1974

ИДЕТ СЕВ...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан 1 апреля 1923 года
№ 15 (2440)
6 АПРЕЛЯ 1974
© «Огонек», 1974.

Фото специального корреспондента «Огонька» Михаила САВИНА.

Сев... Праздник и тревога. Праздник — потому что ложится в землю доброе семя — зародыш будущего урожая, исток буйного золотого потока, что хлынет осенью в закрома Родины, обернется хлебом на столе народном. Радостно хлеборобу птицеголосой весной, но и тревожно: какой-то будет нынешняя жатва, не подведет ли погода, вовремя ли прольются дожди, не принесут ли ветры жаркого суховея, ладно ли сработает солнышко, пестуя колос? Верно, что научился человек помогать ниве, нет уже былого страха перед слепой стихией, а тревога все же нет-нет да и даст знать о себе.

Жатва — итог сева, а сев? Ведь и он «подбивает бабки» большого труда: не почивал ли на печке зимой хлебороб, возил ли на поля удобрения, занимался ли снегозадержанием?

Вот и в колхозе «Родина», Саратского района, Одесской области, можно сказать, каждую снежинку лелеяли — снегто еле прикрывал землю. Потому и момент самый наилучший для посева ловили, и технику вовремя отремонтировали, и семена первого класса приготовили и доверили положить их в землю лучшим из лучших. За пять дней посеяли в колхозе ранние колосовые. Подведя итоги старта, объявили имена первых победителей. Только праздновать вот недосуг: подоспело время кукурузы.

Идет сев — радостная и тревожная страда весны четвертого, определяющего...

Ю. МИХАЙЛОВ.

Первые победители. Переходящее Красное знамя — бригаде Ивана Колесника.

Полевод Нина Малоиван.

К другу за советом. Бригадиры Василий Калюцкий и Степан Филипповский.

2 апреля в Большом Кремлевском дворце открылся V съезд Союза композиторов СССР. Аплодисментами встретили собравшиеся товарищей К. Т. Мазурова, М. А. Суслова, П. Н. Демичева, М. С. Соломенцева. В президиуме съезда видные советские музыканты, руководители творческих союзов, представители партийных, советских, общественных организаций столицы. С отчетным докладом выступил первый секретарь правления Союза композиторов СССР Т. Н. Хренников.

Фото В. Савостьянова и В. Мастюкова (ТАСС).

В АВАНГАРДЕ ПАРТИЙНОЙ МЫСЛИ

Журналу «Коммунист» исполнилось пятьдесят лет.

Полвека назад вышел первый номер журнала, задуманного еще при жизни В. И. Ленина: решение о создании политико-экономического журнала ЦК РКП(б) было принято 19 ноября 1923 года (до ноября 1952 года он назывался «Большевик»).

С тех пор «Коммунист» дает живой пример творческого развития марксистско-ленинского учения, неустанной борьбы за генеральную линию Коммунистической партии, за построение в СССР заветной мечты человечества — коммунизма.

Рассчитанный на партийный, советский и хозяйственный актив, журнал очень быстро завоевал широкое признание. Ныне к этой боевой трибуне передовой партийной мысли обращается самый разнообразный читатель. Здесь он знакомится с важнейшими партийными документами, здесь обогащает свое знание драгоценного ленинского наследия — в «Коммунисте» печаталось свыше 100 малоизвестных или не публиковавшихся ранее работ, писем, документов В. И. Ленина.

На протяжении всей своей полувековой истории «Коммунист» играл и играет важную роль в освещении вопросов марксистско-ленинской философии, политической экономии, теории и практики партийного строительства, истории, культуры. Большая работа, проводимая журналом, служит делу дальнейшего продвижения нашего общества к рубежам, намеченным XXIV съездом КПСС, делу построения материально-технической базы коммунизма, мобилизации советских людей на новые свершения, развитию творческой активности, инициативы масс.

«Коммунист» всегда живо откликается на важные вехи в истории международного коммунистического движения. Самый свежий пример — материалы журнала, посвященные 70-летию II съезда РСДРП и 125-летию «Манифеста Коммунистической партии».

На его страницах выступают видные партийные и государственные деятели нашей страны, руководители братских коммунистических и рабочих партий. Среди авторов «Коммуниста» можно встретить и ученых с мировым именем, известных писателей, работников искусства.

Необычайно широк круг вопросов, рассматриваемых журналом при обсуждении проблем развитого социалистического общества: КПСС — направляющая и руководящая сила советского народа в борьбе за коммунизм; социально-политические и экономические проблемы нашего общества на современном этапе; коммунистическое воспитание трудящихся в условиях зрелого социализма — вот только самые основные среди них.

«Коммунист» вносит весомый вклад в теоретическую разработку вопросов борьбы за мир, демократию и социализм на земном шаре, проблем международного коммунистического рабочего и национально-освободительного движения. Пристальный интерес вызывают материалы журнала, в которых остро разоблачается реакционная буржуазная идеология, «левый» и «правый» оппортунизм, ревизионизм и догматизм.

В дни, когда весь советский народ отмечал 70-летие II съезда РСДРП, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев подчеркивал: «Наша партия оказалась на высоте. Она сумела проложить никому дотоле неведомые маршруты от капитализма к социализму. Она сумела, завоевав безграничное доверие рабочего класса, всех трудящихся, создать развитое социалистическое общество, общенародное государство, вывести крупнейшую в мире страну на магистральную дорогу коммунистического строительства».

В эту великую работу партии большевиков-ленинцев, партии коммунистов внес и продолжает вносить свой достойный вклад теоретический и политический журнал Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза — «Коммунист», чей полувековой юбилей приветствуют в эти дни советские люди.

Д. КОНСТАНТИНОВ

ОТ НАДЕЖД К СВЕРШЕНИЯМ

Владимир НИКОЛАЕВ

Американцы — народ деловой и практичный, в области бизнеса и политики они на людях эмоций проявлять не любят. С тем большим удивлением я наблюдал, какая необычная, приподнятая атмосфера царила в строгом официальном зале во время церемонии подписания в Вашингтоне советско-американского соглашения о предотвращении ядерной войны. Настроение собравшихся было вполне объяснимо: они стали свидетелями первого конкретного шага на пути устранения опасности ядерной катастрофы. Соглашение во всем мире было признано воистину эпохальным.

Это произошло в прошлом году, на пятый день советско-американской встречи на высшем уровне. Она явилась одним из многих действий, направленных на претворение в жизнь великой Программы мира, изложенной Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым в Отчетном докладе ЦК КПСС на XXIV съезде партии.

Миновало три года после того исторического съезда. Самые святые надежды и чаяния всех народов на мир были выражены в словах, прозвучавших в Москве с высокой трибуны съезда коммунистов. И хотя не всегда легок и короток путь от надежд к свершениям, эти три года стали годами победоносного шествия Программы мира по нашей планете.

Заметно оздоровился климат в Европе, колыбели двух мировых войн и том самом районе земного шара, где ныне проходит граница, разделяющая два мира. В отношениях между СССР, Польшей и ГДР, с одной стороны, и ФРГ — с другой, становятся преобладающими принципы добрососедства. Улучшаются отношения и расширяется сотрудничество между странами Восточной и Западной Европы. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе выходит на финишную прямую, чтобы увенчать усилия европейских стран, США и Канады встречей на высшем уровне. А в Вене уже взяли старт и набирают скорость переговоры по сокращению вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

В последние три с небольшим года состоялось пять встреч между руководителями Советского Союза и Франции. Эта добрая традиция способствует не только укреплению советско-французской дружбы и сотрудничества, но и оздоровлению обстановки в Европе, дальнейшей разрядке напряженности во всем мире.

Нельзя не вспомнить сегодня и о том, что первый пункт Программы мира призывал к ликвидации очагов войны в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке. Война во Вьетнаме прекращена, ситуация на Ближнем Востоке позволяет оптимистично смотреть на развитие событий в этом районе в направлении мирного урегулирования конфликта.

Нашей стране принадлежит идея создания системы мира и безопасности в Азии. Эта идея сейчас гораздо ближе к своему осуществлению, чем раньше. Воцарился мир на Индостанском полуострове. Недавно объявили о взаимном признании и договорились о восстановлении традиционных связей Пакистан и Бангладеш.

Огромную положительную роль сыграл во всех названных выше свершениях Советский Союз. Сегодня это общепризнанно во всем мире и особенно в тех странах, на судьбе которых благотворно сказалось осуществление Программы мира.

В ходе осуществления Программы мира особенно знаменателен поворот в советско-американских отношениях. Ведь улучшение международной обстановки в целом во многом зависит от отношений между СССР и США, двух крупнейших государств. Эти отношения продолжают развиваться. Новое тому свидетельство — недавний визит в СССР государственного секретаря США, помощника президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджера, который имел беседы с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко. Как известно, был обсужден широкий круг вопросов, представляющих взаимный интерес в связи с подготовкой к визиту в Советский Союз президента США Р. Никсона.

Дело мира уверенно идет ныне от надежд к свершениям. «...Последние годы принесли много положительных перемен в международной жизни,— говорил на митинге в Гаване 29 января 1974 года Л. И. Брежнев.— В результате человечество вздохнуло с облегчением, укрепились надежды на прочный мир. Мы думаем, что этот процесс пойдет дальше. Задача состоит в том, чтобы достигнутое в смысле разрядки напряженности сделать необратимым».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Расправа на улице.

«ДИПОЛИ»: СУД НАРОДОВ

Летом прошлого года здание «Диполи», расположенное в живописном уголке пригорода Хельсинки, было местом, где проводилась подготовка к общеевропейскому совещанию о мире и сотрудничестве на нашем континенте. А в конце марта этого года в «Диполи» проходили заседания первой сессии Международной комиссии по расследованию преступлений военной хунты в Чили.

Обращаясь с приветственной речью к делегатам сессии, премьер-министр Финляндии Калеви Сорса сказал:

— Трудно поверить, что в наше время может произойти что-либо столь вызывающее и жестокое, как действия военной диктатуры.

Взволнованно прозвучали слова вдовы чилийского президента Ортенсии Бусси де Альенде:

— Чилийский народ высоко ценит поддержку народов всего мира, многих правительств, демократов самых различных политических взглядов и религиозных убеждений, которые отнеслись к событиям в Чили как к собственной трагедии.

На трибуну сессии поднимаются один за другим свидетели злодеяний чилийской хунты. Это и те, кому удалось бежать из фашистского ада, и представители других стран, видевшие совершавшиеся преступления собственными глазами, и те, кто был жертвами террора. Они показывали членам комиссии, состоящей из представителей международной общественности, известных ученых, юристов, деятелей культуры, а также представителей партий Народного единства Чили, многочисленные фото- и кинодокументы — неопровержимые свидетельства нарушений прав и норм общечеловеческой морали.

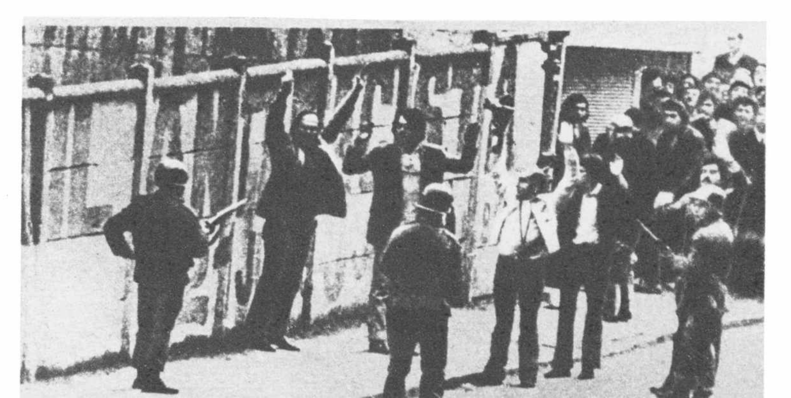
До какого только изуверства не доходили в своей лютой ненависти к демократам чилийские фашисты! Они подвязывали живых людей за ноги к вертолетам и поднимали в воздух; погружали крестьянских активистов в лодки, вывозили на середину реки, методично убивали одного за другим и сбрасывали в воду; истязали женщин и детей на глазах публики; ввели жестокие пытки в тюрьмах, вплоть до электрических; совершали вооруженные нападения на иностранные посольства и ранили посла Кубы; зверским пыткам подвергли сына Луиса Корвалана. Сегодня находится в опасности жизнь Генерального секретаря Коммунистической партии Чили и многих тысяч других патриотов.

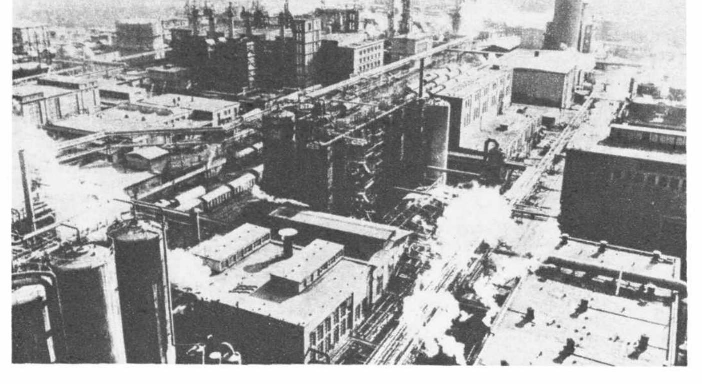
Международная комиссия по расследованию преступлений военной хунты в Чили констатировала в своих заключительных документах, что фашистские бандиты пришли к власти в Чили, осуществив с помощью иностранного империализма заговор против народа и законного правительства; в стране нарушаются основные права человека, производятся массовые убийства, пытки и аресты без предъявления обвинений. Комиссия призвала общественность, правительства всех стран и все международные организации осудить преступления хунты, прекратить всякую поддержку хунты.

Все, кто любит жизнь и ненавидит фашизм, говорится в документах комиссии, должны выступить в защиту Луиса Корвалана и других чилийских патриотов.

Н. ПАСТУХОВ

Во время облавы в рабочих кварталах Сантьяго.
Фото ТАСС и Пренса Латина.

Петский азотный комбинат. В ближайшем будущем он станет полностью удовлетворять потребности сельского хозяйства республики в искусственных удобрениях.

Фото МТИ — ТАСС.

4 АПРЕЛЯ ВЕНГРИЯ ОТМЕЧАЕТ 29-Ю ГОДОВЩИНУ ОСВОБОЖДЕНИЯ СТРАНЫ ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

ПУТЬ К ВЕРШИНЕ

Корнель ХАЙНАЛ, главный редактор журнала «Орсаг Вилаг»

Тому, кто знает лишь нынешнюю Венгрию, трудно судить о ее сегодняшних достижениях. Через двадцать девять лет после освобождения от фашизма наша родина достигла небывалых высот. Чтобы в полной мере оценить достигнутое, нужно мысленно вернуться к дням далекого и недавнего прошлого.

В стране, о которой летописцы средневековья писали, что там текут реки из молока и меда, веками царили самовластие и бескультурье. На земле, изобилующей богатствами, люди умирали от голода. В деревне властвовала нищета. Промышленность обеспечивала работой менее одного процента населения. О политических правах для народа не могло быть и речи. Война, в которую втравили страну приспешники Гитлера, еще больше обострила кризис и усугубила бедствия народа.

Когда Советский Союз принес свободу многострадальной венгерской земле, в нашей истории открылась новая страница. Но теперь за работу принимался уже не бесправный и эксплуатируемый люд, а народ, взявший в свои руки власть и ставший строителем новой жизни. Мы приступили к созиданию с полным сознанием своих прав и своей силы. У венгерского народа впервые за тысячелетнюю историю появился истинный друг и помощник — Советский Союз. Посланцы великой страны, которые принесли Венгрии свободу, предложили нам свою помощь и дружбу. Советско-венгерская дружба — это залог тех успехов, которых сегодня достигла социалистическая Венгрия.

Прежде историю измеряли веками. В новый ее период мы повели счет на дни, недели и месяцы. Вот несколько цифр, иллюстрирующих темпы социалистического развития республики. Сегодня одна из тринадцати крупнейших электростанций страны производит столько энергии, сколько в 1933 году потребляла вся Венгрия. В 1972 году по сравнению с 1960 годом производство электроэнергии составило 263 процента, металлургии — 185 процентов, машин и машинного оборудования — 223 процента. По производству бокситов Венгрия ныне занимает седьмое место в мире, а в Европе — после Франции и Югославии — третье место. В прошлом году было выпущено без малого восемь тысяч венгерских автобусов, а двадцать четыре года назад — лишь 175.

Когда-то отсталое сельское хозяйство нашей страны достигло огромных успехов. Социалистический, коллективный труд поднял его до мирового уровня.

Сегодня Венгрия — развитая страна, стоящая в первых рядах европейских стран. Она прошла долгий, трудный путь развития, являя собой пример силы социализма, его непобедимости, пример сплоченности великой семьи социалистических народов.

НЕУМИРАЮЩАЯ ПРАВДА ЧИЛИ

«Люди доброй воли, начните поход в защиту полоски земли, маленькой и далекой, народа, достойного и боевого» — этот призыв несется сегодня с окровавленной земли Чили.

Автоматная очередь оборвала жизнь законного, избранного демократическим голосованием президента Чили Сальвадора Альенде; страшная драма, разразившаяся над страной, ускорила смерть всемирно известного поэта, лауреата Нобелевской премии Пабло Неруды; после нечеловеческих истязаний убит поэт и исполнитель народных песен Виктор Хара; на острове Досон замучен министр национальной обороны и министр внутренних дел правительства Народного единства Хосе Тоа; брошен в фашистский застенок Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили Луис Корвалан... Продолжать перечень преступлений чилийской военщины, совершенных за время, прошедшее с 11 сентября 1973 года, можно было бы почти бесконечно — так велика лавина репрессий, обрушившихся на народ Чили.

Президент, поэт, певец, министр, секретарь Коммунистической партии — хунта пытается уничтожить сердце демократии. Рабочий, студент, крестьянин, врач...— хунта уничтожает саму демократию. Такое уже было. Историческая память человечества не забывает трагедию Испании и безудержное варварство германского фашизма. Особые счеты с фашизмом у советских людей. Поэтому нет среди нас равнодушных к тому, что происходит в Чили. Когда в дом друга приходит беда, спешат к нему на помощь, и одними из первых заявили о своей солидарности с чилийским народом советские писатели. Небольшая часть произведений, посвященных Чили, вошла в сборник «Чили — в наших сердцах».

Его составили работы авторов разного возраста и разного литературного опыта, бывавших в Чили и следивших за событиями в этой стране по информациям газет, сообщениям телевидения и радио — литераторов, склонных к публицистике как в прозе, так и в поэзии, и отдающих предпочтение лирическому началу в творчестве. И все равно сборник предстает перед нами единой книгой, сердца авторов которой бьются в унисон с сердцем страдающего и борющегося народа Чили.

Проза Е. Долматовского, М. Дудина, Б. Полевого, Н. Тихонова, В. Чичкова, стихи М. Алигер, Л. Васильевой, А. Вознесенского, Н. Грибачева, П. Грушко, В. Сорокина и других поэтов, иллюстрации Ильи Глазунова органично слились в книгу любви, ненависти и боли.

Я перелистываю страницы этой книги, и передо мной возникает Чили, далекая страна, олицетворяющая борьбу и надежду Латинской Америки; я повторяю строки стихов, и мне слышатся ее песни, прерванные автоматными очередями и взрывами бомб; я вглядываюсь в глаза на портретах и чувствую ее душу, душу прекрасного, трудолюбивого народа, которую топчут сейчас солдатские сапоги; я вчитываюсь в точные, лаконичные строки прозы и вижу лица Альенде, Неруды, Корвалана, лица простых чилийских рабочих и крестьян и словно слышу слова Пабло Неруды: «Солидарность с нами — хлеб и вода, в которых нуждается моя родина».

В произведениях, вошедших в сборник «Чили — в наших сердцах», написанных в большинстве своем в дни и часы, когда разрушенный президентский дворец стал символом попранной демократии, когда улицы Сантьяго и других чилийских городов превратились в кровавые реки, когда стадион «Насьональ» принял облик Освенцима, звучит голос советских писателей в защиту свободы, справедливости, человеческого достоинства. Они обличают убийц, гневно требуют остановить палачей, несущих смерть и страдание чилийскому народу. И с каждой страницы звучит твердая уверенность в неотвратимом возмездии, ожидающем фашистских громил, как в строках Н. Грибачева:

Но сила пистолета —
не всесильна,
Но власть штыка —
жалка и коротка.
И сколько б под нее ни получили
От грязных торгашей, пролаз,
иуд,
Неумирающая
правда Чили
Низвергнет их
и призовет на суд!

В. ВЕЛЬЯШЕВ

«Чили — в наших сердцах». Стихи, очерки, статьи. М., «Современник», 1974, 136 стр.

На снимке: на агитпункте в Тимирязевском районе Москвы. Заведующий агитпунктом С. С. Климов, агитаторы А. В. Сапунов и Т. Н. Паронджанова готовятся к встрече с избирателями.

Фото М. Савина

СТРАНА ГОТОВИТСЯ К ВЫБОРАМ

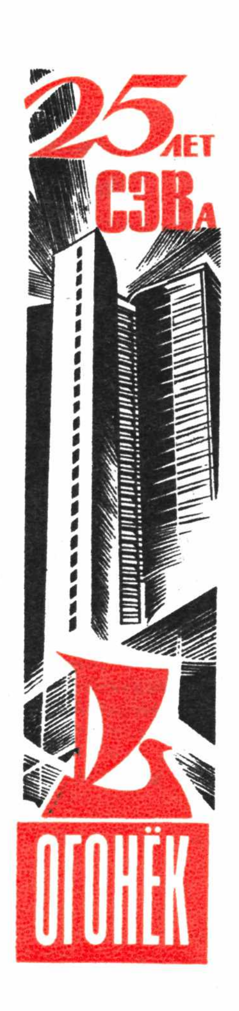
В воскресный день, 16 июня, откроются двери избирательных участков в городах и селах страны: советские граждане придут сюда, чтобы избрать депутатов в Верховный Совет СССР.

Предстоящие выборы будут первыми выборами в Верховный Совет СССР после исторического XXIV съезда КПСС, который начертал величественную программу экономического, социального и духовного развития нашего общества. В этом их главная особенность. До выборов остается еще более двух месяцев, но подготовка к ним уже развернулась по всей стране.

Опубликованы Указы Президиума Верховного Совета СССР об образовании избирательных округов по выборам в Совет Союза и Совет Национальностей. Утвержден состав Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР девятого созыва. Агитаторы Москвы, Ленинграда, Ульяновска, Киева, Саранска и других городов страны проводят беседы с избирателями. Только в одном Барнауле в связи с подготовкой к выборам развернули работу 15 тысяч агитаторов, политинформаторов, лекторов и докладчиков. Главная тема бесед в агитпунктах — важнейшие положения речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на торжественном заседании в Алма-Ате, посвященном 20-летию освоения целины.

Газеты изо дня в день рассказывают о работе агитаторов. Вот весточка из Хабаровского края, с оленеводческой базы Маймакан. Здесь приземлился самолет АН-2, доставивший, в частности, материалы для агитаторов. Работники красной яранги познакомили оленеводов с Положением о выборах, выступили с концертом.

Открылись уголки избирателей на рыбопромысловых судах в Тихом океане, Беринговом и Охотском морях. На плавбазе «Чукотка» моряки прослушают лекции о деятельности законодательных органов СССР, о советской избирательной системе. В районы промысла отправляются суда, которые доставят морякам и рыбакам и предвыборные материалы, брошюры, кинофильмы.

К ДРУЗЬЯМ НА «ЖИГ

Н. ЦВЕТКОВА,
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ,
Ю. КРИВОНОСОВ, Ю. ЛУШИН,
специальные корреспонденты
«Огонька»

ВСТРЕЧА В ГОСТИНОЙ «ВЕЙМАР»

Берлинцы на «ты» со своим городом, они запросто называют его «Менш Берлин», что в переводе означает «старина Берлин». Наши друзья из журнала «Фрайе Вельт» предупредили, что редакция переехала на новую квартиру и прежний адрес, хорошо нам знакомый, уже недействителен. Ну, что же, старина Берлин, показывай свой новый Дом печати, где живут теперь все главные газеты и журналы республики!

Проезжаем многоэтажные дома на Карл-Маркс-аллее. За ними начинается знаменитый Алекс — Александерплац, это — сердце столицы. Над одним из новых зданий издали видна неоновая визитная карточка «Фрайе Вельт», с которым «Огонек» дружит много лет. Приехали!

...Пожилой, величественного вида вахтер сначала бдительно изучил наши «дорожные мандаты» и уже потом вручил фирменный конверт, на котором было написано всего два слова: «Экспедиция «Жигули». «Дорогие друзья! Приветствуем вас на земле ГДР! Вам заказаны номера в отеле «Штадт Берлин». Отдыхайте с дороги, а завтра в 9.00 ждем вас в гостиной «Веймар», которая находится на первом этаже вашего отеля. Как мы и договорились, «Фрайе Вельт» вместе с вами проводит здесь «круглый стол», посвященный «Жигулям». До встречи! Вольфганг Шеель». Об отдыхе, конечно, не могло быть и речи! Судя по часам, беседа за «круглым столом» уже в полном разгаре. Оставив за углом машины, мы кинулись через туннель к отелю и, как были с дороги, с сумками в руках и аппаратурой, появились в гостиной «Веймар». Это был тот самый критический момент, когда наш коллега из «Фрайе Вельт» Вольфганг Шеель принял мужественное решение завершить встречу за «круглым столом» без нашего участия...

Мы с ходу включаемся в работу.

«ОГОНЕК»: Наш путь от польской границы до Берлина шел по одной из самых «горячих» автострад страны, и первое, на что все мы сразу же обратили внимание,— как много на дорогах «Жигулей»! Правда, последняя модель этой машины попадалась нам довольно редко.

А. КОЦЕРКЕ — НАРОДНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ПО ПОСТАВКЕ ЗАПЧАСТЕЙ: И не удивительно: в Берлине «ВАЗ-2103» появился совсем недавно. Эта машина сразу же привлекла всеобщее внимание и интерес. Хорошая машина! Покупатели очень довольны и внешним ее видом и мощностью мотора. Сейчас в ГДР это самый желанный автомобиль. Стоит поблагодарить за него конструкторов, техников и рабочих завода в Тольятти.

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ»: Сколько же сегодня «Жигулей» ходит по дорогам нашей республики?

Д. ЛИНДЕР — ОТДЕЛ ЗАКУПКИ И СБЫТА НАРОДНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ «ИМПЕРХАНДЕЛЬ»: Почти 50 тысяч! До сих пор Советский Союз хорошо выполнял наши заказы по экспорту «Жигулей», иногда даже с опережением сроков поставок.

П. СТИАВА — МИНИСТЕРСТВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ГДР: В следующем, 1975 году мы планируем получить более 60 тысяч легковых автомашин из СССР. «Жигули» составят половину этого количества.

«ОГОНЕК»: Обычно появление любой новой продукции на рынке связано с большими трудностями, когда же речь идет о новой машине, то и с преодолением так называемого «психологического» барьера у покупателя...

П. СТИАВА: «Жигули» преодолели этот барьер с ходу. Причина? В ГДР есть одно очень популярное слово «квалитет» — «качество». Так вот, качество тут сыграло большую роль. В 1972 году пришли первые 19 тысяч «Жигулей». В следующем году их количество существенно увеличилось. И все-таки спрос превышает предложение. Учтите, что наша страна в год производит сто тысяч легковых машин отечественных марок — «Трабант» и «Вартбург».

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ»: А как обстоит дело с запасными частями для новых машин?

А. КОЦЕРКЕ: В основном эта проблема решена. С лета 1973 года в Берлине работает специализированный магазин, где продаются запасные части для «Жигулей».

А. ФОМЧЕНКОВ — ОБЪЕДИНЕНИЕ «АВТОЭКСПОРТ». МИНИСТЕРСТВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ СССР: Да, очень приятно видеть этот магазин на Лейпцигской улице в Берлине. Мы работаем в тесном контакте с объединением «Имперхандель», и мне хочется подчеркнуть, что дело у нас идет неплохо: мы стараемся во всем помогать друг другу. В соответствии с соглашениями между нашими странами экспорт легковых машин из СССР будет расти и дальше. Это значит, что будет расти число обслуживающих предприятий. Сегодня их в ГДР уже 148, а три года тому назад было втрое меньше.

В. ЧУРОВ — ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВОЛЖСКОГО АВТОЗАВОДА: Вместе с товарищами из ГДР мы решаем нелегкие задачи, например, подготовка кадров для службы сервиса. Советские специалисты вместе со своими коллегами из ГДР в Лейпциге обучают молодежь на специальных курсах. Существуют учебные мастерские «на колесах», и, кроме того, министерство торговли ГДР посылает своих специалистов к нам, в Тольятти, чтобы прямо на месте разобраться во всем, что касается ремонта «Жигулей».

«ОГОНЕК»: Интересно было бы услышать мнение водителя «Жигулей» из ГДР.

Х. ПУЛЬМАНН — ШОФЕР ИЗ ОБЪЕДИНЕНИЯ «АВТОСЕРВИС»: Эту машину хвалят все. И я тоже! Скоростные возможности так хороши, что приходится все время остерегаться регулировщиков. Проблема одна — шины. К нашим скоростным дорогам больше подошли бы устойчивые радиальные шины.

В. ЧУРОВ: «ВАЗ-2103» уже «обули» в такие шины!

Х. ПУЛЬМАНН: Рад слышать, значит, и этой проблемы не будет!

...Мы процитировали выдержки из протокола беседы за «круглым столом» с единственной целью. Вслушайтесь, КАК ОБСУЖДАЮТСЯ ПАРТНЕРАМИ ИЗ ДВУХ СТРАН ДЕЛОВЫЕ ВОПРОСЫ, и сразу же станет ясно, что их самая главная задача — ВМЕСТЕ ДОБИТЬСЯ ОБЩЕГО УСПЕХА. Вместе добиваться общих успехов — в этом самая суть социалистической экономической интеграции.

Пауль Стиава, инженер-машиностроитель по образованию, вот уже десять лет занимается в министерстве внешней торговли ГДР деловыми контактами с социалистическими странами. Он говорит:

— У нас общий социалистический рынок, которому неведомы ни кризисы, ни экономические спады. А почему? Потому что все вместе, сообща планируем на этом рынке постоянный спрос на самую различную продукцию. Разумеется, всегда учитываются национальные интересы каждой страны, ее традиции, особенности экономического развития. Вот только один пример. ГДР в рамках СЭВа производит вагоны-холодильники. 60—70 процентов их уходит в СССР. Огромный и, главное, постоянный советский рынок позволяет выпускать продукцию крупными сериями и тем самым ее удешевить. Выгодно ли это нам? Конечно! А Советскому Союзу? Тоже!

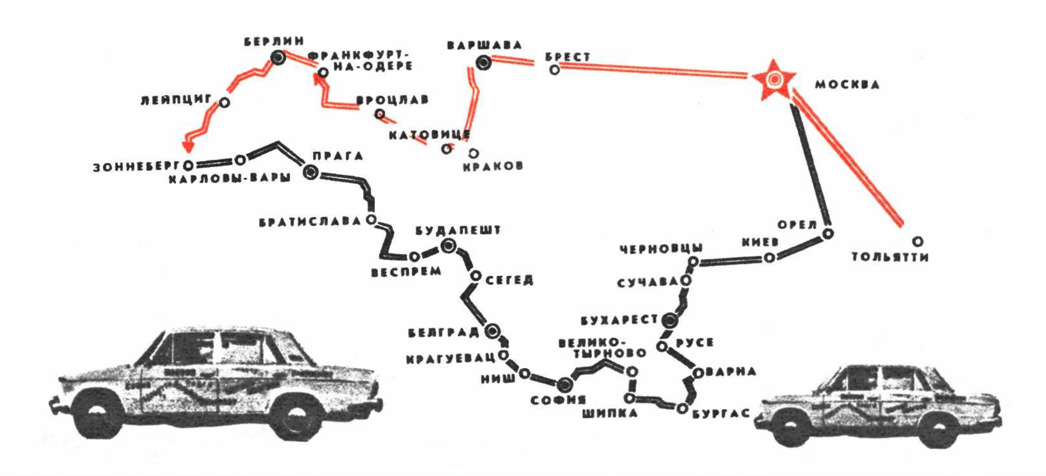
Дальше наша экспедиция разделилась на две группы: одна машина через Эрфурт отправляется в Зоннеберг, другая по пути заедет в Лейпциг.

Берлин. На советской выставке.

Начало см. в № 14.

Юрий ЛУШИН:

У АТЛАНТА

Наверное, нет в Лейпциге человека, который бы не знал, где находится предприятие «Глобо». Первый же встречный объяснил, как туда доехать:

— Поедете по той улице и смотрите направо. Как только увидите

Ханелоре Мехнет — руководитель экспертной группы.

атланта, держащего на плечах земной шар, вы у цели.

Да что там в Лейпциге! Во всей Европе каждый, кто водит машину, наверняка знает марку «Глобо». И, пожалуй, не только в Европе. На мировом рынке автокосметика, тормозная жидкость, средства для мойки машин, различные аэрозоли, которые производит «Глобо», теснят американскую и итальянскую продукцию, считавшуюся до последнего времени лучшей.

— Видимо, скульптура титана с земным шаром на плечах поставлена у входа на предприятие с намеком? — шутя спросили мы директора «Глобо» Ганса-Иоахима Рихтера.

— Во всяком случае, не просто как украшение,— совершенно серьезно ответил он,— наша продукция идет во многие страны мира, но мы не прочь еще более расширить рынок сбыта.

— А может ли автомобиль обойтись без вашей продукции?

— Может, но проживет недолгую жизнь. Помните сказку о живой воде, воскресившей богатыря? Наша автокосметика — живая вода для машин, она продлевает им жизнь. Ежегодно «Глобо» поставляет в СССР продукции примерно на миллион рублей. У нас очень тесные контакты с советскими специалистами. Например, недавно в Москве с успехом прошла совместная с СССР выставка-симпозиум «Химия для вас». У нас в «Глобо» существует исследовательский центр по аэрозольной упаковке, причем он является ведущим среди предприятий СЭВа. Так что надежды «Глобо» на своего атланта не лишены оснований!

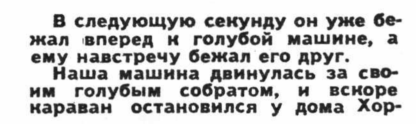
Юрий КРИВОНОСОВ:

Пришло время прощаться. Пора, пора было отправляться в Эрфурт, а по пути предстояло еще заехать в небольшой городок Мерзебург, где Лушина ждали немецкие друзья, с которыми он познакомился в Новосибирске минувшим летом. Юра отправил им телеграмму из Берлина о том, что едет к ним.

Мы въезжали в Мерзебург уже под покровом ночи. Почему-то сразу наша машина въехала на привокзальную площадь. Тут мы остановились, чтобы узнать, где находится нужная улица, а когда двинулись дальше, нас резко обошли слева голубые «Жигули» и замигали стоп-сигналами.

— Это они, это они! Тормози, Гирин! — крикнул Лушин.

В следующую секунду он уже бежал вперед к голубой машине, а ему навстречу бежал его друг.

Наша машина двинулась за своим голубым собратом, и вскоре караван остановился у дома Хорста Кабелке. Начался вечер воспоминаний, который можно назвать вечером Сибири. Новосибирск, Академгородок, Алтай — то и дело слышалось в разговоре. Преподаватель из Мерзебурга Хорст, его жена Рут и сын Йенс совершили летом путешествие в Сибирь. Летние впечатления и восторги к зиме нисколько не остыли.

В заводской лаборатории.

А на белом экране, повешенном на стену, в это время бушевала красота сибирских пейзажей, вздымались Алтайские горы, занималась заря над Катунью. Хорст и Йенс показывали свои сибирские слайды. К счастью, из сорока пленок они успели зарядить в кассеты лишь половину. Получив передышку, мы спросили Хорста:

— Давно ли ты купил «Жигули», и как они тебе нравятся?

— «Жигули» появились у меня год назад, но я сразу понял, что это та машина, которая мне нужна. До этого был «Трабант», потом «Москвич», объехал на нем всю ГДР и еще семь стран Европы, побывал в СССР. Но «Жигули», конечно, лучше, современнее...

Из окна смотрела поздняя ночь, когда мы стали прощаться. Снова впереди ехала голубая машина Хорста. Он проводил нас до дороги на Эрфурт. Юра обнялся с ним в последний раз, пообещав:

— Жди летом в гости.— И наша машина растворилась в ночи.

Новелла ЦВЕТКОВА:

ДИАЛОГ В ПУТИ

Отличные дороги в Германской Демократической Республике. Бетонные ленты разрезают поля и леса, оставляя где-то в стороне города и деревни. Есть и другие дороги — старинные, мощенные камнем, с фруктовыми деревьями, посаженными на обочинах. Мне больше по сердцу вторые: пусть замедляют они путешествие, зато сколько картин они дарят! Вот промелькнул домик лесника, закутанный в туманное покрывало. Ребятишки с ранцами за плечами долго машут нам вслед. Солнце встает все выше. Как весело блестят в его лучах красные черепичные крыши маленького города, название которого мы так и не успели отыскать на карте.

— Это родные места, тут неподалеку живут мои старики,— произносит Фриц Ян, наш коллега из журнала «Фрайе Вельт».— Ты впервые здесь, в Тюрингии?

— Нет, я была здесь год назад, вместе с победителями конкурса «Мой друг».

...Тогда, как и теперь, рядом со мной в машине сидел корреспондент из «Фрайе Вельт». Вместе с этим журналом «Огонек» провел конкурс, который еще теснее сблизил обе редакции. Письма о дружбе СССР и ГДР, которые пришли в Москву и Берлин, стали нашим общим богатством. Переписка друзей из двух стран дала счастливую возможность увидеть самое главное достижение социалистической Германии — нового человека...

Промелькнувший на дороге указатель предупредил о повороте к городу Эйзенбергу. Как жаль, что мы не можем повернуть и заехать в гости к славному человеку, который там живет. Я уверена, Герд Захсе — рабочий-крановщик, с которым в прошлый раз меня познакомил калужский шофер Сергей Павлючков, порадовался бы нашей новой встрече. Он сговорился с Сергеем, что в следующем году они опять проведут вместе отпуск.

Впереди еще один знакомый мне город — Эйзенах. Здесь живут большие друзья Зинаиды Давыдовой, учительницы из села Молоково, Калининской области. Вместе с Зиной я была в гостях у преподавателей педагогического училища Эрики и Вилли Циклер. Мой путь пройдет совсем близко от их гостеприимного дома. Мы сидели на уроках русского языка у Эрики, смотрели фотографии, привезенные ее студентами из экскурсий в Москву, пели русские песни. Помню, я поймала себя на том, что все время улыбаюсь. Отчего? Просто хорошо было на душе среди этих людей. В тот мой приезд я убедилась, что Социалистическая единая партия Германии выиграла

не только битву на экономическом поприще, создав под непрерывным обстрелом вражеской пропаганды процветающую экономику. Она выиграла ГЛАВНОЕ СРАЖЕНИЕ, сформировав новый облик немца — немца-интернационалиста, активного борца за мир и строителя новой жизни.

Я рассказываю об этом Фрицу и вижу: он понимает меня с полуслова. Иначе и не может быть: три-четыре раза в год он приезжает в нашу страну. Последняя его командировка была в Волгоград. Он приехал туда вместе с офицерами Национальной народной армии ГДР.

— Вот ты говоришь, мы новые немцы... Да, именно так — новые! Немецкий офицер из той группы в Волгограде, когда мы пришли с ним в дом Павлова и услышали рассказ одного из участников обороны этого легендарного дома, сказал поразительную вещь: «Я немец, но у меня такое чувство, что я был вместе с теми, кто здесь сражался против фашистов». По-моему, это и есть интернационализм!

...Серая лента дороги сливается с сумерками. Мы замолкаем, но ненадолго.

— Ты замечала, что пейзаж, природа влияют на характер человека и даже на его поступки?

— Честно говоря, я об этом както не задумывалась.

— А я замечал. Грандиозные просторы Советского Союза, его масштабы — все это, по-моему, приучает советских людей мыслить широко, нешаблонно и быть в постоянном поиске!

— Однако не все, наверное, объяснишь пейзажем...

— Не спорю! Но учти, что мою точку зрения поддерживают наши студенты, которые учатся в Советском Союзе.

— И Матиас тоже?

При упоминании имени сына лицо Фрица становится детски беспомощным. Он очень гордится сыном и тоскует без него. Матиас учится в Ленинграде, он будет горным инженером. Фриц рассказывал мне, что хранит все до одного письма сына. В них рассказ о том, как юноша из Берлина «входил» в жизнь Советской страны — как нашел здесь друзей, к которым приходит как в свой родной дом. Может быть, письма сына войдут в книгу, которую мечтает написать отец. Это будет книга о стране, в которой мой добрый товарищ Фриц Ян никогда не чувствовал себя иностранцем, которую он понял, полюбил и научил любить ее своего сына.

Тут я ставлю точку в своем репортаже и передаю перо Фрицу Яну.

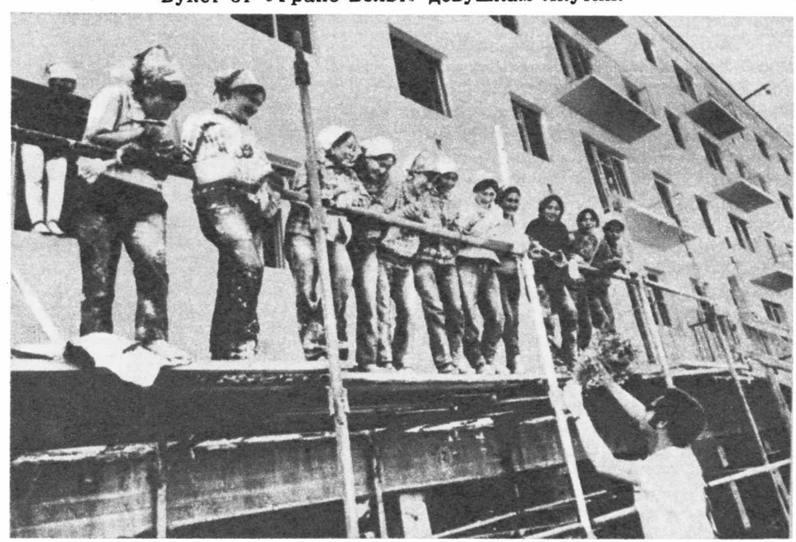
Репортаж ведет
Фриц ЯН

Фото А. Пасковиака.

ЛЮБОВЬ МОЯ, ЯКУТИЯ

Однажды в моей берлинской квартире раздался звонок. У двери стоял Юрий Анохин из Мирного. Он приехал в Берлин, совершив воздушный прыжок в каких-то 10 тысяч километров, чтобы посмотреть немножко мою страну

Букет от «Фрайе Вельт» девушкам Якутии.

Здесь мне надо сделать маленькое отступление. По роду своей журналистской профессии я уже побывал во многих республиках Советского Союза. У меня остались самые приятные впечатления, но по-настоящему влюбляешься лишь раз в жизни. А моя большая любовь — Якутия. Я побывал там дважды: в 1967-м и 1971-м, оба раза летом. И это давало мне веское основание съездить в Якутскую АССР третий раз — зимой. Приезд Юрия в Берлин оказался желанным поводом для воспоминаний.

...Мы, журналисты из ГДР, были гостями комсомола.

Ответственность моего друга, комсомольского секретаря, распространяется на область, равную по площади ГДР. Здесь сосредоточена значительная доля советских алмазов. Порой ему приходится летать за 600 километров, чтобы проведать какую-нибудь первичную организацию своего района.

Я не сторонник выспренних фраз, и, когда мне протягивают книгу отзывов, меня обычно охватывает легкое оцепенение. Но иначе было в Чернышевском. Немногим более десятка лет назад там жили три охотника: два якута и русский.

Будучи впервые в Якутии, я видел в Чернышевском на берегу Вилюя кажущийся хаос гигантской стройки. Я проезжал здесь по 400-километровому искусственному морю и спускался затем в лифте на глубину в десять этажей. Там, внизу, среди вечной мерзлоты, в зале, отделанном пластиком, гудели мощные турбины, дающие энергию десяткам якутских городов, поселков и алмазных фабрик. Тысячи молодых людей в полярную стужу и жару строили эту гидроэлектростанцию. Может, для кого-нибудь это прозвучит и слишком патетически, однако я чувствовал то, что записал в книге отзывов в диспетчерской: «Неизмеримо драгоценней якутских алмазов молодежь этой страны, которая своим огневым задором несет свет и тепло в некогда богом забытую тайгу».

Как описать чувство, охватившее меня в Якутии? Может быть, это было своего рода опьянение расстояниями? Началось оно уже в полете из Москвы в Якутск. Десять часов со скоростью 650 километров, а внизу бесконечные просторы.

Два дня мы гостили у Владимира Щукина, лауреата Ленинской премии, начальника экспедиции, насчитывающей 900 человек. Комсомольцем пришел он в якутскую тайгу и открыл богатое месторождение алмазов.

На Севере, как и на других крупных стройках в Советском Союзе, своего рода сито: мелкие души просеиваются через него. Среди них те, кто приехал сюда за длинным рублем,— довольно малый процент, в чем я сам смог убедиться. Молодые специалисты остаются. Все выпускники вузов, с которыми мы беседовали, утверждали, что при распределении число желающих поехать на Крайний Север в два-три раза больше предложенных мест.

...Когда я перелистываю свои путевые заметки, то не всегда могу вспомнить, был ли тот или иной мой собеседник русским, якутом, эвенком или украинцем. Это не столь уж существенно. Важно то, что все они чувствуют свою принадлежность к одной большой семье — семье советских народов. Ощущать на каждом шагу эту общность, родившуюся за годы существования СССР, было для меня самым драгоценным и прекрасным впечатлением в этой поездке.

Возможно, теперь, дорогой читатель, вы тоже поймете, почему я так обрадовался, когда мой друг Юрий из Мирного совершенно неожиданно позвонил в дверь моей берлинской квартиры. Конечно же, мы с моим коллегой и спутником по поездке, фоторепортером Альфредом Пасковиаком показали Юрию наш новый Берлин, площадь Ленина, достопримечательности нашей социалистической столицы. На Восточном вокзале, когда поезд Юрия тронулся, мы долго махали вслед. К черту прощальное настроение! Мы обязательно встретимся снова. Мы ведь едем в одном поезде...

Юрий КРИВОНОСОВ, Юрий ЛУШИН:

ВЫЗОВ НА СОРЕВНОВАНИЕ

Для производства маленькой автомобильной свечи нужен солидный завод. Правда, завод в Зонneберге создает еще и большие изоляторы для ленинградской «Электросилы» и совсем огромные — для транссибирской железнодорожной магистрали. По сравнению с ними свеча для автомобильного мотора сущий карлик, но без этого карлика машина не тронется с места.

— Скажите, какие свечи зажигания стоят на машинах, на которых вы сюда приехали?— спрашивает вазовцев директор завода Фридрих Энгельгард.

— Свечи вашего завода и, надо сказать, отличные!

— Спасибо на добром слове! Честно скажу, когда мы заключили договор с Тольятти на поставку свечей зажигания для «Жигулей», волнений и тревог было много. Справимся ли мы с высокими требованиями советских товарищей? Одно дело — когда мы работали для нужд нашей республики. Другое — участвовать в создании продукции мирового класса.

— Но ведь получилось! Теперь ваше предприятие — один из крупнейших поставщиков свечей зажигания в странах СЭВа!

— Да, мы уже стали самым крупным в республике предприятием по производству электротехнического фарфора. Кстати, известно ли вам, что наши изоляторы отлично зимуют на транссибирской магистрали? Но будущее завода, будущее всего этого города, конечно, связано с автомобилем! Наши долгосрочные договоры с Тольятти уже относятся к 80-му году.

...Мы первыми из советских журналистов посетили завод «Изолятор» в Зоннеберге, поэтому интерес при встрече был взаимный, острый. В цехе свечей к нам подошла белокурая женщина, Хельга Шнабел, и сказала, что с нами хотела бы встретиться бригада имени германо-советской дружбы.

Нас расспрашивали о Тольятти, о «Жигулях», о впечатлениях в Зоннеберге. Мы интересовались делами бригады, ее планами на будущее. Оказалось, существует дневник, куда заносятся самые важные события. Мы с большим интересом начали перелистывать его. Вот последняя запись: «Бригада в третий раз завоевала перехо-

Кирилл Трофимович **МАЗУРОВ.**

К 60-летию со дня рождения.

В. Бакшеев (1862—1958). ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ. 1940. (Фрагмент). Государственная Третьяковская галерея.

дящее красное знамя завода». Его вручили как раз перед нашим приездом.

Недавно от одного автовладельца на завод пришло письмо, в котором он сообщал, что его машина проехала 80 тысяч километров не меняя свечей.

— Не ваша ли бригада сделала такие хорошие свечи? — спросили мы.

— Конечно, наша,— без колебаний ответил бригадир Хельмут Либерман, и все его поддержали.

— Наша бригада германо-советской дружбы просит передать: мы вызываем на соревнование бригаду сборщиков автозавода в Тольятти.

— Мы обязательно передадим это товарищам в Тольятти,— пообещали начальник конструкторского бюро ВАЗа Геннадий Клячин и водитель-испытатель Юрий Гирин.

У выхода из цеха нас догнал другой бригадир, Герхард Енгел. По заводу разнеслась весть о том, что бригада имени германо-советской дружбы вызывает на соревнование сборщиков ВАЗа, и Герхард от лица бригады имени Альберта Швейцера просил передать, что и они тоже хотели бы соревноваться с вазовцами!

Новелла ЦВЕТКОВА:

Длинный путь полон неожиданностей. Ну кто бы мог подумать, например, что самый большой сюрприз Зоннеберга приготовлен нам в доме восемь по Квирацштрассе, где находится детский сад! Незадолго до нашего приезда здесь произошло одно необычное событие. Однажды средь бела дня исчезли все до одной воспитательницы. Вместе с ними и уважаемая фрау директор Ильза Донекер. «Чужих» воспитательниц дети встретили, конечно, ревом.

Пришлось на помощь вызывать мам, свободных от работы. И самое удивительное, что мамы восприняли невероятную новость спокойно и даже доброжелательно! «Ничего,— сказали мамы,— одну недельку как-нибудь продержимся!» Стало ясно, что им было совершенно точно известно, где находятся и когда вернутся воспитательницы.

А находились они совсем рядом с редакцией «Огонька», в детском саду издательства «Правда», с которым зоннебергский детский сад дружит вот уже несколько лет. Поездкой в Москву остались довольны и воспитательницы и дети, которые получили новые подарки в свой «уголок дружбы». Конечно, мы не могли проехать мимо «побратимов» из детского сада имени германо-советской дружбы.

...— Да вы угощайтесь как следует! Не стесняйтесь!

Сидим на маленьких стульчиках, жуем бутерброды, а фрау директор и молоденькие воспитательницы не спускают с нас ласковых взглядов. Наверное, в их глазах мы — воспитанники детского сада издательства «Правда», гостями которого все они недавно были.

— О, Москва! Это такой город! Мы прожили там целых пять дней! Знаете, нам было жалко тратить время на сон — так много хотелось увидеть и узнать.

— А что вам понравилось больше всего?

— Мы влюблены в москвичей — в детей и взрослых. Такие простые, сердечные, гостеприимные.

Накинув белоснежные халаты, гуськом, на цыпочках (еще не кончился «тихий час»), обходим дом, блистающий чистотой.

— А вот и ваша комната! — с улыбкой распахивает дверь фрау директор,— мы называем ее уголком дружбы, потому что тут собраны все подарки из детского сада издательства «Правда».

Тут и куклы, и матрешки, и зайцы, настольные игры, книги и рисунки, масса самых разных рисунков. Художники оказались очень скромные, они подписывались просто — «Оля Б.», «Игорь П.», «Лена Н.». Впрочем, один из них все-таки не пожелал остаться в неизвестности и написал: «Саша Попов, 6 лет и 7 месяцев».

Саша нарисовал ракету в голубом небе, и на нее с доброй улыбкой смотрел из портретной рамки Юрий Гагарин.

...Резвый топот ног, горький плач и заливистый смех — все это вместе означало, что «тихий час» окончен. Мы возвращаемся в комнату директора — сейчас будет концерт в честь нашего приезда. А вот и «артисты» — девочки в ярких сарафанах, мальчики — в русских рубахах навыпуск.

Сначала мы услышали песню про матрешку, которая живет в стране, где все люди любят мир и ненавидят войну. Потом была песенка о дружбе всех ребят. Но больше всего нам понравилась песня о солдатах, которые защищают от войны и детей и их кукол.

А солдаты, о которых они пели, были совсем близко. Из окна за тюлевыми занавесками была видна западная граница, которую оберегали солдаты Национальной народной армии ГДР.

Когда мы прощались, директор показала нам снимок — маленькая девочка из детского сада имени германо-советской дружбы на руках у советского солдата. «Дети — будущее социалистической Германии,— прочитали мы строки в альбоме, который хранится в детском саду.— Им строить на немецкой земле коммунизм! Желаем вам больших успехов в воспитании нового поколения. От имени советских воинов гвардии капитан Скворцов С. А.» Он тоже был солдатом из этой песни...

— Куда же едем теперь?

— На фабрику игрушек. Кстати, большая часть ее продукции идет в Советский Союз. И потом, может быть, стоит посмотреть местную знаменитость — самый известный в Европе музей игрушек!

...Оказывается, кукол делают мужчины! В цехе прессовки — почти тропическая жара. Молодые ребята в майках, а то и вовсе раздетые по пояс, «колдуют» у машин. И вот уже плывут мимо нас на ленте конвейера детали продукции — руки, ноги, головы и туловища. Зрелище, прямо скажем, не очень-то эстетичное.

— А теперь мы в цехе сборки. В день здесь рождается почти шесть тысяч кукол, — объясняет директор предприятия Хейнц Редер.

Мы видим, как их одевают (на фабрике есть специальное конструкторское бюро по моделированию кукольной одежды!), причесывают и «учат» закрывать и открывать глаза.

Каждый день из этого города уходит по пятнадцать контейнеров игрушек. Нарядные куклы в компании мишек, зайцев и котят отправляются в далекое путешествие. Нам очень понравились эти игрушки, и мы порадовались за наших ребят, когда узнали, что в этом году больше половины всей продукции фабрики попадет в нашу страну.

...Последнее, что мы увидели в Зоннеберге перед отъездом,— музей игрушек. Мы добрались туда, когда уже совсем стемнело и рабочий день музея был закончен. Пожилой человек в пенсне поджидал нас у входа, держа в руках шляпу. Это был директор и гид музея, краевед Георг Зоммер. Спасибо ему, он подарил нам счастливые минуты возвращения в детство!

По широкой лестнице мы вошли в старинный просторный дом. В давние времена здесь была школа, в которой кукольные мастера постигали тайну жизни игрушек. А вот и мраморный бюст основателя школы Пауля Кунце. Много лет тому назад он предложил местным школьникам собирать старинные игрушки, сделанные умельцами-кустарями, которыми славился Зоннеберг еще в XVII столетии. Вместе с ребятишками поиском игрушек увлеклись жители города, и теперь здесь самый большой в Европе музей игрушек.

Мы идем от одной витрины к другой. Георг Зоммер объясняет. Вот крохотные изящные куклы, которыми играли дети в Древнем Египте, а эти, из раскопок Трои, подарил музею знаменитый Шлиман. Тут есть игрушки римлян, живших уже в нашей эре, и первые игрушки, сделанные на немецкой земле: рядом с большой коллекцией «щелкунчиков» забавные всадники на разноцветных лошадях. Эти всадники, оказывается, из городского герба, и сегодня их изображения украшают задние стекла многих зоннебергских автомобилей. Куклы из дерева, хлеба, папье-маше, фарфора, воска. Первые механические игрушки — мельницы, карусели, мышки и коровы. А рядом, в коробочках, стоят их «голоса».

Дольше всего мы задерживаемся у витрины, где сами игрушки рассказывают о жизни тех, кто их создавал. Вот они, макеты тесных комнатушек, где ютились когда-то мастера-кустари. За работой вся семья, мать раскатывает глиняное тесто скалкой, отец «сажает» игрушку в печь. Ребятишки да и старики раскрашивают готовую продукцию. Старичок — хранитель музея бывал в низких, пропитанных сыростью и дымом комнатушках, где царила бедность и нужда. Столяр по профессии, он сделал первую свою игрушку в 11 лет. Возраст этот по тем временам был вполне «рабочим»...

Экскурсию по музею завершал осмотр игрушек, присланных сюда из многих стран мира. И вдруг — неужели? На одной из полок, за стеклянной витриной, я вижу знакомого розового деревянного конягу с пышной гривой. Точно такой же стоит у меня дома, подаренный моим соседом Михаилом Барашковым, известным резчиком из подмосковного села. Смотрю на табличку: так и есть — «Игрушка из села Богородское. СССР». Кто станет после этого отрицать, что длинный путь всегда полон неожиданностей!

...Настал день нашего отъезда. Еще не рассвело, и города почти не видно. Мы выходим из зоннебергской гостиницы, прижимая к себе лупоглазых голубых и розовых котов, подаренных нам на игрушечной фабрике.

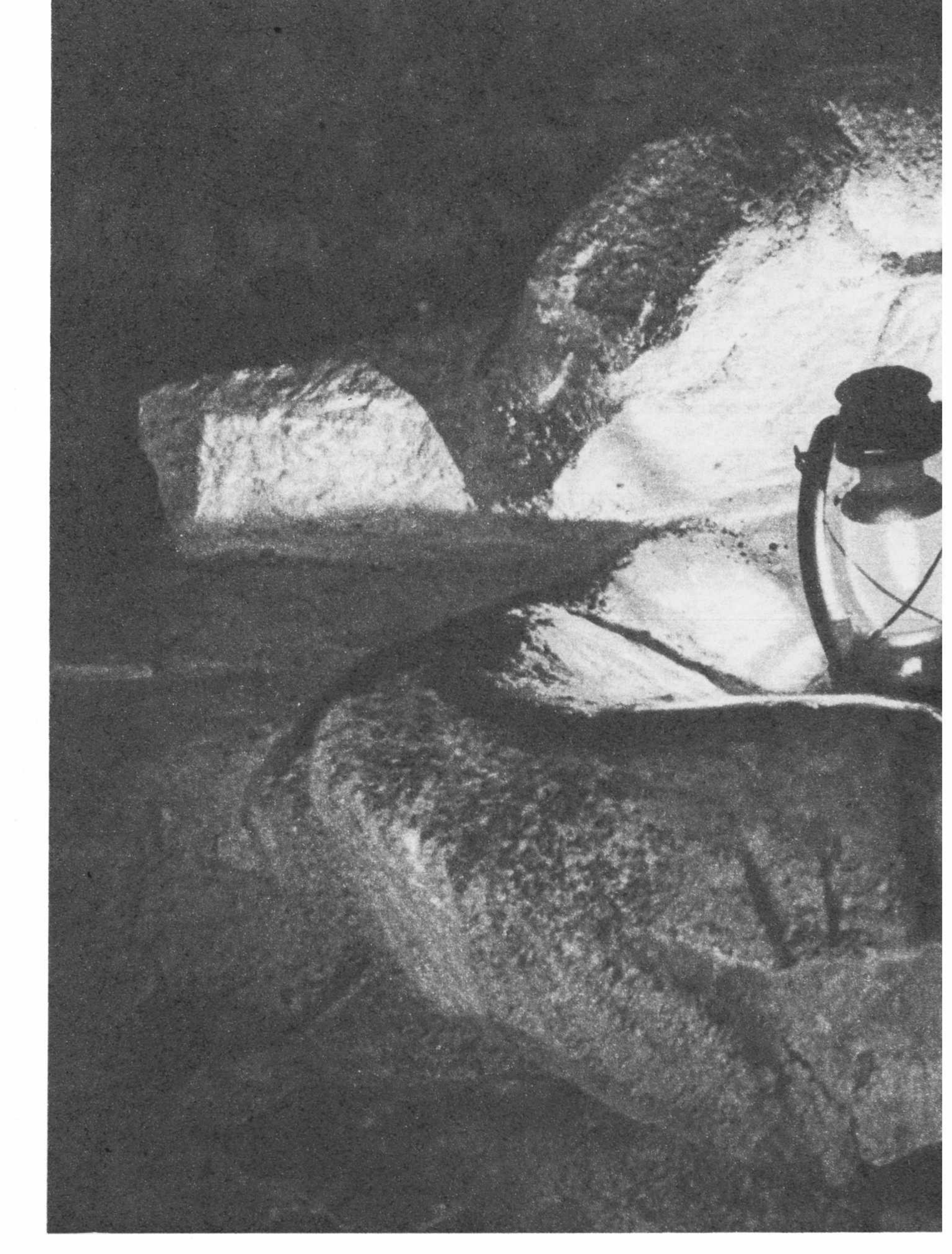
Прощай, Зоннеберг! Через несколько минут мы уже катим по горной дороге.

Вот и еще один этап путешествия через считанные мгновения отодвинется в прошлое, оставив свой след в нашей памяти, на страничках блокнотов и кадрах фотопленки. Возле курортного городка Бад-Брамбах мы прощаемся с нашими милыми друзьями, журналистами из «Фрайе Вельт» Аделиной Ринас и Фрицем Яном, с которыми были неразлучны эти несколько дней. Вечером поезд увезет их в Берлин, а сейчас они отправляются в маленькую гостиницу возле самой границы, чтобы чуть передохнуть от той сумасшедшей гонки, в которую мы их вовлекли. До гостиницы столько же шагов, сколько и до шлагбаума, отделяющего нас от Чехословакии. Мы подкатываем к служебному домику и, не выходя из машин, подаем свои паспорта в окошко. Через минуту нам их возвращают, шлагбаум поднимается, звонкие «жигулевские» сигналы уже из-за границы шлют Аделине и Фрицу наши прощальные приветы. И мы еще долго видим, как ветер теребит их волосы и треплет полы пальто.

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

У могилы Неизвестного матроса.

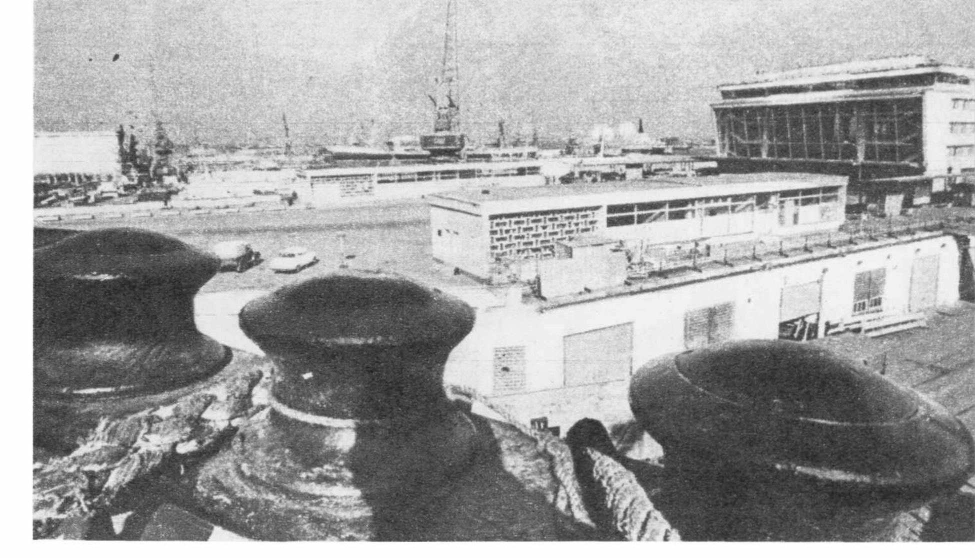
ВАХТУ НЕСУТ

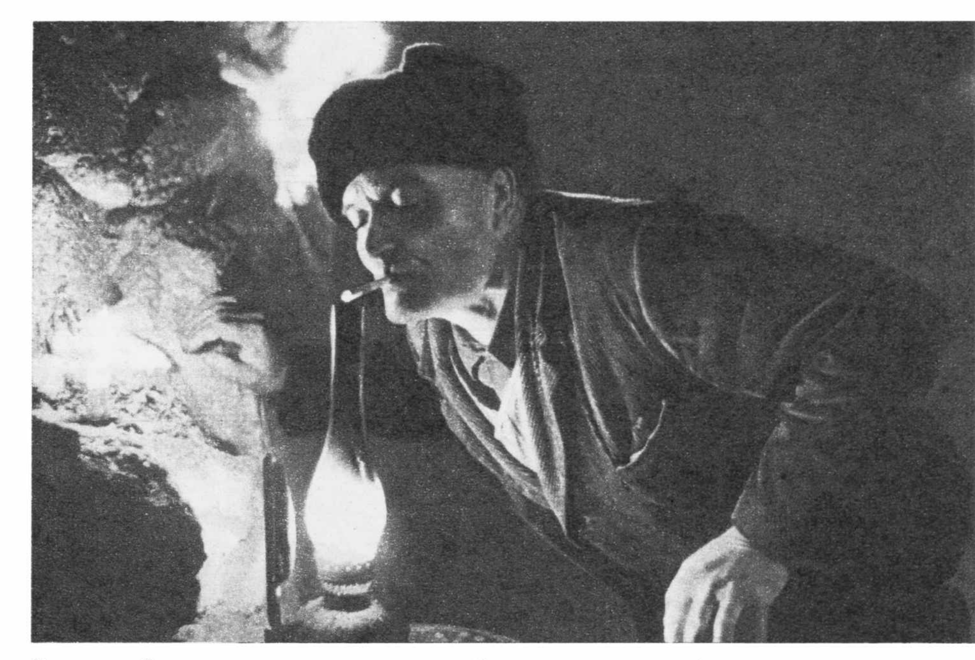
Конница генерала И. А. Плиева на подступах к Одессе. 1944 год.

Героям одесского подполья...

В катакомбах, где партизанил его отец, Гавриле Ивановичу Кужелю, работнику музея партизанской славы, известен каждый выступ.

ЮНАРМЕЙЦЫ

Фото Дм. Бальтерманца

1944–1974

К 30-летию ОСВОБОЖДЕНИЯ ОДЕССЫ

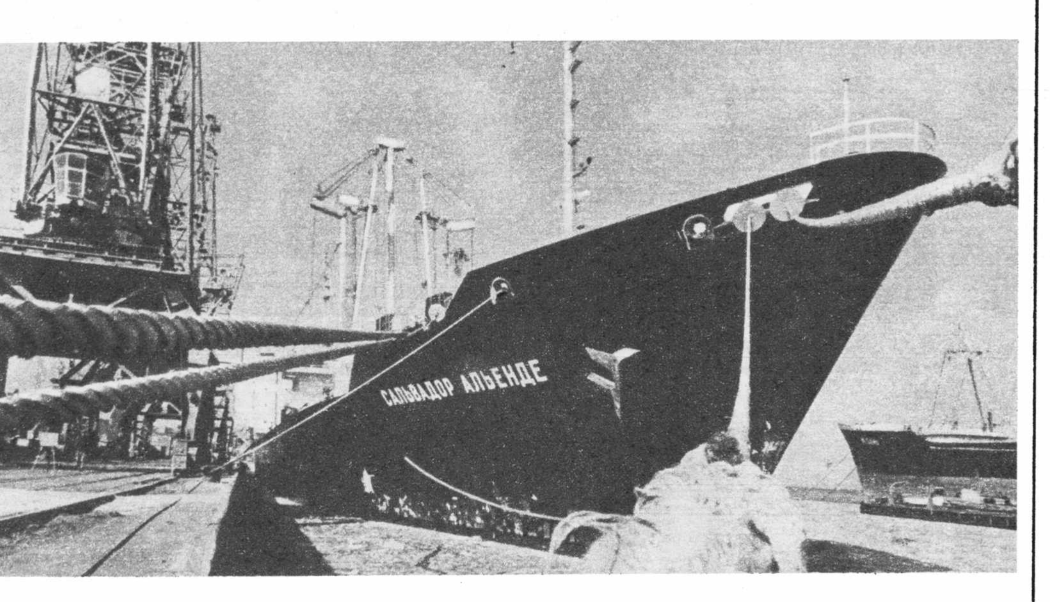
Л. ШЕРСТЕННИКОВ
Фото автора.

...Глухо звякнул неловко задетый котелок. Пламя свечи осветило расступившиеся стены штольни. В каменной нише — дощатые нары, изъеденная временем и подземной сыростью рация, кастрюли, кружка, полустершиеся карты... Партизанский лагерь подземного города-крепости.

По каменному коридору проследовала группа туристов. Сегодня последняя. Следом за ней идет человек, гасит пламя свечей, прикручивает фитили ламп, и все плотнее

В свой первый рейс из Одессы к берегам Вьетнама отправляется судно, названное именем Сальвадора Альенде. Капитан теплохода — Владимир Константинович Несмеянов, выпускник одесского училища.

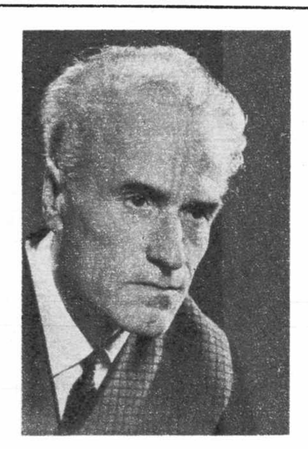

сжимается темнота над последней искоркой света, дрожащей в его руке. Как непрочен свет и как тяжелы стены!

У одесских катакомб богатая история. На ее страницах — события революции и гражданской войны, оборона Одессы от фашистских полчищ, героическая борьба партизан, имена отважных бойцов, партийных работников, снискавших своими подвигами нетленную славу городу-герою. Для одессита Гаврилы Ивановича Кужеля, как и для многих его сограждан, эта история — часть его собственной биографии. Резчик камня, шахтер, солдат, Гаврила Иванович знает каждый поворот, каждый выступ подземной крепости, как знал и его отец Иван Афанасьевич Кужель — один из героев партизанского подполья.

...Толе Волченко было четырнадцать лет. Всего четырнадцать, а юный разведчик уже был награжден орденом Красной Звезды и несколькими медалями. С войсками генерала Плиева он в числе первых вошел в Одессу. Сейчас за плечами у плавильщика Анатолия Тимофеевича Волченко двадцать лет работы на прославленном одесском заводе тяжелого краностроения имени Январского восстания — «Январке», как зовут его одесситы. Той самой «Январке», которая в годы войны, перейдя, подобно многим предприятиям, на военные рельсы, громила врага...

...Без моря нет Одессы. Или, как уточняют одесситы, без Одессы нет моря. Оно всюду — в пронзительной голубизне воздуха, в приглушенных расстоянием гудках подходящих судов, в могучих портовых кранах, выстроившихся на десятки километров, в гранитном обелиске с надписью «Неизвестному матросу», обелиске, у основания которого пылает Вечный огонь, и каждый день, каждый час несут здесь вахту юнармейцы — комсомольцы и пионеры, дети и внуки защитников города...

Леонид ШКАВРО

ВЫСОКОЕ СОЛНЦЕ

ПЛАВКА

Клокочет плавка
в огненной печи,
бурунит, неуемная, тревожно...
И вправду,
в накалившейся ночи
к ней даже подступиться
невозможно.
Над нею человеческая власть.
Но так металл расплавленный
бушует,
что кажется: мартену кто-то
в пасть
однажды сунул
сопку Ключевскую.

НОЧНОЕ СОЛНЦЕ

Горизонт
оплывая космато,
сквозь снега ветровые зимы,
догорали
обрывки заката,
не осилив густеющей тьмы.
А на смену ему
из оконца,
из родных сталеваровых рук
восходило
высокое солнце,
освещая, что было
вокруг.
И безмолвно глядели
на город
из-за плеч угловатых его
в фиолетовых шапочках
горы,
в полусне
не поняв ничего.

СТАЛЕВАР

Насупив солнечные брови,
он весь — мгновенье,
потому
все то, что взглядом цепким
ловит,
повелевается ему...
И ночь
теплеет от металла...
И в этот раз
не я один:
все человечество,
казалось,
снимает шапку
перед ним.

* * *

Роднясь в труде
с рабочим классом,
своим стихом
из слов литых
я ставлю крепкие каркасы,
потом высвечиваю их.
Они в душе-исповедальне,
влюбленной
в гору Благодать,
берут
перед дорогой дальней
все, что положено им
взять.
И где-то там —
за первым взлетом —
тогда им будет
долгой жизнь,
когда без них
в России кто-то
уже не сможет обойтись...

* * *

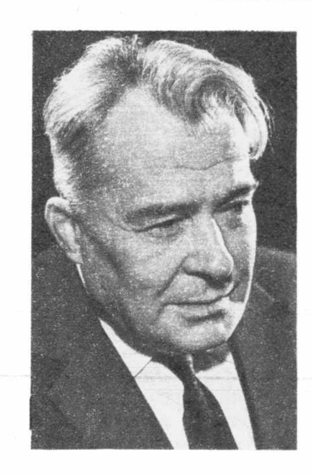
Гилемдару Рамазанову.

Земля рассветом вспыхнувших
рябин
меня хранит,
как мать родного сына,
что до скончанья ею так
любим,
как и она
им трепетно любима.
Ко мне на травянистый
бугорок,
расталкивая
солнечные блики,
подруливает юркий ветерок
настоем разомлевшей
земляники.
Облюбовав
березовый уют,
любовью зачаровывая сердце,
мне соловьи в Уфе
не устают
высвистывать
мудреные коленца.
А травы,
щедрость летнюю ценя,
с себя неслышно
стряхивают росы,
и сладковатой благостью
пьянят
налившиеся солнцем
медоносы.
И так земля родная
далеко
мне видится,
грядущим озаряясь,
что на душе становится
легко,
как будто бы
я заново рождаюсь.
И припадаю к ней
у тростника,
кудрями утопающего в сини,
и пью
живую воду
родника
из травяного ковшика России.

г. Свердловск

Николай **СОКОЛОВ**

КАК МНОГО В ЭТОМ ЗВУКЕ

* * *

На Выставке народных
достижений
простор и синь.
Предвестье торжества.
С орбиты дня,
гудя от напряженья,
стартует —
в мир незнаемый —
Москва.
Вперед шагнув,
привстав на пьедестале,
над всеми нами
образуя герб,
Рабочий и Колхозница из стали
скрестили
молот Родины
и серп.

ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ

В кипенье Лубянки
из дома Чека
он вышел —
быть может, лишь раз
за неделю
минут на пятнадцать...
И встал на века
в своей долгополой
железной шинели.

По тюрьмам иссохшее тело
звенит.
Задумчивый взгляд
прожигает гранит.

Сама Революция
в вечном бою
ему поручила
охрану свою.

Он — щит для друзей,
он — меч для врага.
На службе горит
председатель Чека.

Горит
и сгорает...
И знает Москва:
чисты его руки,
ясна голова.

Он должен
врага распознать за версту,
знать логику фактов,
событий пружинки...
Всегда на страже,
всегда на посту
солдат революции —
Феликс Дзержинский.

ЦАРЬ-ПУШКА

Осевши под царственным
грузом,
прогнулась твердыня земли.
Грядой астраханских арбузов
чугунные ядра легли.

Оружье старинного века.
ЦАРЬ-ПУШКА! —
Толпою стоим.
Страшила она человека
великим размером своим.

Но эта чугунная сила
вовек не содеяла зла.
Она никого не убила,
диковиной русской была.

Знакома с войной лишь
по книжкам,
играет в войну детвора.
Болтают ногами мальчишки,
усевшись на кромке жерла.

МОГИЛА НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Осталось для всех неизвестным
все то, чем владел он, живой:
фамилия,
имя,
и место,
и дата рожденья его.
В одном из боев скоротечных
все отдал он
ради страны...
Лишь только душа его
вечно
горит у кремлевской стены.

И мнится нам:
в доблести честной,
багряным гранитом одет,
здесь спит
не солдат неизвестный,
а брат твой...
отец твой...
твой дед.

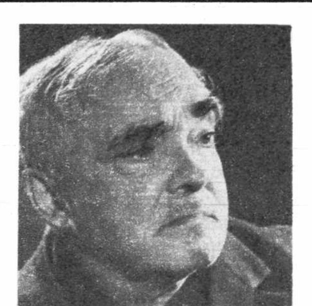
ОСТАНКИНСКАЯ БАШНЯ

Как в тайну жизни
мысль
вонзается бесстрашно,
прокалывает высь
Останкинская башня.

Деталью городской
сегодня стала небыль:
останкинской иглой
к земле пришито
небо.

Федор **ФОЛОМИН**

БЕРЕГА

* * *

Ночь сентябрьская позолотила
все Поволжье.
Любуйся, дивись!
Небесам ты глаза посвятила;
запрокинула голову ввысь.

И, девичьим вниманьем
согреты,
будто яблоки, хлынув с горы,
разыгрались, сверкнули
планеты:
завладели сознаньем миры.

Говорит моя память по-русски,
обращается к милой сестре...
Затерялась она в Васильсурске;
полоскала белье на Суре.

За плечами покосы, погосты.
Только вижу над ними везде
глаз твоих удивленные звезды;
вижу волосы в лунном дожде.

* * *

Вот приснится молочное лето
подпаску,
берега — в густоте киселя...
Окуни меня, осень, в глубокую
сказку,
где сверкнет перед снегом
земля!
Мне бы хвойным настоем зари
захлебнуться,
там, где иней отпущен
с лихвой.

Научи меня в заморозки
улыбнуться
искрометной узорной листвой!
Без обмана у нас чудеса,
без оплошки:
кружевницам — венчальная
честь;
из березы да липы точеные
ложки
град Семенов заставил
расцвесть.

Грибники заблудились
в заволжских туманах,
обобрали пригорки, кусты;
и на блюдах просторных,
простых, деревянных,
заслонил подосинник цветы.
Сколько света в лесах,
тишиной оглушенных,
сколько зорь у людей на веку!
Тыщи лет пожелаю земле —
кукушонок,
повторяя протяжно: «Ку-ку!»
Походить-побродить
по лежневкам охота,
понабраться в пути мастерства!
Жарким пеплом горячего
доброго года
под ногой полыхает листва.

РЯДОМ С КЛЕ

ГЕРОИ ПЯТИЛЕТКИ

Виктор ЛОГИНОВ

Клепикова знают все. Я недавно был в Воронеже, и там, на центральной улице вдруг бросился в глаза знакомый портрет нашего Михаила Ивановича. В своей неизменной шляпе, в рубашке с расстегнутым воротником, Клепиков стоял по грудь в пшенице и рассматривал, а вернее, призадумавшись, оценивал сорванный колос. Такие же портреты я видел прошлым летом в Ростове, Риге и, конечно, в Москве. Ничего удивительного в этом нет. Клепиков — член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР. Но прежде всего он был и остается хлебопашцем, признанным мастером высокой культуры земледелия. Звание Героя Социалистического Труда он получил за рекордные сборы озимой пшеницы и сахарной свеклы. В бригаду, которой руководит вот уже двадцать три года, приезжают земледельцы со всех концов света.

Да как же Клепикова не знать! Скажи в Краснодаре: «Еду к Михаилу Ивановичу»,— и все поймут. В Усть-Лабинске же, кубанском степном городке, где живет и работает Клепиков, непременно с улыбкой поинтересуются, к кому именно держите путь. К бригадиру-четыре или к бригадиру-пять? Бригадир-четыре — знаменитый Клепиков. Бригадир-пять — не менее известный в районе Третьяков. Они соседи и соперники в поле. И тот и другой — Михаилы Ивановичи. Поэтому в Усть-Лабинске надо называть еще и фамилию.

Земляки гордятся Третьяковым так же, как и Клепиковым. Но вот на всю страну имя бригадира-пять прозвучало совсем недавно. И то, что оно прозвучало из уст Михаила Клепикова, было и естественно и символично.

10 декабря 1973 года, выступая по Центральному телевидению в программе «Время», Клепиков поздравил своего друга с присвоением ему звания Героя Социалистического Труда. Бригадир-четыре обращался к бригадиру-пять с открытой, ничем не замутненной радостью. И всем, кто хорошо знал этих людей, было понятно это светлое, возвышенное чувство большого мастера и скромного человека.

* * *

Тот декабрьский денек я провел в Усть-Лабинске.

В декабре на Кубани может быть по-всякому. По календарю — зима, но чаще всего погода капризничает и напоминает осеннюю. Снега, как правило, нет, идут дожди, серые, с сумрачной синевой. Но когда облака редеют, обнажая светло-голубое небо, и потом стихает, куда-то прячется ветер, в такой миг вдруг почувствуешь запах весны, повеет ею, бесцельно обманывая взгляд светом в лужах и в воздухе, солнечными узорами на голых деревьях и еще чем-то невнятным, ускользающим. Изумрудная травка, замеченная где-нибудь на пригреве, тогда словно скажет: «А зимы-то и не будет, что, обманули вас!» И в самом деле хочется верить, что зима обойдет этот край стороной...

Именно таким обманным и было утро 10 декабря. Много растворилось голубой краски в воздухе над Усть-Лабинском, облака на небе сбились к краям, и там они были то розоватые, то сизые с пороховыми пятнами, то палевые. Такого тихого и ясного света давно уже не проливалось над землей.

Любуясь каждой ожившей веточкой в садах и на клумбах, я бродил возле райкома, пока не увидел в окне второго этажа Александра Афанасьевича Пахомова. Из этого окошка секретарского кабинета видно далеко — и река Кубань и озимые за Кубанью. Пахомов по утрам, в легкую свободную минуту, любит постоять у окна, я это уже приметил.

Мы знакомы, кажется, лет пять, если не больше. Пожалуй, больше, но особенно часто я бывал у Пахомова последние пять лет. Он всегда встречает улыбчивыми словами: «Рад тебя видеть!» Мы иногда разговариваем долго. С ним приятно и поспорить.

На этот раз я говорю Пахомову, что, наконец, приехал не просто так, поглядеть да умные слова послушать, а по делу, даже по заданию. Обязательно надо с Третьяковым познакомиться.

— Указ прочитал? — спрашивает Пахомов.

Это так, Указ Президиума Верховного Совета СССР я уже читал. И знаю, о чем сейчас думает Александр Афанасьевич. Сколько раз он мне говорил о Третьякове.

— Правда, что Третьяков работает не хуже, чем Клепиков? — спрашиваю я.

Такое мнение в районе высказывают открыто.

— А ты спроси самого Михаила Ивановича,— отвечает Пахомов.— Вот что тебе Третьяков скажет, то и правда. Считай, что это и мой ответ.

А потом, воодушевляясь, он говорит:

— Клепиков есть Клепиков, замечательный человек, и замечательная у него бригада, но я поставил бы вопрос так: а кто с ним рядом, под боком, за межой? Что происходит вокруг него? Какова судьба движения за высокую культуру земледелия?

— Тогда разговоры о том, что Третьяков работает не хуже Клепикова, должны радовать, Александр Афанасьевич.

Пахомов замолкает. Он подходит к окну и смотрит куда-то за Кубань. Он смотрит долго, пристально, и я внезапно чувствую, как ему сейчас грустно. Я догадываюсь об этом, потому что уже знаю: Александр Афанасьевич доживает в Усть-Лабинске последние дни. В конце месяца он покидает Усть-Лабинск. Переходит на другую работу. Переезжает в Краснодар. А с Усть-Лабинском связана главная, самая лучшая, самая заметная часть жизни Героя Социалистического Труда Пахомова. И Клепиков и Третьяков с ним связаны крепко-накрепко. Ни Клепикова, ни Третьякова, ни многих других устьлабинцев от Пахомова отделить нельзя. Но уезжать все равно приходится: так решено. На его место придет новый человек. Может быть, он станет работать еще лучше, и район шагнет вперед. Может быть, только Пахомова здесь уже не будет...

Он все не отрывается от окна. Мне хочется подойти к Александру Афанасьевичу, поглядеть за Кубань с ним вместе, но я сижу и думаю о Клепикове и о Третьякове, с которым сегодня должен познакомиться...

Пятнадцатилетнего Мишу Третьякова привел в МТС Клепиков. В то время еще не существовало орденоносного колхоза «Кубань», никто не мечтал о четырехсотпудовом урожае озимой пшеницы. Город Усть-Лабинск был рядовой районной станицей. И самого Клепикова еще никто не знал. Он лишь в начале пятидесятых годов станет бригадиром комсомольско-молодежной тракторной бригады. Тогда же, в сорок шестом, он простой тракторист, потом помощник бригадира...

Но это не столь важно, кем был тогда Клепиков. Главное в том, что именно он стоял у начала трудового пути Третьякова, именно сам Клепиков, можно сказать, посвятил Третьякова в механизаторы, благословил его. И вырос Третьяков, к сорока годам догнал Клепикова. Вот уж поистине: воспитай ученика, чтобы потом было у кого учиться...

Обо всем этом я уже давно знал от Александра Афанасьевича.

Миша Третьяков был хлопцем смышленым, сноровистым, хватал слова на лету. Поработал немного прицепщиком — послали на курсы трактористов. Выучился, сел на трактор. Работал на стареньком «Универсале».

Про эти знаменитые «Универсалы» Александр Афанасьевич тоже рассказывал. История и смешная и трогательная. Одна молодая трактористка, совсем еще девчонка, пахала в степи. Трактор у нее то и дело ломался, останавливался, не заводился. Ревела девчонка, хватала деревянную колотушку, в отчаянии била по железяке: «Вот тебе, вот тебе, негодный, я еще тебе дам!..» Только этим будто бы и спасалась.

Нет, к Третьякову эта история отношения не имет. Парню не пристало кидаться на трактор с колотушкой. Но потом, вспоминая рассказы самого Михаила Ивановича, я представлял, как хлопец шестнадцати лет от роду, полуголодный, ватник в дырах, пашет бесконечное, чуть ли не в половину земного шара, поле. «Сижу, ветер, дождь в лицо забивает, а сам думаю: ведь земной шар под плугом! Вспашу ли?..» Что прибавить к этому рассказу? Оказывается, прибавить можно.

После я спрошу у Третьякова, как и чем его учил первый учитель, старый тракторист Иван Гаврилович Ермаков.

— Хлебом,— ответит Михаил Иванович.

— Как хлебом?

— Проще простого, кормил меня. Опытным трактористам хлеба давали больше. Садимся в поле обедать, а у меня ничего нет. Он от своего куска — половину мне. В тот год не все могли позволить себе такое. Показать, как гайки закручивать, на это у всех хватало, а хлебом поделиться — особый талант нужен. Хлебом, хлебом меня Иван Гаврилович пахать выучил, или, по-другому сказать, добротой. А то разве ж я пахал бы?

«Добротой»,— подчеркнул Михаил Иванович. Я запомнил: добротой. Иначе земной шар не вспашешь. Вот к этому уже прибавлять ничего не надо.

К концу сороковых годов хлеба стало вволю. Михаил Третьяков подкормился, возмужал. Он уже освоился с работой, назубок знает материальную часть, может коечему поучить других. И когда наступает время служить в Советской Армии, его направляют в авиацию. В армии он стал впервые по-настоящему учиться. Вскоре ему доверили обслуживать сложнейший боевой самолет.

— Посчастливилось, что попал в авиацию,— расскажет потом Михаил Иванович.— Там техника не то, что в сельском хозяйстве. Вер-

ПИКОВЫМ

нулся домой, пришел в МТС. Стоят новые тракторы, комбайны. Обошел вокруг, заглянул туда-сюда, думаю: «Пустяки, раз плюнуть...»

Потом оказалось: плевать все-же нельзя. Техника этого в принципе не любит. В авиации он обучался одному, в сельском хозяйстве требовалось другое. Ему сказали: умеешь пахать, сеять, хлеб убирать — это хорошо, но уже недостаточно, надо учиться учить других. И послали в станицу Платнировскую на курсы бригадиров тракторных бригад.

В Платнировской Михаил Иванович женился. Затем он два года работал помощником бригадира на глухом хуторе, а после ликвидации МТС пришел, наконец, в пятую комплексную бригаду усть-лабинского колхоза «Кубань». С 1958 по 1967 год был механиком. С 1967 года стал бригадиром. Тогда Клепиков уже гремел на всю страну. И Третьяков принял от него вызов на соревнование.

Позже, скупо рассказывая о себе, Третьяков заметит:

— Вот так я и тянусь с тех пор за Мишей.

— Так и тянетесь?

Он поймет меня и скажет:

— Да, с Клепикова все началось, и все за ним тянутся.

И это будет ответ на вопрос, кто лучше работает — Третьяков или Клепиков.

Ах, тот светлый декабрьский денек! Долго же я буду вспоминать, как жадно смотрел в окно Александр Афанасьевич Пахомов. С легкой его руки у меня появились в районе новые друзья. В пятой бригаде — Михаил Иванович Третьяков.

У него, как и у других бригадиров колхоза «Кубань», две «резиденции»: одна — в городе, другая — в степи. В городе — хозяйственный двор, огороженный забором, бухгалтерия, небольшое клубное помещение. В степи, или, по-старому, на таборе,— стоянка техники, ремонтные мастерские, здесь же и основной кабинет бригадира. Восемь, а то и десять месяцев в году Третьяков в нем, как говорится, и днюет и ночует.

Мы сидим в продолговатой комнате, за окошком голые деревья сада. Он примыкает к дороге, по которой я проезжал, наверное, тысячу раз.

— Люди у нас одинаковые,— говорит Михаил Иванович,— за это могу ручаться.

Мы ведем разговор о четвертой и пятой бригадах, о третьяковских ребятах и клепиковских.

— А что же у вас не одинаковое?

— Люди одинаковые,— повторяет Третьяков.

Мне легко спрашивать. Я забрасываю бригадира разными вопросами, в том числе, что греха таить, и необдуманными. Как всегда, хочется сразу все выяснить и понять. Но все сразу никогда не получается. Михаилу Ивановичу трудно отвечать. Он сам спрашивает:

— Вы когда-нибудь видели полеглый хлеб?

Я киваю. Как не видать, видел во многих местах это бедствие. Кстати, вот здесь недалеко одно поле...

— Это была моя пшеница,— после молчания говорит Третьяков, и добродушное, чуть смущенное лицо его делается серьезным, почти строгим.

— Ваша?

— Да, пятое поле. Много от него ждали... Вы его в мае не видели?

— В том-то и дело, что видел! Лес был, а не пшеница!

— Да, пятое поле... Кто только на краю его не выплакался.

В поездках у меня был перерыв до середины июня. Дней двадцать не видел этого поля. А увидел — обмер: во что оно превратилось! Поваленное, перекрученное, грязноватые ухабы, этот безжизненный настил. И мне показалось, что по нему можно бегать, как по крыше!

М. И. Клепиков (слева) и М. И. Третьяков.

Фото Б. Золотова и В. Скоробогатого.

— Оно погибло, Михаил Иванович?

— Раньше такие поля перепахивали. А мы скосили. И взяли по тридцать с лишним центнеров с каждого гектара.

— Сколько же оно могло дать по доброму-то?

— О-о-о!..— вырывается у Третьякова, и я помню до сих пор этот и сожалеющий и восхищенный звук.

Поваленное дождями, перекрученное ветром, а потом еще градом добитое, многострадальное поле долго будет стоять у меня перед глазами. Как же его косили? Какое тонкое мастерство потребовалось, чтобы взять это погребенное под спекшейся, заскорузлой коркой зерно! Сколько труда нужно было вложить в каждый квадратный метр этих, казалось бы, обреченных на гибель гектаров!

Но что спрашивать об этом? Третьяковские ребята скосили поле. Скосили!

Облокотившись на стол, мы третий или четвертый час сидим напротив друг друга. Михаил Иванович увлекся. Он переносится в воспоминаниях в те дни, когда еще не начиналась уборка.

Он рассказывает, что любил по утрам проехаться (по его словам, кинуть круг) по полям. Там постоит в одиночестве: хорошо, тихо и спокойно в степи... Здесь обнаружит какое-нибудь упущение. Вот так каждое утро: едет, смотрит... Но когда положило хлеб, словно все перевернулось в душе. Почувствовал: не может глядеть на эту черную беду. Утром встанет, надо ехать в бригаду, а не хочется. Силой заставляет себя садиться в машину. Что, выходит, год насмарку?.. Мысли одна отчаяннее другой. Но однажды мелькает: а вдруг у всех в бригаде такое настроение? Растерялся бригадир — растеряется и бригада. И тогда конец. Не-ет, шалишь! Выругал себя и разозлился. И вовремя успел, потому что ребята уже дрогнули, отчаяние затронуло и их. Собрал всех механизаторов. Что говорил? Сейчас уже и не помнит. Успокаивал, улыбнулся. Ну в общем... ничего, ребята, не вешать нос, еще не все потеряно! Дело даже не в словах, хотя и слова разные были. Настроение отражается у бригадира на лице. Веселое лицо — значит, действительно не все еще потеряно. Вот так, на веселой улыбке, и вытянул.

— Ничего, говорю, ничего... И улыбаюсь. С кем ни встречусь — улыбаюсь. И все. У самого на душе муторно, но смотрю — и ребята улыбаться начали. Тогда и сам повеселел.

— Но в общем-то, радости было мало?

— Почему же? Вы историю про ячменек не знаете?

— Нет, не знаю.

— У меня его около ста гектаров было. Подмерзло поле. В мае краснел из-за него. Еду с Пахомовым, отворачиваюсь... Но что бы вы думали? По пятьдесят одному центнеру с гектара дал ячменек. Мы потом смеялись...

— Смех был сквозь слезы?

— Почему же, смеялись от души. Вы, наверное, и про кукурузу не знаете?

— Тоже была подмерзшая?

— Хуже. Град ее расчесал. Страшно было глядеть. Но беды не случилось. Выстояла кукуруза. Обычно она у нас какая? В полтора человеческих роста. А как град ее поколотил, она пошла не в рост, а в початок. Стояла низенькая, зато початки — крупные, литые. Стали в початках считать — по сто двадцать центнеров с гектара.

— Чудеса какие-то!

— Чудеса не чудеса, но агрономы чешут в затылке.

— Что же они говорят?

— Природа преподносит сюрпризы...

Кажется, при этих словах мы и поглядели одновременно в окно. И увидели, как в прозрачном голубоватом воздухе, при ясном солнышке, наискосок хлещет снег, самый настоящий, крупный, пушистый. Не падает, а именно хлещет, быстро застилая белым туманом сад и небо.

В декабре такая она, Кубань. Три времени года пройдут в течение одного дня. Весну сменит осень, потом придавит мороз, и ляжет к ночи зима с метелью. Только лета в декабре не бывает.

Насмотревшись в окно, мы возвращаемся к разговору, и я спрашиваю:

— Значит, запомнится вам год вашей Золотой Звезды?

— Ну, если в этом отношении...— Третьяков улыбается, качает седеющей головой.—А вы думаете, следующий год будет легче? Легких лет не было. Может быть, выдался когда-нибудь один...— Он качает головой еще решительнее.— Каждый год для хлебороба труден, только по-разному.

* * *

Десятое и семнадцатое декабря — эти дни были похожи, как две капли воды: с утра — весеннее солнце и много голубой краски в воздухе, а к полудню — резкий, слепой и мокрый снег, сад в белых хлопьях, серая жижа под ногами.

Михаил Иванович отмахивался от летящего снега, как от назойливых мух, и тихонько чертыхался.

Железнодорожники выделили ему шесть вагонов под яблоки. Ящики с яблоками нужно было перевозить со склада на полустанок. Хоть бы с раннего утра подали эти вагоны!..

— Яблоки хорошие, Михаил Иванович?

— Отборные! В промышленные районы отправляем.

Прошлый раз бригадная повариха угощала меня мочеными яблоками. Их было два сорта: моченые в капусте и в горчице. Мне показалось, мочили яблоки по рецепту самого Третьякова: очень уж толково, со знанием дела рассказывал он об этом.

Пятая бригада не называлась бы комплексной, если бы занималась одним полеводством. К двум тысячам гектаров земли прибавьте две животноводческие фермы да громадный сад — вот оно, хозяйство Третьякова. В общем, колхоз в колхозе. Пятая выращивает хлеб, технические культуры, производит мясо, молоко, поставляет овощи и фрукты — берет от щедрот земли все.

До 1967 года, работая механиком, Михаил Иванович занимался только техникой, руководил механизаторами. Стал бригадиром — пришлось засесть за книги по животноводству и садоводству.

Может ли бригадир знать землю похуже, чем агроном? Должен ли он отвечать на любой вопрос, приезжая на ферму? Обязан ли показать, как обрезают яблони в саду? Как опрыскивают их?

Кое-что он может не знать. Он даже многого может не знать. Ведь главное у него по-прежнему — техника, машины. Этому его учили хорошо. Но если так, если бригадир считает для себя возможным не знать, как устроен доильный аппарат, авторитет его будет не полным. По мнению Михаила Ивановича, бригадир должен знать все, все буквально.

Александр Афанасьевич говорил: «Третьяков знает все». А Михаил Иванович считает, что всего еще, конечно, не осилил, только учится. Вообще на вопрос, как он живет, ответил с чуть стеснительной улыбкой: «Как ученик». У него такое впечатление, что пора ученичества началась с первого дня работы на «Универсале». И кажется, конца и края ей нет. Заочно окончил Брюховецкий сельскохозяйственный техникум. Но это лишь очередной этап. Чтобы передавать знания людям, надо самому узнавать все больше и больше. Учиться придется всю жизнь, в этом он убежден.

Зима в бригаде — самое удобное для учебы время. В основном зимой все и учатся — от рядового колхозника до бригадира. Но у самого Михаила Ивановича полно и других забот. Ремонт техники идет планомерно, по графику. Но вот эти яблоки... И еще новый механизированный ток. Строительство его должно начаться со дня на день. Нужно окончательно определить площадку. Это не так легко, если учитывать господствующие ветры. А не учесть их нельзя: при неудачном расположении будущего тока пыль от зерноочистительных агрегатов может хлынуть на бригадные постройки, на мастерские. Расчет должен быть точный, и Михаил Иванович в распахнутом полушубке мерит шагами землю на границе с садом, прикидывает и так и эдак. Снег бьет ему в глаза, пушистые хлопья свисают с бровей. Настоящий буран разгулялся над бригадой! Сильнее, гуще, чем в прошлый понедельник.

Но этот щедрый снег— хорошая примета, к добру. Побольше бы его навалило на озимые. Худо, когда январь выдается бесснежным, с морозцем. Трудно тогда живется озимому полю.

Михаил Иванович советует инженерам, как лучше спланировать будущий ток, где должны проходить его границы. Возвратившись в контору, снимает мокрый полушубок. Лицо у него розовое и тоже мокрое. Светлые, с легкой синевой глаза стали как будто еще светлее, в них не гаснет смущенная улыбка. И в который уж раз Третьяков говорит, чтобы не были забыты его ребята. Без них Михаил Иванович ничего не смог бы сделать. Кто его наградил? Конечно, партия, правительство. Это само собой разумеется. Но завоевали награду ребята, все без исключения, от первого до последнего по списку.

Я знаю: когда был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Третьякову звания Героя Социалистического Труда, Михаил Иванович сразу помчался в бригаду. Бригадира окружили его ребята. Пунцовый от волнения, он пожимал им руки и говорил, хотя и сбивчиво, но от души:

— Рад за вас, ребята!.. Рад... Если бы не вы... не ваш упорный труд... Спасибо!

«Рад за вас». Узнав теперь немного Михаила Ивановича, я догадываюсь, как естественно звучали эти слова. Только так и мог сказать Третьяков, ученик Клепикова.

Почти всех третьяковских ребят я увидел к концу дня. В сумерках они в ожидании автобуса столпились возле крыльца, покуривали, шутили. Мне почему-то казалось, что все они должны быть высоченными, широкоплечими, этакими богатырями. А передо мной стоял в общем-то обыкновенный народ, были и совсем низенькие, щуплые. Но они все стояли так дружно, сплоченно, что я подумал: именно такие и могли скосить то страшное, словно сделанное из папье-маше, пятое поле.

Мне еще раз вспомнился рассказ Михаила Ивановича о том, как они работали летом. Слов точных не помню, передаю смысл. Комбайнеров с ювелирами сравнивать, конечно, рискованно. У ювелира в руках инструменты тонкие и хрупкие, у комбайнера же — машина в сотни килограммов весом. Но все же нельзя не сказать, что работа была ювелирная. Иначе бригада не взяла бы зерновых по 50 центнеров с каждого из 1 950 гектаров. И выходит, что сравнивать комбайнеров с ювелирами правомерно.

Человеку присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. А что же дальше?

Этот вопрос не досужий, не простой, хотя ответ как будто и лежит на поверхности. «Работать еще лучше» — вот он, легкий, поверхностный ответ. И это правильно, если не учитывать, что каждому советскому человеку в четвертом, определяющем году девятой пятилетки надо работать еще лучше. Но если каждому — лучше, то как же работать Герою Социалистического Труда? Я знаю, что именно так и ставит вопрос Михаил Иванович Третьяков.

Завершая одно дело, оставляя за спиной очередной рубеж, человек готовится к новому. Ведь жизнь идет в гору, новые задачи всегда сложнее старых, решенных не без напряжения.

Да, сложно было в степи летом 1973 года. Обстановка была гораздо напряженнее, чем об этом рассказано. Но зачем излишне драматизировать? Что было, то прошло. Помянем старый год добрым словом, повернемся лицом к году новому.

Третьяковские ребята учли уроки прошлой страды, расставили ориентиры на будущее. Озимый сев завершен успешно, в хорошие агротехнические сроки. Посеяна пшеница «Кавказ» и «Безостая-2». Устранена прошлогодняя ошибка, когда на всей площади выращивали только пшеницу одного сорта. Впрочем, ошибка это или нет,— споры об этом еще не закончились, и касаться этого вопроса не станем...

Встречный план пятой бригады, принятый на общем собрании, таков: озимой пшеницы получить по 55 центнеров с гектара, кукурузы — по 70, подсолнечника — по 35, сахарной свеклы — по 500. Расчет сделан не на благоприятный во всех отношениях год, совсем нет. Не на легкую добычу рассчитывает бригада. А значит, в перспективе новая схватка с природой. К этому все готовы.

Конкретная задача на будущий год поставлена. Однако одним годом третьяковская бригада не живет. Рядом с Клепиковым так жить вообще невозможно. Михаил Иванович Клепиков заглядывает далеко вперед. Михаил Иванович Третьяков следует примеру своего ведущего.

«Как мы сами должны оценивать результаты своего труда, какие задачи должны ставить перед собой дальше? — сказал Михаил Иванович Клепиков, выступая на одном из прошлогодних совещаний. И ответил так: — Давайте посмотрим, как говорят, положа руку на сердце, во всех ли бригадах, даже носящих звание коллективов высокой культуры земледелия, строго соблюдаются технология, сроки пахоты, сева и другие требования современной агротехники? Нет ли на наших полях сорняков и нет ли у нас своеобразных рассадников сорняков вокруг ферм, вдоль дорог, около опор электролиний и так далее? Если построже проконтролировать самих себя, то убедимся, что хоть мы и носим звание бригад и отделений высокой культуры земледелия, а бескультурья на наших полях еще немало.

Мы добились урожаев озимой пшеницы в 50 и 60 центнеров с гектара. По сравнению с другими это неплохо, даже хорошо. Но это не является для нас пределом. Объективно есть условия для дальнейшего повышения урожайности полей.

Значит, получение звания бригады высокой культуры земледелия не венец, не конец нашего движения и соревнования, а лишь этап его. И это звание обязывает нас еще активнее и результативнее бороться за дальнейший рост урожаев».

Трудно более точно сказать о задачах, стоящих сейчас перед коллективами типа клепиковского и третьяковского. Они мужественно и прямо, не скрывая нерешенных проблем, глядят в завтрашний день.

И тут невольно вспоминаются слова Александра Афанасьевича Пахомова: «Что происходит вокруг Клепикова? Кто с ним рядом, под боком, за межой? Какова судьба движения за высокую культуру земледелия?» Теперь я знаю, как отвечает на эти вопросы жизнь. Раньше, лет пять назад, Клепиков был один. Достижения его бригады многим казались почти фантастическими. Потом рядом с ним, наступая ему на пятки, стали вырастать новые одаренные мастера трудного и почетного хлеборобского дела. И самым заметным среди них стал Михаил Иванович Третьяков.

Да, рядом с Клепиковым, по законам, выработанным в его бригаде, трудятся еще две-три бригады. Но теперь этого уже мало. Таких бригад может быть гораздо больше. Условия для крутого подъема агротехники есть и в хозяйствах, граничащих с орденоносным колхозом «Кубань». Клепиковские методы работы нужно распространять еще активнее. И забота об этом не должна лежать на плечах одного Клепикова. Этому обязан способствовать и его первый ученик — Третьяков.

Вот один из ответов на большой и сложный вопрос: «А что же дальше?»

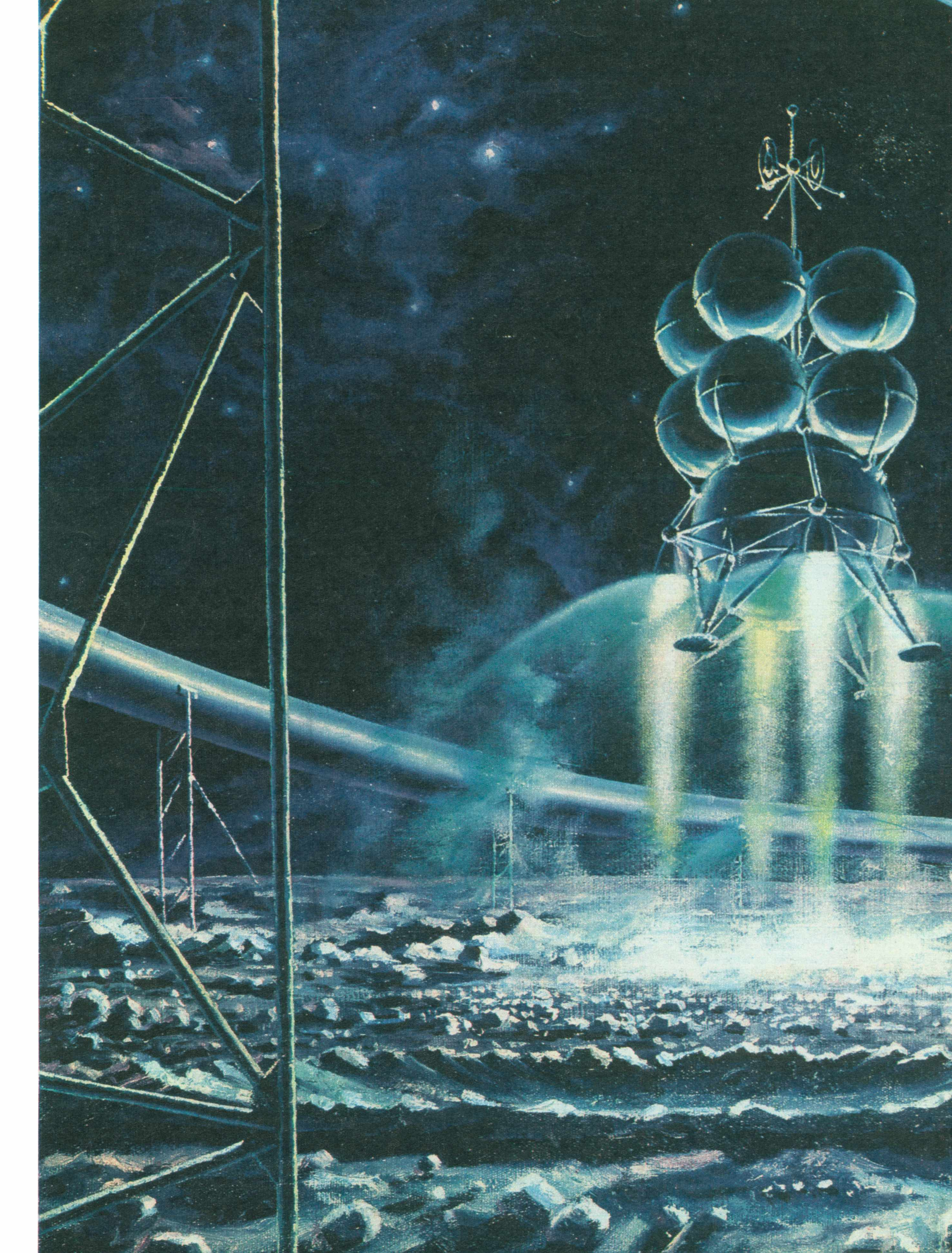
* * *

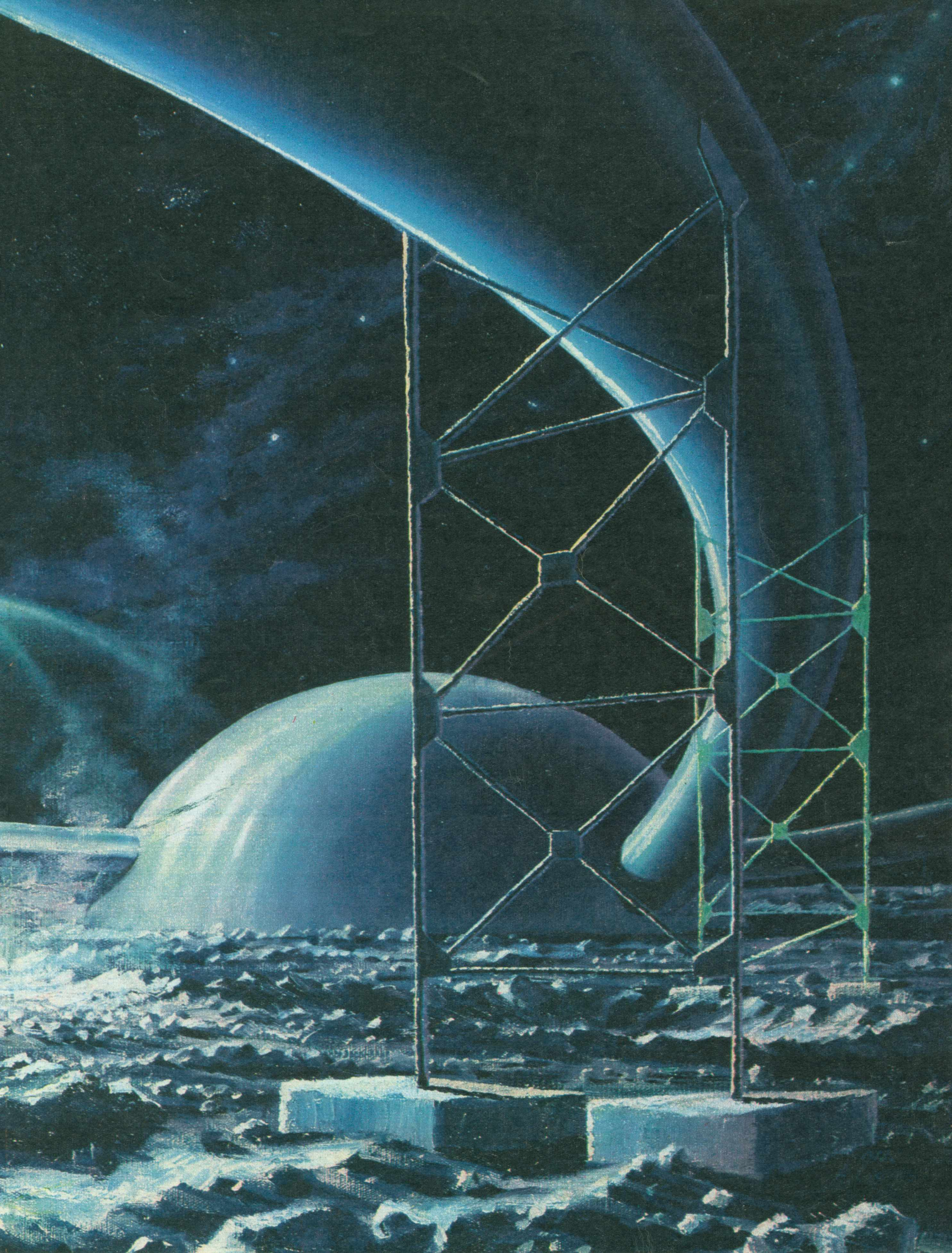
Первая половина января этого года на Кубани выдалась сухой и морозной. В прошлом году в это время на полях лежал густой снег. Теперь же снега почти не было. Но так случалось не раз. Морозные бесснежные зимы не пугают кубанских хлеборобов. Они закалены в постоянной борьбе со стихией. Да и зима еще не кончилась, и все знают, что снегопады будут...

В начале года клепиковская и третьяковская бригады собрались в колхозном Дворце культуры, чтобы обсудить Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу. Программный лозунг партии — дать продукции больше, лучшего качества, с меньшими затратами — понятен и близок клепиковским и третьяковским ребятам. Под их аплодисменты два Михаила Ивановича пожали друг другу руки. Новый трудовой договор был заключен. А на следующее утро бригадиры, каждый своей дорогой, поехали в степь, чтобы снова поглядеть, как поживает озимое поле.

А. Леонов, А. Соколов. КОСМОДРОМ НА ФОБОСЕ.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
А. Соколов. СТАРТ С ЛУННОГО КОСМОДРОМА.

А. Леонов, А. Соколов. СКАЛЫ МАРСА.

А. Леонов, А. Соколов. КОСМИЧЕСКИЙ РАДИОТЕЛЕСКОП.

ЧИТАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

ОРДЕН ЛЕНИНА № 6977

В глухом урочище на краю непроходимого болота Невий Мох, в 40 километрах от жилья, упал советский истребитель, сбитый в неравном бою немецкими стервятниками.

За тридцать лет на месте падения самолета не осталось следов. Заготавливая древесину, Анатолий Топтыгин и Александр Васильев нашли орден Ленина. Эмаль блестела как новая. Легко отворачивался крепежный винт. На оборотной стороне четко виднелся номер — 6977. Орден рассказал о бессмертном подвиге отважного летчика, гвардии капитана Ватутина, командира эскадрильи 21-го гвардейского истребительного полка.

Николай Иванович Ватутин, уроженец Ярославской области, прожил короткую, но яркую жизнь. Славный сокол сражался за Киев и Москву, Ленинград и Новгород. В битве за столицу капитан Ватутин проявил героизм и был награжден орденом Ленина. За подвиг, совершенный на Северо-Западном фронте, удостоен ордена Красного Знамени.

12 декабря 1942 года в небе Приильменья он совершил свой последний боевой вылет.

Находка на болоте Невий Мох потянула за собой цепочку открытий. Юные следопыты разыскали однополчан, родных, товарищей погибших, собрали большой материал о жизни защитников Родины. Стало известно о героических подвигах майора А. Г. Берко, друга Ватутина, также 30 лет числившегося пропавшим без вести, капитанов М. М. Габринец и Н. А. Кучерова, лейтенанта Г. С. Чекунова, старших сержантов Е. И. Жильцова, Д. В. Кадяева и многих других.

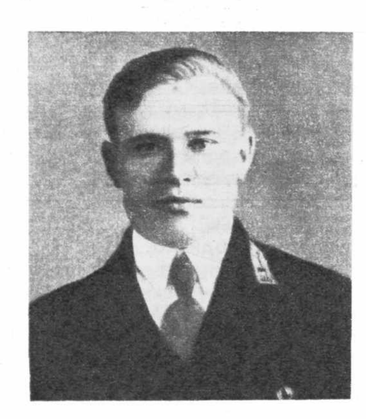
Именами отважных соколов названы пионерские дружины, отряды, клубы боевой славы.

Все дальше уходят в прошлое суровые годы войны, но никогда не будет забыт подвиг людей, преградивших грудью дорогу фашизму.

А. НИКОЛАЕВА

Новгородская область, Демянский район, п. Кневицы.

Ватутин Николай Иванович, фото 1937 года.

ДОМА НА КОЛЕСАХ

На заводском дворе маляры красят дом. И когда смотришь на их работу, кажется, будто кисти сами скользят по гладкой стене...

Дом этот необычен. Полукруглая крыша покрыта выгнутой жестью, а вместо фундамента — колеса с широкими резиновыми ободьями. На таких можно катить хоть по бездорожью. В доме две изолированные комнаты, уже обставленные: четыре диван-кровати, столько же тумбочек, стол, стулья, шкаф. Есть тут свой «водопровод» — вода хранится в специальных баках. Для обогрева помещения включается паровое отопление.

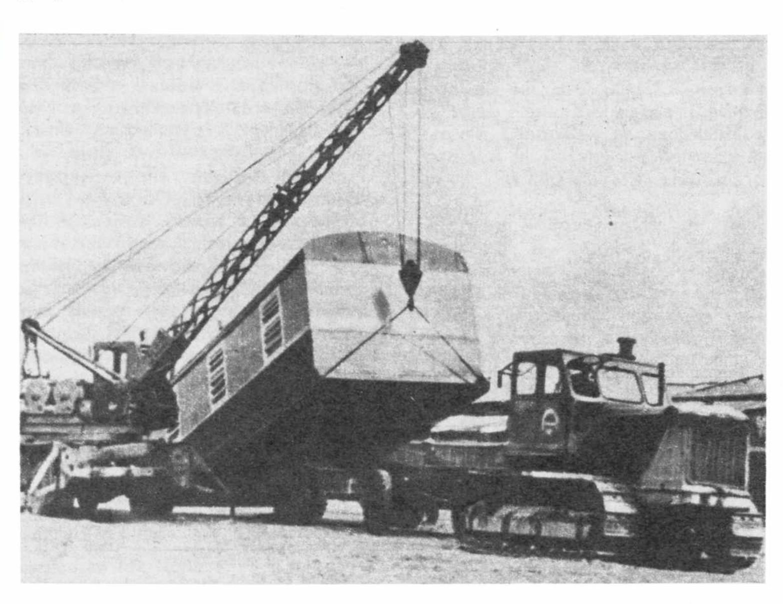
Дом на колесах — это передвижной полевой вагончик-общежитие. Строит такие дома Куйбышевский ремонтно-механический завод Министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР. Предназначен он для мелиораторов и тех работников, которым приходится вести подвижной образ жизни.

Много таких вагончиков уже отправлены в районы Пермской, Свердловской, Ростовской и Тамбовской областей, в Дагестанскую и Татарскую АССР.

П. ЯРКИЙ

Куйбышев.

Перед отправкой с завода под вагон-общежитие подкатывают ходовую часть.

Австро-венгерские музыканты, расстрелянные калмыковцами.

ЕСТЬ НА АМУРЕ УТЕС

Было это в гражданскую войну. Банды атамана Калмыкова зверствовали в Хабаровске. Устраивали погромы, пьяные дебоши, издевались над местными жителями. Однажды в ресторан «Чашка чая», где играли австро-венгерские музыканты, попавшие в плен в первую мировую войну, ворвались подвыпившие белогвардейцы. Один из офицеров, качаясь, подошел к эстраде и стал мурлыкать царский гимн.

— Повторяйте за мной! — рявкнул он.

Музыканты молчали.

— Играть «Боже, царя храни»,— не унимался калмыковец.

Но ни один оркестрант не дрогнул.

— Утром прибыть всем на вокзал для встречи атамана! — Но и на торжественную встречу Калмыкова музыканты не явились. Тогда белогвардейский шпик Юлинек привел калмыковцев к дому, где квартировали австро-венгерские музыканты. Шестнадцать оркестрантов, которые часто бесплатно выступали перед рабочими, давали концерты в пользу детского приюта, были арестованы. Их зверски избили, а затем повели на Амур к утесу. Выстроив музыкантов на самой кромке обрывистого берега, офицер закричал:

— Одумайтесь, маэстро!

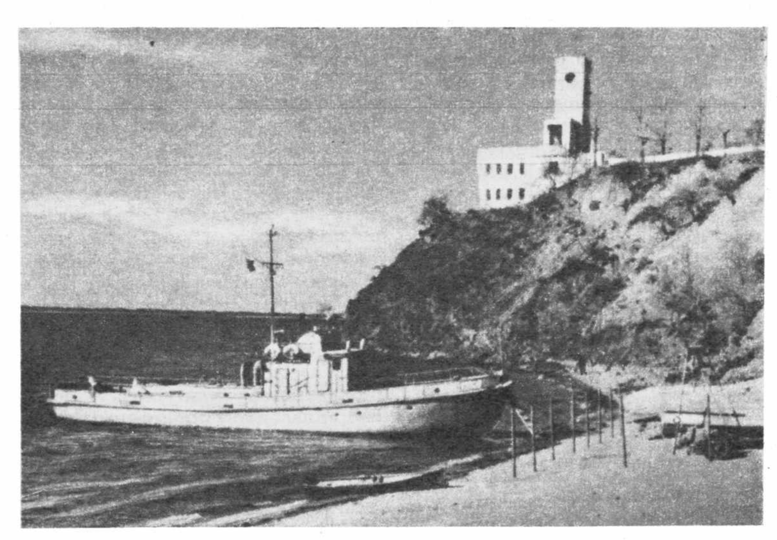
Истерзанные музыканты молчали. И вдруг кто-то запел «Интернационал». Раздался винтовочный залп. За ним второй, третий...

Дальневосточники отдают глубокую дань памяти австро-венгерских музыкантов, настоящих интернационалистов.

Ю. ДУРНЕВ

Хабаровск.

Утес на Амуре, где были расстреляны музыканты.

БОЛЬШЕ, ЧЕМ

Вл. МЕЖЕНКОВ

В обиходе мы называем литературно-художественные журналы просто и в то же время почтительно: «толстые».

Ставшие неотъемлемой частью всей нашей многонациональной культуры, они издаются не только в Москве, Ленинграде, в других русских городах — в Свердловске, Ростове, Саратове, Воронеже, Хабаровске, но и в Киеве, Минске, Кишиневе, Тбилиси, Баку, Ереване, Риге, Петрозаводске, Алма-Ате, Улан-Удэ, Казани — всех городов, имеющих «собственные» «толстые» журналы, и не перечислишь!

Один из таких журналов — «Дружба народов». Еще несколько лет назад его тираж колебался в районе «отметки» 75—85 тысяч; ныне же он приближается к 200 тысячам.

Передо мной лежат комплекты «Дружбы народов» за два последних года — 1972-й и 1973-й. Листаю их и вижу имена прозаиков, поэтов, публицистов, государственных и общественных деятелей, выступивших на его страницах за это время: русский М. Исаковский и молдаванин И. Друцэ, белорус Я. Брыль и эстонец П. Куусберг, казах А. Нурпеисов и армянин Г. Матевосян, украинец Е. Гуцало и даргинец А. Абу-Бакар, туркмен Т. Джумагельдиев и литовец Ю. Марцинкявичюс, грузин И. Абашидзе и удмурт Ф. Васильев, бурят Д. Жалсараев и башкир М. Карим, калмык Д. Кугультинов и кабардинец А. Шогенцуков, якут С. Данилов и аварец Р. Гамзатов, коми Г. Юшков и чуваш Ю. Петров, татарин З. Нури и абхазец Б. Шинкуба; со своим словом к читателю обратились Н. Тихонов, Г. Марков, С. Михалков, В. Лидин, С. Залыгин, С. Крутилин, К. Симонов, Л. Татьяничева, Е. Винокуров, А. Межиров, К. Ваншенкин, М. Танк, С. Капутикян, К. Кулиев, И. Мележ, О. Гончар, А. Рекемчук, К. Яшен, А. Микоян, Ю. Палецкис, Ш. Рашидов... Назвать всех тех, кого знают и любят в нашей стране, чьи имена хорошо известны и за рубежом, нет решительно никакой возможности.

Кажется, не только о себе, но и обо всех советских писателях, о высоком предназначении советского человека на земле говорит татарский поэт Заки Нури в стихотворении «Озаренность», переведенном Олегом Дмитриевым:

В материнском молоке нам
растворили свет.
Доброту от солнца все мы
брали с юных лет —
не себе ее мы брали,
мы бы не смогли
укрывать ее от неба,
прятать от земли!
Брали свет, чтоб сумрак ночи
всюду побеждать,
чтоб, скитаясь по планете,
всем друзьям раздать.
Свет, звездою путеводной
странника мани!
Свет, сияй в заздравных чашах
в праздничные дни!
Подними в полях колосья
и в садах цветы,
песню, что вперед зовет нас,
сделай звонче ты!
Свет, разлейся величаво
в наших небесах
и гори любовью вечной
в душах и в глазах!
Ты — посланник нашей чести:
нет тебя без нас!
Молнией, врагов разящей,
стань в тревожный час.
Ты сверкай у часового
грозно на штыке,
улыбайся нашим близким
здесь и вдалеке!
Мы тебя от солнца взяли,
ты — краса земли.
Чист, как кровь,
как пот, прозрачен
ясный свет зари!
Ночь потерпит пораженье,
сдайся, войско тьмы,
ибо мы — друзья рассвета!
Вот какие мы!

Встретившись на страницах журнала «Дружба народов», прозаики, поэты, публицисты, государственные и общественные деятели, независимо от национальной принадлежности, говорят с читателем на русском языке — на языке, ставшем интернациональным средством общения и сближения всех народов нашей страны.

«Русский язык,— пишет кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Шараф Рашидович Рашидов,— это язык нашего великого вождя и учителя В. И. Ленина, это язык первой в мире социалистической революции. Сплотившись под ее знаменем вокруг российского пролетариата, все народы нашей страны поднялись на героическую борьбу за свободу и независимость, и могучим средством общения, сплочения революционных сил всех наций в этой борьбе был русский язык».

Проникновенные слова о русском языке — языке-друге и требовательном товарище — произносят и другие авторы «Дружбы народов». Так, эстонка Лилли Промет прямо утверждает, «что все без исключения писатели союзных республик хотят быть переведенными на русский язык. Но быть переведенным на русский язык это не только выход на большую арену, сам по себе этот факт налагает на нас, пишущих, огромную ответственность». Народный писатель Азербайджана Расул Рза считает: «Русский язык расширил наши возможности еще чаще и интенсивнее общаться со многими большими и малыми народами нашей страны и мира». Татарский прозаик Рафаэль Мустафин подчеркивает «новую функцию» русского языка «как средства межнационального культурного обмена»: «Благодаря прекрасным переводам с языков народов СССР в русском выявились богатейшие возможности для передачи национального колорита, национальной специфики многих литератур. Через русский наш всесоюзный читатель воспринимает афористичную, емкую речь аварца Расула Гамзатова, страстный пафос поэта-патриота Мусы Джалиля, мудрость Кайсына Кулиева, философичность и присущие калмыкам особенности образного мышления Давида Кугультинова». «Что касается русского языка,— пишет грузин Григол Абашидзе,— то он дорог нам не только как язык Пушкина и Толстого, не только как средство общения между разноязыкими народами нашей страны, но и как подлинный золотой мост, связывающий и духовно сближающий народы, открывающий кратчайшие пути к взаимообогащению культур».

Вместе с тем авторы «Дружбы народов» отмечают, что русский язык, русские советские писатели и сами обогащаются, приобщившись к литературным сокровищницам братских больших и малых народов СССР, что пора «ученичества» нерусских литератур, которая имела место в двадцатые и тридцатые, а частично и в сороковые годы, ныне сменилась творческим содружеством на качественно новой основе всей советской культуры.

Вернемся, однако, к высказыванию Г. Абашидзе: «...подлинный золотой мост, связывающий и духовно сближающий народы, открывающий кратчайшие пути к взаимообогащению культур».

Цели и задачи, стоящие перед «Дружбой народов», как и любым другим «толстым» журналом, лежат в русле общих для всей советской литературы задач и целей. Но у журнала «Дружба народов» есть и своя, присущая одному ему «сверхзадача», и, думается, полней и лучше всего она может быть выражена как раз словами Г. Абашидзе.

Именно со страниц журнала «Дружба народов» впервые прозвучала на русском языке трилогия казахского писателя Абдижамила Нурпеисова «Кровь и пот», прекрасно переведенная Юрием Казаковым (последняя, третья книга «Крушение», опубликована в 1972 году). И хотя времени с тех пор прошло не так уж и много, трилогия получила широкую известность в нашей стране, неоднократно издавалась в центральных издательствах; переведенная на иностранные языки, она стала достоянием читателей ГДР, Египта, Франции, США... Это ли не конкретное подтверждение слов о духовных связях народов, открытии кратчайших путей к взаимообогащению национальных культур.

Если А. Нурпеисов — писатель, снискавший давнюю и прочную симпатию советских читателей, то имя латыша Висвалда Лама (его роман «Кукла и комедиант» напечатан в третьей и четвертой книжках «Дружбы народов» за прошлый год в переводе Юрия Абызова) ничего не говорило всесоюзному читателю. Между тем это мастер слова, и роман его, посвященный судьбам его соотечественников в годы войны и первые послевоенные годы, отличают отчетливое видение перспектив развития истории, психологическая правда. Не случайно В. Лам, как мы узнали это из первого номера журнала «Дружба народов» за 1974 год, был удостоен редакцией первой премии за свой роман.

Прогнозирование в литературе — занятие малопродуктивное (чтобы не сказать — пустое). И все же возьму на себя смелость предположить, что с переводом на русский язык роман В. Лама «Кукла и комедиант» приобретет еще многих и многих читателей.

Необычайно широка и многообразна тематика напечатанных в журнале произведений. Это и далекая древность в романе Сергея Бородина «Молниеносный Баязет», относящая нас ко временам хромоногого Тимура, это и славное героическое прошлое родного народа, и история его дружеских связей с народом русским в драматической поэме Мустая Карима «Салават», это волнующие и поныне своей искренностью стихи и песни самого Салавата Юлаева, сподвижника Емельяна Пугачева, представленные под рубрикой «Литературное наследство»...

Особое место среди публикаций «Дружбы народов» занимают романы, повести и стихи, посвященные Великой Отечественной войне. И это понятно: минувшая война не только продемонстрировала всему миру жизненность и прочность советского образа жизни, но и особенно тесно сплотила все народы нашей страны вокруг родной Коммунистической партии, выявила и закрепила те зримые черты новой исторической общности людей, которая ныне гордо зовется советским народом.

О таких произведениях, как «Время» Юрия Пиляра, «Незадолго до тишины. Записки 1945 года, март — апрель — май» Константина Симонова, «Каменный венок» Федора Кнорре и особенно о пронзающей своим мужественным лиризмом «Хатынской повести» Александра Адамовича, — писалось уже в нашей критике немало доброго. Я же сейчас хотел бы обратить внимание читателя на другое — на то, как в годы войны развивались узы дружбы между народами нашей страны, как дружба эта, скрепленная совместно пролитой кровью в боях за честь, свободу и будущее нашей Родины, перерастала в нерасторжимое братство. Об этом — стихи балкарского поэта Кайсына Кулиева «Свет надежды», переведенные Наумом Гребневым. Приведу небольшой отрывок из «Стихов, написанных в Латвии» с тем, чтобы еще раз доставить удовольствие читателю музыкой слов и высоким значением заключенной в них мысли:

Язык латышский, слышал
твой напев
я в дни, когда слова тонули
в гуле.
В тебя, как в мой язык,
летели пули,
и все-таки ты выжил уцелев.
Как счастлив я, что в вихре
дней тех грозных
пред речью чуждой устоять
ты смог,
что ты шумишь и шелестишь,
как сосны,

ДРУЖБА

когда верхушки треплет
ветерок.

И я сегодня слушаю любовно
полузабытый звук твоих речей,
хоть, может, мне они невнятны,
словно
язык молитвы матери моей.

Мы знаем, что бывало так
издревле:
иных племен напевы и слова
навечно вымирали, как деревья.
Речь латышей, я рад, что
ты жива!

Основное место журнальной площади занимают произведения на современную тему. Не все здесь равноценно, иные рассказы, повести, романы и стихи несут на себе следы поспешности, мнимой значительности и видимой невооруженным глазом «глубины». Вина в этом отнюдь не одних только переводчиков, как часто стараются нас в этом уверить. Основная вина, думается, лежит все-таки на авторах оригиналов.

Так, явно поспешно написан острый, проблемный роман грузинского прозаика Гурама Панджикидзе «Камень чистой воды», переведенный Борисом Гассом (роман опубликован в седьмой книжке «Дружбы народов» за прошлый год). Дело тут не только в том, что очень уж сгущены в этом романе краски (мне, например, прожившему в Тбилиси двадцать лет — а действие романа происходит именно в Тбилиси, трудно представить возможность стольких пьяных гонок по ночному городу на автомобилях или беспрестанных кутежей с требованием, чтобы официант за «кругленькую сумму» непременно подал на сковороде собственный изжаренный палец, сколько увидел я в небольшом по объему романе Г. Панджикидзе). Дело в том, что краски в этом романе уж очень однообразны.

Предположим, что главный герой романа Отар Нижарадзе — боксер, литератор, кумир женщин, душа любой компании, больной лейкемией и проч., глазами которого мы видим и оцениваем все происходящее вокруг и который сам, в сущности, ведет богемный образ жизни,— не в состоянии отделить действительные недостатки от «намалеванного черта». Но где же в таком случае позиция автора, где он сам?

Предвижу возражения: нельзя смешивать автора с его героем. Согласен, героя с автором смешивать нельзя. Точно так же, как нельзя «смешивать» в одну «кучу малу» все многообразие жизни, не утруждая себя отбором и тщательной выверкой фактов. Иначе может произойти самое грустное для произведения литературы: оно «снизится» до уровня обывательских слухов.

Замечания эти необходимо было высказать потому, что Г. Панджикидзе — автор, безусловно, способный, с острым глазом и жестким, как резец скульптора, пером. Иногда этот резец в силу авторской торопливости «перебирает», и на произведении появляются досадные «дыры», искажающие общую правдивую картину.

Многообразны художественные формы представленных в «Дружбе народов» произведений: от рафинированно-усложненных, которые отличают многие работы прибалтийских авторов (что не всегда бывает хорошо, особенно когда такая форма превращается в самоцель, о чем справедливо говорилось на недавнем Всесоюзном совещании критиков, приуроченном к двухлетию постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике»), нарочито упрощенных, «как в жизни» (такова, на мой взгляд, в целом интересная повесть «Пустошель» Сергея Крутилина, напечатанная в первых двух номерах «Дружбы народов» за прошлый год), и до «фантастического повествования в двух периодах» («Оська — смешной мальчик» Сергея Залыгина, № 9, 1973).

Пусть не все еще удачно в этом многообразии, пусть продолжаются поиски,— их можно только приветствовать, когда поиски эти плодотворны, когда они идут в глубь возможностей социалистического реализма. Именно об этом свидетельствуют романы, повести, рассказы, стихотворения С. Дангулова, Ж. Гривы, П. Кадырова, И. Руруа, Г. Водэ, Г. Джураевой, А. Каландадзе, Р. Гранаускаса, К. Телесова, А. Воробьева, П. Панченко, Л. Попова, Б. Слуцкого, С. Ураева, А. Хаидова и многих, многих других.

Главное же, что выносишь из знакомства с комплектами журналов «Дружба народов» за два последних года,— это убеждение, что редакция журнала, весь его многочисленный авторский коллектив делают важное, в высшей степени благородное и нужное дело по пропаганде лучших произведений писателей нашей многонациональной Родины, способствуют дальнейшему взаимообогащению братских литератур, воспитывают в каждом из своих читателей чувство личной ответственности и причастности к гордому званию Советский Человек.

Больше, чем дружба — эти слова поставлены в заглавие статьи. «Дружба народов» — это братство советских литератур, братство всех наших народов, живущих и работающих единой дружной семьей.

«В разнообразии национальных форм советской социалистической культуры,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев,— все заметнее становятся общие интернационалистские черты. Национальное все больше оплодотворяется достижениями других братских народов. Это прогрессивный процесс. Он отвечает духу социализма, интересам всех народов нашей страны. Именно так закладываются основы новой, коммунистической культуры, которая не знает национальных барьеров и в равной мере служит всем людям труда».

Иван ДАНИЛОВ

ДРЕВНЕМУ ИСКУССТВУ — ЖИТЬ

Прикладное искусство якутов — резьба по дереву, кости, чеканка по металлу, вышивка, орнаменты — достигло высокого совершенства еще в древние времена. Первые русские землепроходцы докладывали царю: якуты делают железо «лутче» немецкого, — а первые исследователи Якутии и ссыльные революционеры неизменно восхищались творческими способностями якутских умельцев.

Искусство старых мастеров резьбы передавалось последующим поколениям мастеров, народное творчество продолжает жить и поныне, завоевывая умы и сердца людей...

Один из таких молодых мастеров, инженер-строитель Григорий Николаевич Саввинов, порадовал нас своим замечательным искусством. Он создал орнаментированный кумысный сервиз с глубокой резьбой из 14 сосудов, посвященный творчеству основоположника якутской советской литературы, революционера и общественного деятеля Платона Алексеевича Ойунского.

Каждый из этих сосудов совершенен, поражает изяществом форм и пропорций, филигранностью отделки, которая состоит из гармонических сочетаний самобытных орнаментов и многофигурной резьбы. А все вместе они составляют изумительный по красоте ансамбль, представляющий собой подлинный памятник многовековой культуры народа, олицетворяющий красоту его души, мыслей и чувств.

Перед нами шесть классических видов якутских деревянных сосудов: кубки-ымыйа, чороны, балхахи, матары, ковши, кытыя.

Кубки покоятся на расширяющихся книзу и утончающихся кверху в виде шейки коновязи основаниях. А коновязи, как известно, у якутов символизируют долговечность и незыблемость. Это означает, что благополучие и счастье людей зиждутся на прочной основе.

Дальнейшее развитие традиционного искусства старых мастеров в творчестве молодого умельца мы видим не только в высоком уровне художественного мастерства, но также в изобразительных средствах и обогащении идейно-художественного содержания произведения.

Удался автору образ Красного шамана — борца за свободу, обличителя гнета и насилия. Страстный и одухотворенный, стремительный и легкий, как бы устремленный в будущее, он оставляет глубокое впечатление. Якутское изобразительное искусство еще не знало такой глубокой и правдивой трактовки столь популярного в народе литературного персонажа.

Большим достижением молодого мастера является также портрет П. Ойунского. В нем автор добился не только внешнего сходства, но и глубокого проникновения в психологию и характер человека. Перед нами предстает как бы живой поэт и революционер — мудрый и вдохновенный, с проницательным и глубоким взором борца...

Талантливый молодой художник дал новую жизнь древнему кумысному сервизу своих предков, превратив его из обыденных деревянных сосудов повседневного пользования в подлинное произведение искусства.

Вадим КАССИС

Фото автора.

РАЗНОЛИКИЕ ОСТРОВА

1. ХОНСЮ

ПО СЛЕДАМ АДМИРАЛА

Полуостров Идзу своими очертаниями напоминает грубо обтесанный наконечник стрелы. В какой-нибудь сотне километров от японской столицы он вонзается в зыбкие воды Тихого океана, встречая и провожая маячным лучом мыса Иро разномастные корабли. Сколько он видел, этот белокаменный маяк, за свою долгую жизнь! Судов из дерева, рубленных руками мастеров. Доведенных до совершенства на верфях, где стальной лист режут и стачивают, как податливый картон. Везущих в своих трюмах детские игрушки и танки, маслянистую нефть и солдат императорской армии, медицинские препараты пострадавшим от бедствий и контрабандный гашиш, восторженных туристов и карателей из отрядов «зеленые береты». Сколько их, этих кораблей, разных по своему назначению и по своей причастности к людским делам, прошло мимо мыса Иро.

Есть на полуострове Идзу городок Хэда. Сотни две почерневших от соленых ветров домишек, три гостиницы в несколько этажей — постройки послевоенных лет,— рыбацкая пристань и выгнутая дугой набережная над бухтой, укрытой от моря скалой. Набережная всегда на виду у приезжего — в погожий день ее не миновать по пути на пляж. Да и перекусить, пожалуй, удобнее всего здесь, в ее почти игрушечных ресторанчиках. Набережная, как павлин своим хвостом, форсит многоцветьем коттеджей и вилл японцев с достатком. Похоже, что владельцы вилл свили гнезда, прежде всего желая похвастаться друг перед другом. Какими только финтифлюшками не увешаны карнизы, крыши, фронтоны!

Есть в Хэде дом, который по внешнему виду я принял за местную школу. Европейский стиль, широкие окна с видом на океан, лестница в два марша и просторный двор, выходящий в тенистый сосновый массив. Меня заинтересовал памятник. Корабельный якорь, а над ним два человека. Они стоят в полный рост, обхватив друг друга за плечи. Подошел поближе, присмотрелся в изваянные лица. Сомнений не оставалось: один из них — японец, другой — русский. Бронзовые моряки взошли на каменный пьедестал возле входа в музей.

Не берусь утверждать, был ли маяк с мыса Иро свидетелем событий тех лет, но если был, то его хозяин наверняка рассказал эту историю своим детям, а те — своим. Несколько поколений сменилось, а история жила и продолжает жить. Вот она. Русский адмирал Путятин в 1854 году повел свое судно в путь к берегам Японии. У него была важная миссия — завязать дипломатические и торговые отношения с дальневосточным соседом Российской империи. И вот, когда цель похода была, казалось, близка, Путятин потерпел кораблекрушение. Разбушевавшаяся стихия лишила трехмачтовый фрегат «Диана» управления. Волны неистово били его по бортам, погружали в бездну и вновь выталкивали на поверхность. Несколько часов длилась жестокая схватка команды со стихией. Корабль спасти не удалось, но команда русских моряков высадилась на берег и обрела приют в тихой рыбацкой деревушке Хэда.

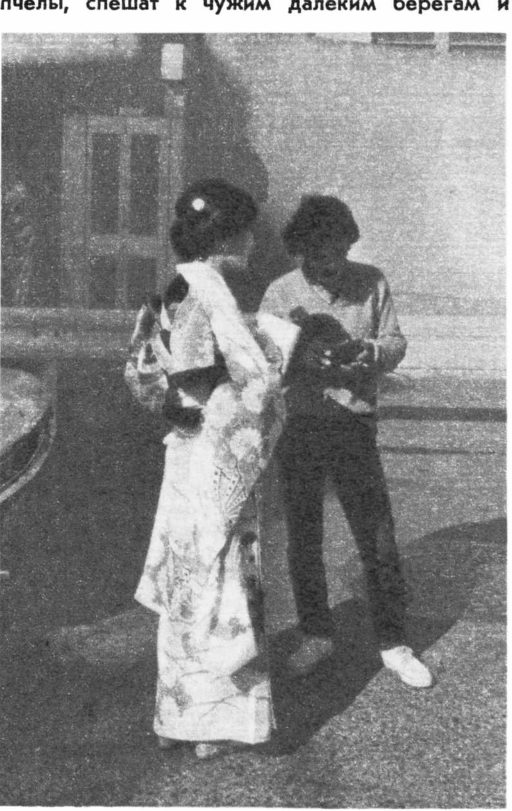
Бюст человека с мужественными чертами лица, в мундире адмирала открывает музейную экспозицию, по крупицам собранную и бережно хранимую смотрителями. Жизнь русских моряков в японской деревне конспективно читается по их немудреным карандашным зарисовкам, нескольким личным вещам Путятина, письмам, орудиям труда. С помощью местных жителей они мастерили по собственноручно вычерченным эскизам новое судно, чтобы завершить с честью, как то подобает русскому моряку, поход. Испытав и поборов невзгоды, они достойно выполнили свою гражданскую миссию. В 1855 году Путятин подписал русско-японский договор.

...Стояло погожее, солнечное утро. Из бухты на лов тунца уходили небольшие траулеры. Прозрачный бриз раскачивал вековые сосны. А на площадке возле бронзового памятника двум морякам резвились японские и советские мальчишки. Дети местных рыбаков и сотрудников советского посольства СССР в Японии. Они здесь частые гости.

ЖЕМЧУГ ПОД НЕФТЬЮ

В 1973 году Япония по выплавке стали вышла на третье место в мире: 119 миллионов 330 тысяч тонн. С 1956 года Япония прочно занимает первое место в мире по тоннажу спущенных на воду судов. Ежегодно на ее долю приходится около половины всех построенных в мире морских лайнеров. Страна уже побила рекорд по габаритам танкеров и намерена в 1977 году спустить со стапелей танкер-гигант водоизмещением 700 тысяч тонн. Но Япония не имеет практически ни единой тонны собственной нефти. Ее недра лишены полезных ископаемых. Она строит гигантские суда, чтобы ввозить на них необходимое сырье для своей ненасытной промышленности. Ей позарез нужны танкеры не только в 700 тысяч тонн, но и больше.

А что такое 700 тысяч тонн? Это то количество нефти, которое Япония ежедневно сжигает, съедает, изнашивает, смыливает, стирает об асфальт и выбрасывает в воздух в виде дымовых отходов. Вот почему от морских причалов страны весной и летом, в безветрие и штормовое ненастье уходят за черным золотом танкеры. Они, словно не знающие отдыха пчелы, спешат к чужим далеким берегам и поскорее возвращаются обратно. Без них был бы мертв и мрачен дом-улей, именуемый Японским архипелагом.

Свидание.

Индонезия и Ближний Восток — вот, пожалуй, те неближние маршруты, по которым совершают челночные рейсы танкеры, провожаемые и встречаемые огнями маяка на мысе Иро.

Танкер «Синко Мару» подходил к Симе. Заштормило. Грозовые, тяжелые облака стремительно пронеслись над палубой, едва не цепляясь за мачты. Танкер оказался жертвой гигантской воронки. «Моретрясение» оказалось настолько мощным, что «Синко Мару» выбросило на скалы. 300 тонн сырьевой нефти вылилось из его разорванного чрева в море. От «нефтяной чумы», как здесь называют расплывшиеся по поверхности масляные круги, нередко страдают в Японии жители прибрежных поселений и обитатели мелководья.

Кто-то создал книжную легенду о том, что жемчуга в Японии куры не клюют. Называют даже цифру: 100 тонн жемчуга. Вот, мол, сколько страна производит ежегодно! Научились даже выращивать черный жемчуг, тот самый, которым славились лишь знаменитые банки Бахрейнских островов в Персидском заливе.

Видел я эти богатства, в музейных витринах, ювелирных магазинах «Микимото» и там, где его выращивают в искусственных условиях. Там, где танкер «Синко Мару» получил пробоину.

Патрульные и рыбачьи суда были спешно брошены на помощь в район несчастья. Тревожные сигналы бедствия переполнили взбудораженный эфир. Можно было подумать, что тонет весь архипелаг, что катастрофа непоправимая. Но если разобраться, ведь 300 тонн — это всего лишь капля в море!

Всеми подручными средствами люди старались локализовать растущее масляное пятно. Однако зловещий нефтяной шлейф все же задел акваторию, откуда на торговый конвейер попадает драгоценный перл. Ущерб — миллионы иен. Погибли миллионы икринок моллюсков. Теперь японцы не только выращивают саму жемчужину в теле двустворчатой раковины «Акоя», они приспособились выращивать и продавать раковины. Танкер «Синко Мару» расплескал нефть как раз в сезон, когда моллюски заканчивают метать икру. Вот почему так властно звучали в эфире сигналы о помощи. На днях я зашел в ювелирную лавку, чтобы починить булавку для галстука. Мне ее подарили лет семь назад в радиотелекорпорации Японии «Эн-Эйч-Кей». Тогда эта вещица с микроскопически крошечной жемчужиной стоила примерно 500 иен. Теперь ее цена поднялась почти в четыре раза.

— Да, жемчуг не перестанет дорожать,— ответил на мой вопрос ювелир.— Среда стала не та: нефть, мазут, ядовитые стоки заводов, гибнут жемчужницы, гибнут, от «нефтяной чумы» действительно нет спасения. Все море вокруг отравлено...

С рыбаком из деревушки, лежащей в двух километрах от маяка на мысе Иро, у меня произошел примерно такой разговор:

— Я слышал, что один из самых грязных в мире заливов — это Токийский? Верно?

— Все, что вы слышали, верно,— согласился Сайто-сан.— Химическая отрава испортила воду везде. Рыба гибнет. Земляки бранятся, что она, мол, подорожала. А как нам-то быть: улов сократился вдвое.

В среднем на каждого японца в год приходится 100 килограммов рыбы. Рыба составляет половину ежедневного рациона японской семьи. Уничтожение рыбных запасов страны отходами производства равносильно самоубийству нации, пишут японские обозреватели.

Газеты вещают, власти издают законы о сохранении окружающей среды, на фабрики выезжают авторитетные комиссии, а на оптовых рынках санитарный надзор бракует тысячетонные партии тунца и других рыб. Они отравлены ртутью. Еще недавно японцы, казалось, безразлично относились к отрицательным аспектам промышленной цивилизации. Сейчас вырастающий в непередаваемо острую проблему вопрос о загрязнении окружающей среды внушает жителям архипелага страх.

Нефть, попавшая из танкера «Синко Мару» в море, вызвала панику у промысловиков компании, вырабатывающей жемчуг. Отравление окружающей среды архипелага вызывает тревогу у 108 миллионов его жителей.

УКРАИНСКАЯ КОЛБАСА

Курортный город Атами выгнулся упругим серпом вдоль бухты того же названия на восточном побережье полуострова Идзу у самого его перешейка. Если расшифровать слово «атами», то в русском варианте оно приобретет вполне определенный смысл: «горячее море». Говорят, что название это произошло от целебных источников, которых много в окрестностях города, в их воде легко сварить всмятку куриное яйцо.

Полвека назад один предприимчивый японец смекнул, что исключительно благоприятные природные условия Атами позволяют здесь без особых затрат нажить капитал. Мягкий морской климат в сочетании с восхитительным амфитеатром мандариновых садов на горных отрогах и целебной водой (хоть залейся!) предвещал сказочные горизонты бизнеса. Он выписал из Испании архитектора и возвел над берегом роскошный по тем временам отель.

Внешний вид западноевропейский, внутренняя планировка номеров в японском национальном стиле. Три этажа, арочные входы, декоративная сторожевая башня под XVI век закрывает кухонный дымоход. Деревянные, суриком крашенные лестницы, бильярдная, на стенах акварельные миниатюры — Рим, Париж, Мадрид прежних веков. При гостинице бассейн с горячей целебной водой. О нем разговор особый.

В Японии не встретишь гостиницы без фуро — деревянной кадки с горячей водой, в которой может уместиться целая семья: муж, жена, двое-трое ребятишек. Современный вариант фуро — выложенный кафелем бассейн. Таков древний обычай: фуро помогает путнику согреться с дороги, поднимая тонус, ну, и, естественно, попарить собственные телеса — вода горячая, кипяток!

Возможно полвека назад в отеле «Атами» постояльцам верой и правдой служила деревянная бочка. Сказать об этом с определенностью не берется даже смотритель фуро Сугисаки-сан.

Сугисаки-сан служил в свое время солдатом империалистической армии Японии. Несколько лет провел у нас в плену; память сохранила лишь отдельные русские слова, которые ему трудно слепить в полновесные предложения.

Я приехал в гостиницу «Атами» в канун национального праздника, когда японцы отмечают День почитания престарелых. Опущены железные жалюзи на дверях магазинов, закрыты учреждения, поленился демонстрировать свой «товар» даже владелец кинотеатра, где двадцать четыре часа в сутки крутят порнографические фильмы, а мой знакомый Сугисаки-сан, как всегда, стоял на своем баннопрачечном посту. Я, признаться, ни разу не заметил, чтобы он отсутствовал прежде. Хозяин отеля выделил ему каморку под лестницей у самого входа в предбанник. Уюта мало, но крыша над головой есть, да и время он проводит с пользой для всех, наводя чистоту в своем несложном хозяйстве, поддерживая нужную температуру воды, заботясь, чтобы всегда было мыло и прочие банные принадлежности. Любит цветы, фикусы, герань, кактусы, выткал зеленым узором юго-западную стенку фуро. Ему далеко за пятьдесят. Лицо доброе, в мелких морщинках. И хотя держится он довольно бодро, по японским стандартам его возраст вполне подходит под «границы» праздника, когда здесь почитают престарелых. И я думал, что он мог бы позволить себе отдохнуть в этот день. Из Москвы я привез ему сувенир — полкило украинской колбасы. И вручил ему сразу по приезде.

Наступили сумерки, и вот тут я даже с досадой был вынужден признать, что Сугисаки-сан не всегда бывает на своем рабочем месте. Дважды я спускался по деревянной, скрипучей лестнице в его владение, но дверь каморки его была заперта.

Утро выдалось неприветливым. Ветер нагонял тучи. Мрак и холод поселились в приморском городке Атами. Вот когда лучше фуро ничего не придумаешь! Сугисаки-сан хлопотал на своем месте в свежевыстиранном халатике. Был приветственный церемониал по всем японским правилам. Между нами произошел примерно такой диалог:

— Я вчера заходил к вам.

— Спасибо, спасибо!

— Но не застал, о чем весьма сожалею.

— Спасибо, спасибо.

— Я хотел расспросить вас о новом доме, который начали строить рядом с гостиницей, да вроде бы забросили...

— Спасибо, спасибо.

— А где же вы были?

— Очень хорошо, спасибо, спасибо. Хорошо. Россия — большая, Япония — маленькая, Россия — хорошо, люди — хорошо. Сакэ пили, ели колбасу, угощались хорошо.

Видимо, он разволновался, может быть, вспомнил старое. У меня в Японии было несколько встреч с бывшими военнопленными. Они не просто поют «Катюшу», они полюбили Россию.

Я прожил в Атами два дня. Бродил по его улицам и не мог отделаться от навязчивой мысли: в атмосфере города ощущалась какая-то вялость, инертность, он словно испытывал какой-то недуг. И наконец, понял: сник строительный бум, стальные каркасы будущих гостиниц, домов приморского центра так и не обросли «мясом» после моего последнего приезда. А минуло, пожалуй, целых полгода. Повисли тросы подъемных кранов, осиротели строительные будки, с улиц исчезли автобетономешалки. С тремя красными ромбами — эмблемой корпорации «Мицубиси».

В прошлом году Япония вышла на первое место в капиталистическом мире по производству цемента (77 миллионов 300 тысяч тонн), опередив тем самым США на 4 миллиона 300 тысяч тонн. Однако энергетический кризис и повышенные требования правления по охране природных ресурсов к хозяевам цементных заводов отразились на ценах готовой продукции. Стоимость строительных материалов в среднем по стране возросла на 20—30 процентов. В Японии законсервированы сотни строительных объектов.

В муниципалитете Атами власти беспомощно разводят руками. Их осуждают предприниматели. На долгожданную баржу с цементом рассчитывали многие, а баржа прошла мимо порта. Говорят, что цемент нужен для возведения защитной стенки вокруг маяка на мысе Иро.

ЛЮДИ ПРОТИВ ТАНКОВ

На выставке современных художников в Японии в парке Уэно посетители подолгу задерживаются перед полотном Я. Исино «Танки не пройдут!». А у меня свежи в памяти воспоминания о посещении тех самых мест, где картина была написана.

Порт Иокогама связан с городом Сагамихарой дорогой километров в пятнадцать. Разве это расстояние! Но о дороге-коротышке писали и говорили везде. Ее называли «дорогой борьбы с войной». Сагамихара, или просто Сагами, известен каждому японскому школьнику. Здесь размещена крупнейшая в Азии база американских войск. Ее северную часть занимают первоклассные оперативные мастерские по ремонту боевой техники. До недавнего времени сюда свозились из Вьетнама, Лаоса, Камбоджи искалеченные танки, бронетранспортеры, самолеты, пушки. После ремонта они вновь отправлялись в пепел войны. Но путь им преграждал японский народ.

Кто они, эти парни, которых художник Я. Исино запечатлел на своем холсте, которых я сам видел в Сагами?

— Докер. Работаю в Иокогаме. В Сагами третий раз, и надо думать, что в последний. Мы против американо-японского договора и не хотим, чтобы по земле наших предков ползли танки с иностранным опознавательным знаком.

— Меня зовут Сато, приехал в Сагами с полуострова Идзу. Врач по специальности. Сюда меня привел не только гуманизм, прежде всего во мне живет внутреннее противоборство против жестокости и несправедливости: войну в Индокитае иначе не назовешь.

И вот я снова вижу таких же людей, только в другом, соседнем порту Иокосука. Они пришли сюда, чтобы выразить свой протест против прибытия американского авианосца «Мидуэй». Какое кощунство! Как раз год назад, когда было подписано соглашение о прекращении войны во Вьетнаме, японские власти разрешили Пентагону использовать Иокосуку как порт приписки авианосца «Мидуэй». В знак протеста тысячи японцев собрались в порту в день его первого захода. Знамена, лозунги, пикеты, крики, полицейские свистки, взмахи дубинок...

А когда в газетах промелькнуло сообщение, что «Мидуэй» покинул порт и, миновав полуостров Идзу, снова взял курс к берегам Индокитая, ему никто не пожелал семи футов под килем, лишь на мысе Иро посетовали на то, что по международным правилам огонь маяка должен освещать путь каждому кораблю. Было бы совсем неплохо, если бы и на Западе столь же свято чтили все международные законы.

(Окончание следует.)

ДЛЯ СЛАВЫ ОТЕЧЕСТВА

Александр **ИВОЛГИН**

Когда встречаешься с материалами о деятельности выдающегося человека, невольно возникает мысль о том, что его наследие долго служит источником все новых сведений. Эта мысль относится и к Николаю Михайловичу Пржевальскому, ученому, от имени которого веет романтикой путешествий, приключениями первоисканий.

Все приводимые документы — некоторые из них мы публикуем впервые — освещают последний период жизни Пржевальского и связаны с подготовкой и осуществлением «Второго Тибетского путешествия», как назвал он свою четвертую и главную экспедицию в Центральную Азию...

* * *

«Его Высокопревосходительству П. С. Ванновскому. Милостивый Государь Петр Семенович! В феврале сего года почетный член Императорского Русского Географического общества полковник Генерального Штаба Н. М. Пржевальский внес в Совет общества предложение о снаряжении под его начальством новой экспедиции в Центральную Азию. Совет общества с живейшим сочувствием встретил этот проект нашего знаменитого путешественника... имею честь обратиться... с почтительнейшей просьбой оказать Ваше просвещенное содействие этому делу, относительно подробностей которого полковник Н. М. Пржевальский будет иметь честь представить... особую докладную записку... П. Семенов»,— читаем мы в письме академика Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского, хранящемся в Центральном государственном военно-историческом архиве.

Узнав о положительном решении министра, Пржевальский 22 марта 1883 года пишет начальнику Главного штаба докладную записку:

«Командировать на два года в проектируемую экспедицию как меня лично, так и избранных мною помощников: 145 Пехотного Новочеркасского Его Величества полка подпоручика Роборовского... и 2-го Пехотного Софийского Его Величества полка вольноопределяющегося Петра Козлова...»

Эта записка Пржевальского раскрывает, как Николай Михайлович умел выбирать себе достойных помощников. Замыслив новую экспедицию, он стал думать и об ее участниках. Еще в предыдущем путешествии его сподвижником был Всеволод Иванович Роборовский. Нужен был еще один.

В Слободе он встретил молодого, скромного конторщика винокуренного завода Петра Козлова. Николай Михайлович сумел распознать в нем неукротимую жажду к путешествиям, энергию и темперамент. Пообещал взять с собой и чтобы можно было это осуществить, посоветовал тотчас же поступить в полк вольноопределяющимся.

Группа участников второго Тибетского путешествия. В первом ряду (слева направо) Петр Кузьмич Козлов, Николай Михайлович Пржевальский, Всеволод Иванович Роборовский. Фото 1883 года.

В. И. Роборовский и П. К. Козлов были не только отличными помощниками выдающегося путешественника, но и продолжателями его замечательных дел. И если Пржевальский развил и дополнил идеи основоположника комплексных географических исследований П. П. Семенова-Тян-Шанского, то методика Николая Михайловича была успешно применена в последующих исследованиях известных русских путешественников В. И. Роборовского, П. К. Козлова, М. В. Певцова, Г. Н. Потанина и Г. Е. Грум-Гржимайло.

...После суматохи сборов 9 августа 1883 года Николай Михайлович с помощниками выехал из Москвы и через Пермь, Тобол, Иртыш, Байкал прибыл в исходный пункт — Кяхту. 23 октября (все даты по старому стилю) в Петербурге была получена первая телеграмма, ныне тоже хранящаяся в Центральном государственном военно-историческом архиве:

«Снаряжение Кяхте исполнено. Казаки подобраны. Багаж устроен. Сегодня выступаем Ургу, где купим верблюдов на дальнейший путь 21. X. Пржевальский».

7 ноября в Урге накануне выступления глава экспедиции прочел перед строем своего отряда приказ: «Товарищи! Дело, которое мы теперь начинаем,— великое дело. Мы идем исследовать неведомый Тибет, сделать его достоянием науки... Не пощадим же ни сил, ни здоровья, ни самой жизни, если то потребуется, чтобы выполнить нашу громкую задачу и сослужить тем службу как для науки, так и для славы дорогого отечества».

В тот же день он телеграфирует:

«Снарядив окончательно караван в Урге идем завтра Алашань Среднюю Гоби. Пржевальский».

Два долгих месяца от экспедиции не было никаких вестей. Но однажды к российскому посланнику в Пекине явился иностранный агент, некий Грезель, и, перемежая русские, немецкие и английские слова, передал пакет от «пефект рашн трейвла Пржевальски». В письме Николай Михайлович писал: «Гор. Дынь-юань-инь. 8 января 1884 г. Пишу Вам коротенькое письмо, ибо не знаю дойдет ли... Алашаньский князь... отказался переслать мое письмо по китайской почте... Выступив 8 ноября из Урги, мы прибыли 3 января в гор. Дынь-юань-инь в Алашане, сделав 1100 верст поперек пустыни Гоби. Морозы в ближайших окрестностях Урги переходили точку замерзания ртути... В отряде у меня все благополучно и все вполне здоровы...»

Только в апреле Главный штаб в Петербурге получил это письмо и почти одновременно телеграмму:

«Алашань. 8 января. Прошли благополучно пустыню Гоби. Все здоровы, завтра идем Коконор. Пржевальский».

Невозможно преодолеть волнение, читая эти телеграммы, написанные под непосредственным впечатлением в пути: становится ощутимой та напряженность, с которой весь научный мир ждал тогда вестей от колумбов Тибета.

«7 мая, оставив Восточном Цайдаме запасный багаж и запасных верблюдов под караулом 7 казаков отправляемся числе 14 человек на истоки Желтой реки и далее по стране Амдо. Вернемся Цайдам конце августа. Все благополучно. Сообщите Географическое общество. Пржевальский».

После этой телеграммы наступила томительная неизвестность, и наконец 18 октября 1884 года в Главный штаб пришло долгожданное известие, которое только до первой станции телеграфа в Кяхте добиралось более 70 дней!

«8 августа новый трудный акт экспедиции выполнен удачно. Продолжении трех летних месяцев мы обошли ровно тысячу верст по Северовосточному Тибету, сначала спустились из Цайдама 400 верст югу через истоки Желтой реки до реки Голубой — переправиться через нее оказалось невозможно. Затем обследованы большие озера верхнего течения Желтой реки. По праву первого исследователя назвал одно из этих озер «Русским», другое озе-

ро «Экспедиция». Их абсолютная высота 13 500 футов. Окрестности гористое плато футов на тысячу выше... Климат пройденных местностей ужасный: все лето холод, дождь, снег, конце мая морозы 23 градуса, июле метели, как зимой, количество водных осадков... так велико что Северный Тибет летом превращается почти в сплошное болото. Зверей, рыбы реках множество, птиц мало, флора бедная, но оригинальная. Жители тангуты по Голубой реке и близ озер Желтой».

Трудна была экспедиция Пржевальского: хлестали дожди, бушевали ветры, были смертельно опасные переправы, были болезни, но исследователи продолжали свой научный поиск.

В Географическом обществе и в ученом комитете Главного штаба привыкли к тому, что от отважного путешественника весточки приходили редко. Но такого долгого перерыва еще не было. Поползли тревожные слухи. Был мрачен Семенов-Тян-Шанский, уклонялся от ответов на запросы начальника главного штаба Н. Н. Обручев. И когда тревога достигла предела, во второй половине 1885 года в Петербург пришла долгожданная весть:

«Лобнор. 15 марта. Продолжении минувшей осени зимы путь из Восточного Цайдама на Лобнор пройден. Неведомый Центральный Куньлунь достаточно исследован, древняя дорога из Хотана Китай найдена и прослежена. Открыты три громадных снеговых хребта. Назвал один Московский, другой хребтом Колумба, третий Загадочным. Высшая точка первого гора Кремль, второго Джинри, третьего Шапка Мономаха, поднимаются более 20 000 футов над уровнем моря, прилегающие Центральному Куньлуню плато Тибета имеют 4 000 футов средней абсолютной высоты. Жители встречаются только Южном Цайдаме, далее западу пустыня весьма бедная своею флорою и фауною. Декабре морозы переходили здесь точку замерзания ртути, феврале, первую половину марта пробыли Лобноре. На днях пройдем через Черчен до Керии, отсюда на три летних месяца поднимемся вновь на нагорье Северного Тибета... Все благополучно. Все здоровы. Сообщите Географическому обществу. Пржевальский».

Этот лаконичный телеграфный текст был первым отчетом о важнейшем этапе экспедиции, насыщенном крупными географическими открытиями. Следует отметить, что Русское географическое общество в одном пункте не согласилось с мнением выдающегося исследователя: по решению общества хребет Загадочный был переименован в хребет Пржевальского...

Спустившись с Алтынтала, Николай Михайлович пошел к Лобнору — загадочному кочующему водоему, открытому им еще в 1876 году.

Радостно, как старых знакомых, встретили экспедицию лобнорцы. «Дружба наша с жителями,— писал ученый,— вскоре возросла до того, что они дважды устраивали для казаков танцевальный вечер с музыкой».

В следующей депеше Пржевальский сообщил:

«Керия. 8 июня. Апреле мае обследовали местность от Лобнора до Керии. Здесь теперь останется наш склад. Мы сами пойдем в соседние Тибетские горы. Вернемся Керию половине августа. Затем через Хотан Аксу направимся родные пределы. Пржевальский».

И наконец в Петербург пришла последняя телеграмма:

«Каракол. 2 ноября. Путешествие окончено благополучно с богатыми результатами для науки... Пржевальский».

Эта телеграмма хранится сейчас вместе с другими документами в деле Пржевальского в Центральном государственном военно-историческом архиве.

Пржевальский умер во время новой, только начавшейся экспедиции. В окрестностях Пишпека тяжело заболел брюшным тифом...

Замечательно сказал о нем ученик и продолжатель дела Пржевальского Петр Кузьмич Козлов: «Зайдите на его могилу, поклонитесь этой дорогой тени, и она охотно передаст вам весь нехитрый запас своего оружия, который слагается из чистоты душевной, отваги богатырской, из живой любви к природе и высшему проявлению человеческого гения — науке — и из пламенной и беспредельной преданности своему отечеству...»

7 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ ГЕОЛОГА

РАЗВЕДЧИКИ

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»
Фото автора.

Весна, во Владивостоке плюсовая температура, но мой попутчик, геолог Игорь Николаевич Доровских, советует прихватить в поездку и валенки и шубу. Едем мы в таежный городок, пока не нанесенный на карты, не имеющий названия.

Двое суток трясемся в «газике». С расстоянием заметно меняются пейзажи. На смену красавцам кедрам приходит мелкий березняк, за ним — безлесье, болотины и снова сплошная стена кедрача. Неизменными остаются только набухшие сугробы возле обочин.

Шофер Володя Поздняков дорогу знает отлично. Ему известны даже прикрытые снегом, не покорившиеся морозам ключи. Поздняков прошел по этой дороге, пробитой прошлой осенью, одним из первых. И сейчас гоняет по ней машину почти каждую неделю. Возит он главного инженера Таежной геологоразведочной экспедиции. Михаил Иванович Данилов — человек беспокойный. А Первореченская партия в экспедиции — объект номер один, главный инженер заглядывает сюда частенько.

Городок разведчиков — три десятка строений среди тайги. Встретил нас главный геолог Петр Владимирович Кораблинов, он исполняет обязанности начальника партии: «Как раз время связи с экспедицией». Через минуту он уже кричит в телефонную трубку: «Металл», «Металл»! Я «Валун-10». Докладываю обстановку. На буровой все нормально. На третьей штольне остановились на сто шестидесятом метре. Тормозят тектонические нарушения. Сейчас обходим завал».

«Телефонная трубка» дает указания: «Компрессор ремонтируйте своими силами. Вкладыш вышлем с первой машиной. Котельную немедленно вводите в строй. Есть путевки на курорт. Передайте фамилии желающих. У меня — все».

Знакомясь с городком, я слушаю рассказ Кораблинова:

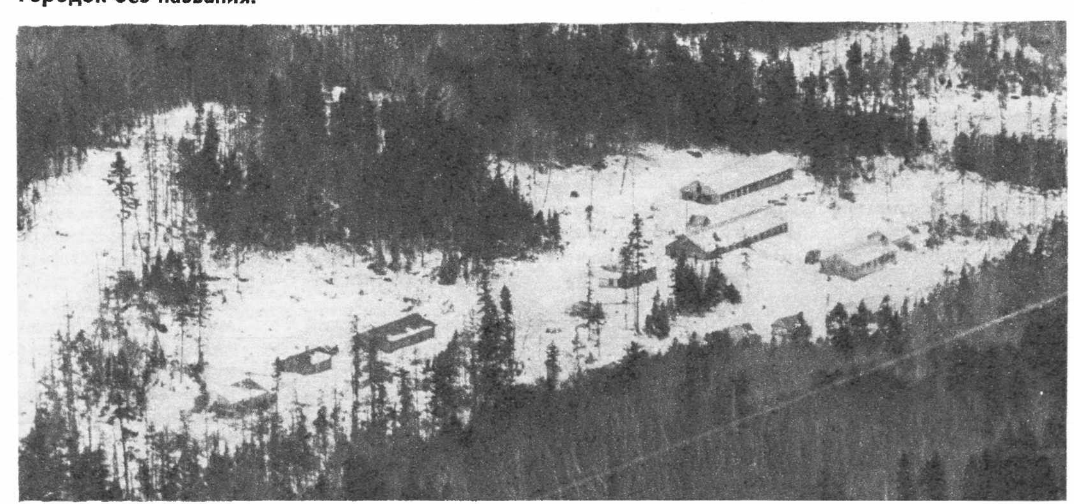
— Лермонтовское месторождение цветных металлов, по предварительным расчетам, показало неплохие запасы. Оно очень удобно расположено — недалеко от железной дороги. Добывать руду можно открытым способом. Задача разведчиков — определить запасы. Когда-то разведка длилась почти десять лет,— продолжает рассказ Петр Владимирович.— Мы хотим управиться за три года. Сейчас работаем в радиусе двадцати километров. Партия должна полностью подготовить документацию по месторождению.

Вечером, сидя у раскаленной «буржуйки», мы подсчитываем профессии жителей городка. Около сорока специальностей. Но все называют себя разведчиками: и повар Валентина Михайловна Фенина, и нормировщица Вера Пахомова, и ас буровых работ Владимир Жуков, и горный мастер проходки Владимир Корниенко. Все они разведчики!

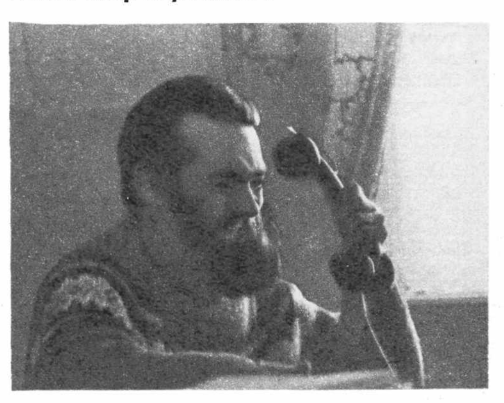
Всю ночь в тайге стоит шум. Там работают буровики. Медленно, сантиметр за сантиметром пробиваются к земным недрам алмазные коронки буров...

Владивосток.

Городок без названия.

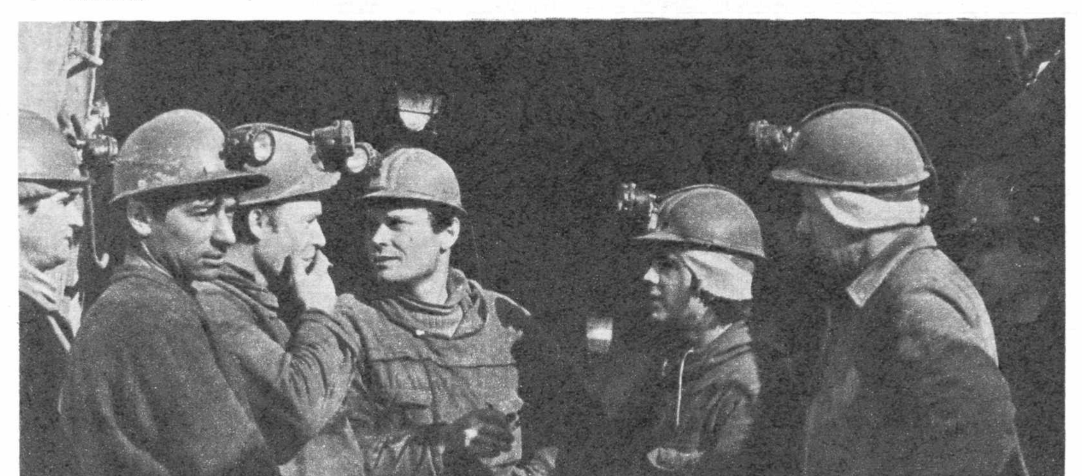
Геолог Петр Кораблинов.

Бурильщик Павел Ушич.

Проходчики.

ВЫДАЮЩАЯСЯ КОЛЛЕКЦИЯ

«Собирание... Это вечный источник подлинного знания для юноши, усиления чувств и добрых принципов для мужа и для каждого — благотворно!» Это говорил Гёте.

«Коллекционирование учит сосредоточивать память»,— сказал А. Эйнштейн, и с ним согласился другой великий ученый, И. П. Павлов: «Коллекционирование — есть школа воли».

А. А. СИДОРОВ,
член-корреспондент
Академии наук СССР

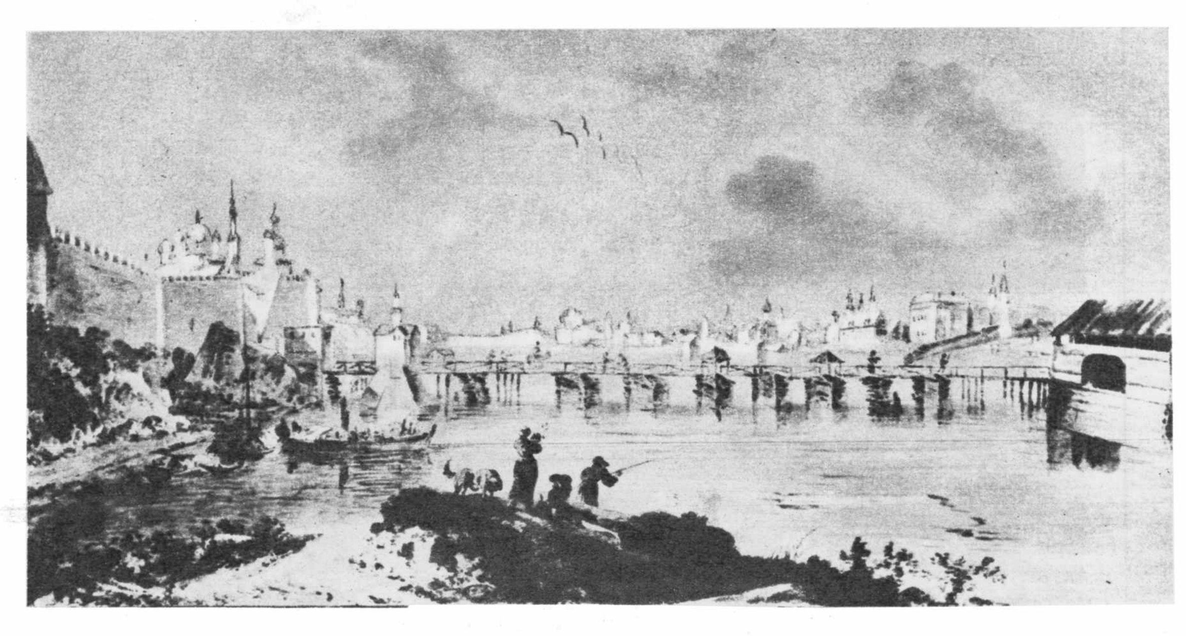
Что надо для того, чтобы не только собирать, но и собрать, создать и всенародно показать произведения искусства далеких или близких нам лет? Нужна бескорыстная любовь к искусству. Умение отличить искусство подлинное от подделок — фактических, «сфабрикованных» особыми профессионалами темных таких дел,— или подделок, произведений псевдоискусства, чего-либо низкопробного или ложно сенсационного, модного. Собиратель должен очень хорошо знать свой материал, иметь чутье к подлинной ценности, верный глаз, — а бывали «коллекционеры», про которых говорили, что у них «свиной» глаз. И счастье должен иметь собиратель! Удача сопутствует не всякому искателю. Но прежде всего наш советский собиратель обязан быть гражданином, собирать не «для себя» только.

Всеми этими чертами обладает И. С. Зильберштейн, доктор искусствоведческих наук, писатель-литературовед и очеркист, инициатор знаменитого «Литературного наследства». Его коллекция по интересности ее для специалистов, по подбору шедевров рисунков и живописи самых разных стран и времен, по нашему мнению, одна из лучших в столице. Выставка, о которой идет речь, показала только часть и, может быть, еще не самую ценную замечательного собрания — западноевропейский рисунок и живопись XVI—XIX столетий.

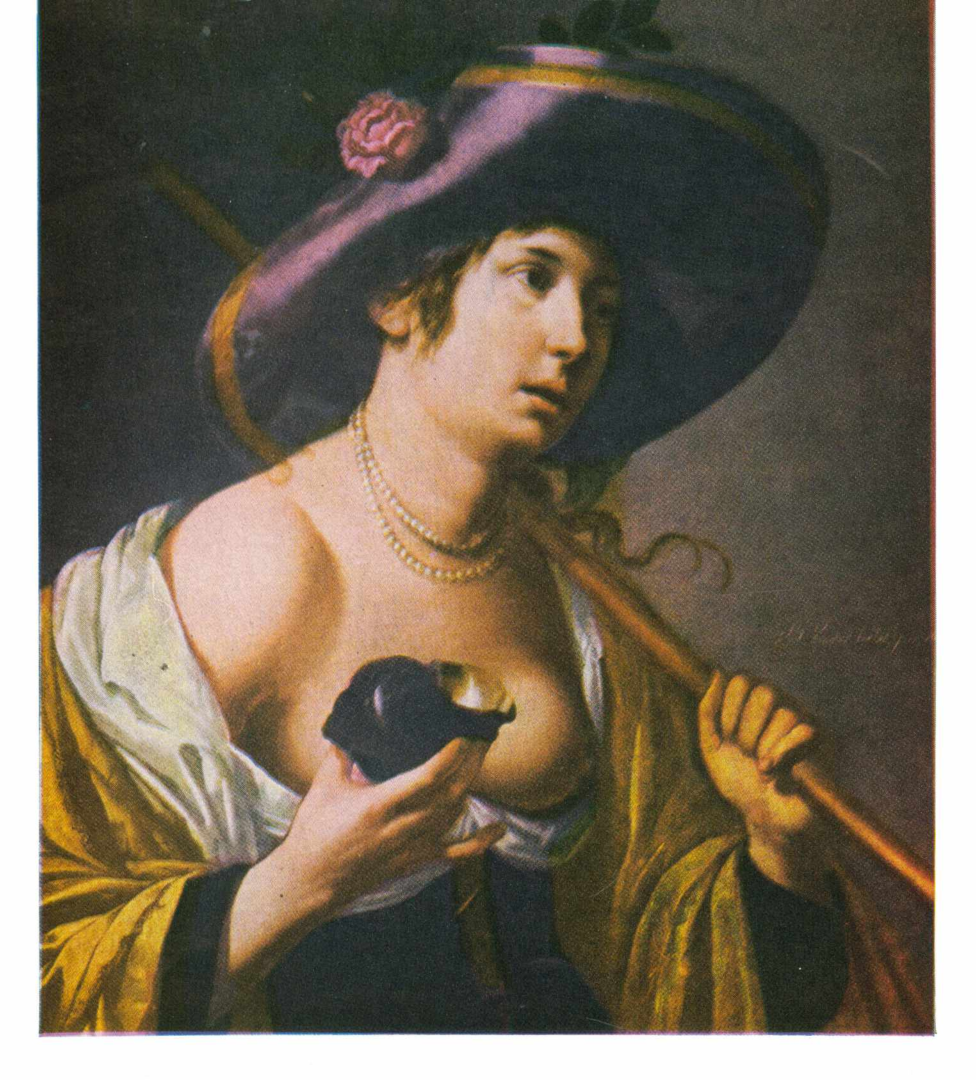
И. С. Зильберштейн с благодарностью называет имена С. П. Яремича, П. Д. Эттингера — тех, кто помогал ему составлять коллекцию, учил его, одаривал его отдельными произведениями. А после он сам скольких специалистов снабжал своими материалами, сколько произведений старых и новых мастеров обнародовал в печати.

Рисунок — совсем особая часть или область, свой «принцип», свой «метод» или разряд изобразительного искусства. Мы, реалисты, от рисунка в о б щ е м имели бы право всегда требовать того, что выдвигал великий Пушкин для русской прозы: точности и краткости, соразмерности и сообразности. Если первые два пожелания Пушкина ясны, то, говоря о соразмерности, эстетика его времени требовала от искусства гармонии, соответствия формы содержанию, а сообразность понималась как соответствие искусства его целям. Очень понятно требование в реалистической картине, изображающей человека, «правильного» рисунка, верной эстетической информации, сходства, убедительности образа. Рисунок может обладать всей законченностью, завершенностью художественного образа, быть тщательным и к тому же часто оживленным добавлением легкой расцветкою акварели. Одним из самых ценных экспонатов выставки собрания И. С. Зильберштейна стал подлинный рисунок великого Рембрандта. Как «понять», как «определить» или «описать» его? В чем к а ч е с т в о рисунка, где у руки главного персонажа только четыре пальца, как будто только бегло намеченные,— а ноги другой фигуры просто как бы бесформенны? Чем волнует этот лист специалиста — ясно: перед нами первая мысль, первая фиксация образа, содержания, композиции будущей картины. Разгадает специалист и тему рисунка: иллюстрация к библейской легенде, где отец посылает сына, чтобы его «принесли в жертву», а сам отвернулся, чтобы не видеть, как обреченный на смерть сын, не зная зачем, несет материал жертвенного костра. Специалист, знающий все это, сумеет сразу оценить человечность и выразительность фигуры отца — Авраама. А зритель, который по-прежнему порою у нас называется «массовым» или «простым»? Мы думаем, что и он увидит в рисунке не «незаконченность», а живость самого штриха, взволнованного и выразительного, отметит непосредственность и быстроту наброска, быстроту, с которою великий мастер пытался схватить и передать самое важное: с о б ы т и е. Зритель увидит что-то значительное, чего можно и не знать точно, но что все же чувствуется. Незаконченный, э с к и з н ы й рисунок показывает и неспециалисту, как начинает воплощение замысла картины великий художник, голландец XVII века, но принадлежащий всем временам... Этот лист приобрел международную известность.

Рисунков старых мастеров вообще сохранилось много. В Москве за последние годы показаны были первоклассные рисунки из музеев Западной Европы, в том числе Вены и Будапешта. Но и на фоне знаменитейших собраний рисунки собрания И. С. Зильберштейна выделяются своими качествами, редкостностью или своими приемами. Для художников всегда будет интересен итальянский мастер XVI века Лука Камбиазо, рисовавший методом «обрубовки», искавший в живых объемах тела или головы их «стереометрическую», простейшую форму. Из голландских рисунков эпохи XVII века превосходны по их реализму наброски, не «из головы», как у Рембрандта, а с натуры — К. Пуленбурга. Интересны живые, не без налета карикатуры листы Брамера, если даже их сюжеты неясны. Целую замечательную по качеству группу образуют в коллекции рисунки художников Франции XVIII века. Здесь трогательная сценка Фрагонара — рисунок, подцвеченный акварелью и объясняющий происхождение ряда работ известного русского художника круга «Мира искусства» К. А. Сомова, которому и принадлежал этот рисунок, прежде чем попасть к И. С. Зильберш-

Бальтазар де ла Траверс.
ВИД НОВГОРОДА.
1780-е годы.

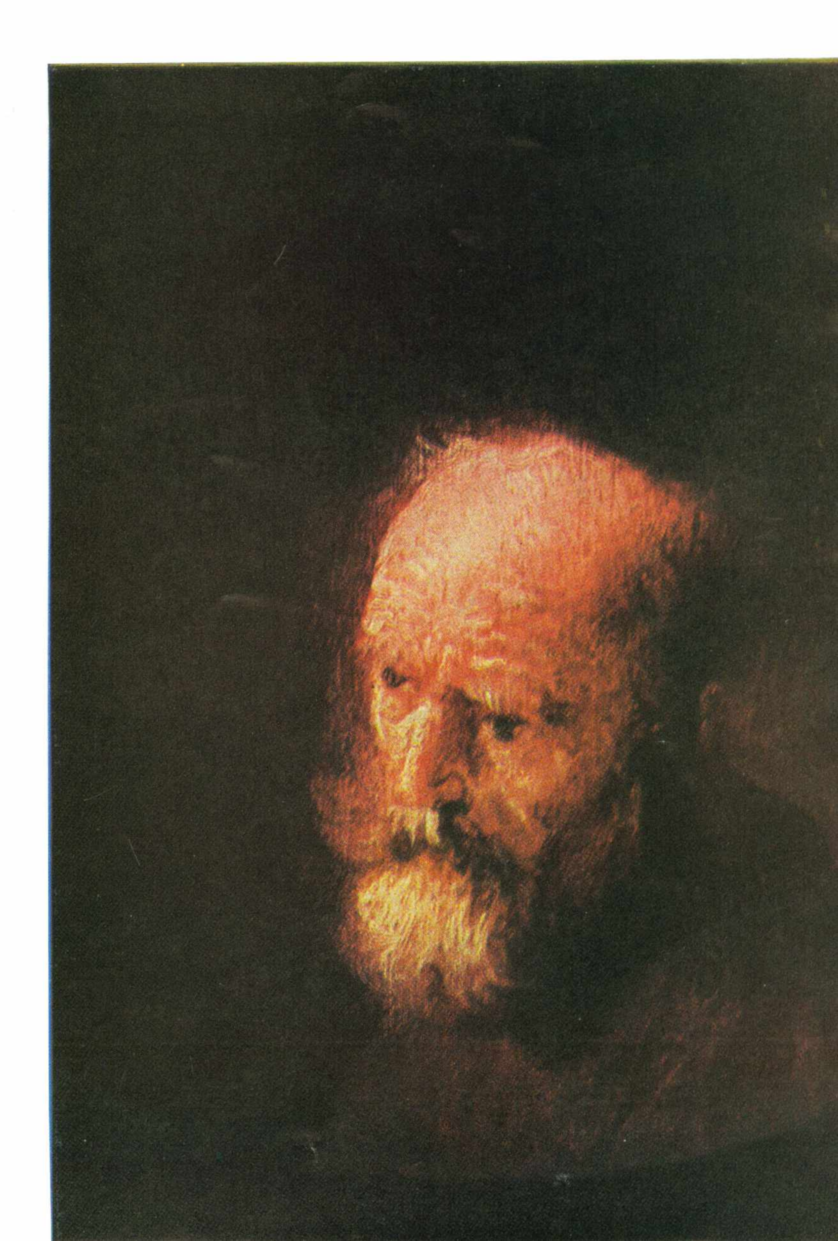
Бартоломеус Хельст (1613—1670). ГРАНИДА. 1651.

Ян Батист Босхарт (1667—1746). ЦВЕТЫ.

Кристиан Дитрих (I) (1712—1774). ГОЛОВА СТАРИКА.

Карл Мазер (1807—1884). ПОРТРЕТ М. Н. ВОЛКОНСКОЙ. 1848.

Янош Ромбауер (1782—1849). ПОРТРЕТ ГРАФА В. В. ОРЛОВА-ДЕНИСОВА. 1811.

тейну. Совершенно первоклассным является легкий, конечно, идеализированный, но несомненно похожий рисунок — автопортрет известной французской художницы Э. Виже-Лебрен.

Примечательны рисунки знаменитого польско-немецкого гравера-иллюстратора Д. Н. Ходовецкого и не только по законченности и содержательности. Вся эта группа рисунков составляла в свое время целостную коллекцию, принадлежавшую семье известного ученого историка искусств А. И. Сомова и С. П. Яремича. В каталоге рисунки названы «гравированными» в разные годы — от 70-х до 90-х годов XVIII века. Они были выполнены самим художником как авторизованные подписанные копии не для последующего гравирования, а с собственных гравюр. И всю серию он предназначал для подарка Екатерине II через известного швейцарского ученого Лафатера.

А какие живописные шедевры — хотя и в небольшом числе — украшают эту часть собрания! Великолепен цветочный натюрморт редчайшего голландского мастера Я. Б. Босхарта и очень интересна молодая сказочная героиня «Гранида» другого голландца, Б. Хельста.

Особо интересен в собрании подбор примеров творчества художников-иноземцев, работавших в России, писавших и рисовавших портреты русских людей, украшавших своими работами города, дворцы и театры, порою непосредственно отражавших жизнь народа. Работы этих художников или растворялись в коллекциях современных им русских мастеров, часто бывших их помощниками или учениками. Или в музеях западного искусства они воспринимались скорее как «второй ряд».

Художников-иностранцев в России было много, к нам приезжали и высокоталантливые мастера живописи и архитектуры, и добросовестные рисовальщики, отображавшие что угодно (как Барбье, представленный в коллекции И. С. Зильберштейна с такою полнотой, как нигде) или специализировавшиеся на портретных зарисовках целых коллективов, например, офицерских (как Райт, работ которого в собрании опять-таки очень много). Особенно выделяются немногие живописные портреты работы западных художников, запечатлевшие выдающихся русских людей.

Венгерский портретист Я. Ромбауер к числу мировых знаменитостей не принадлежал. Но его портрет одного из героических полководцев, В. Орлова-Денисова, замечателен по ярко контрастной живописности, по острой характеристике изображенного. Главное место в экспозиции занял исполненный Карлом Мазером глубоко трагический портрет Марии Волконской, замечательной русской женщины, воспетой Некрасовым... Портрет датирован 1848 годом, то есть он был сделан в сибирской ссылке. Облик немолодой, сохраняющей следы красоты дочери героя бородинского боя Н. Н. Раевского, жены одного из виднейших декабристов запечатлен шведским художником Мазером добросовестно, точно и просто. От этого портрета нельзя оторваться. Он показывает, как именно в портретном искусстве сливаются воедино мастерство художника — даже не слишком блестящее, но искренне-реалистическое, с пониманием и сочувствием отображенной человеческой жизни. Искусство и человек едины, говорит нам этот портрет.

С подлинным блеском развернули именно в России свою деятельность иностранцы-декораторы. Коллекция И. С. Зильберштейна — «клад» и источник художественной информации (и чистого наслаждения) и для историка культуры, и для архитектуроведа, и особо — для исследователя театра. Здесь представлены театральные декорации в стиле барокко знаменитого итальянского мастера Бибиены; образцы произведений другого итальянца — Дж. Валериани, работавшего в России в XVIII веке, с блеском расписывавшего плафоны лучших зданий. Для театра стал совершенно несравненным декоратором П. Гонзага, работавший и в подмосковных крепостных театрах — в Архангельском и Останкине. Архитекторы, воплощавшие в рисунках и в акварелях свои реальные постройки и проекты, порою реалистично, порою фантастически: Д. Кваренги, блистательный и строгий Ч. Камерон, великолепный Т. де Томон — все они представлены в коллекции и на выставке произведениями исключительного качества... Одна из немногих жанровых композиций мастеров-иностранцев, работавших в России, Ж. де ла Барта, изображает трогательную простоту нравов в Москве на рубеже XVIII и XIX века. Все эти художники были так или иначе известны в нашей литературе и представлены в наших музеях. Но только по коллекции И. С. Зильберштейна можно ознакомиться с творчеством Б. де ла Траверса, мастера акварели, скорее пейзажиста, чем архитектора, тем более ценного, что он очень добросовестно (и эстетически высококачественно) запечатлел виды России — от Соловецкого монастыря до подмосковных. Эти листы (их восемь) — подлинное открытие для истории искусств конца XVIII века, для всей нашей истории культуры хотя бы тем, что сохранили виды не дошедших до нас строений.

Очень ценны акварели и рисунки мастеров западных — французских художников XIX века, реалистов, завершающих богатство выставки. Это прелестная жанровая акварель 1820-х годов «В омнибусе» известного французского бытописателя (он был и карикатуристом и «очеркистом») А. Монье; реалистический, живой и выразительный, вполне, по нашему мнению, законченный рисунок «Удар молнии» Л. Лермита, живописца, повествовавшего о французском крестьянстве, за что его высоко оценил В. В. Стасов; два рисунка Ж. Л. Форена, блестящего и поверхностного наблюдателя парижской жизни конца XIX века...

Замечательную коллекцию И. С. Зильберштейн собирал для народа. Предисловие к каталогу выставки своей коллекции собиратель завершил такими словами: «Она должна стать собственностью Родины, взрастившей нас, сделавшей возможным развитие того, что стало потребностью нашего сердца».

Надо быть глубоко благодарным и собирателю и Государственному музею изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, устроившим замечательную выставку.

Элизабет Виже-Лебрен (1755—1842). АВТОПОРТРЕТ. Около 1800.

Джованни Доменико Тьеполо (1727—1804). ГЕРАКЛ И АНТЕЙ.

Гарменс Ван Рейн Рембрандт (1606—1669). АВРААМ И ИСААК НА ПУТИ К ЖЕРТВЕННИКУ. 1643.

Анри Монье (1805—1877). В ОМНИБУСЕ. 1820-е годы.

Александр Молинари (1772—1831). ПОРТРЕТ КНЯЗЯ Б. В. ГОЛИЦЫНА. Около 1810.

Цезарь **СОЛОДАРЬ**,
специальный корреспондент
«Огонька»

БЫВШИ

Портреты филантропов, кстати, частенько украшают стены израильских учебных заведений. Из-за одного такого портрета основательно подмочил свою политическую репутацию молодой о л е Гриша Файн.

Впервые войдя в лабораторию технической школы, он заметил на стене портрет. Изображенный отнюдь не лучшим художником, человек на портрете какими-то едва уловимыми черточками смутно напоминал Альберта Эйнштейна.

— Не очень-то удачный портрет Эйнштейна,— заметил Гриша.

— Какой там еще Эйнштейн,— вспылил староста курса.— Неужели мы в нашей школе повесим портрет антиизраильца! Эйнштейн не очень поддерживал создание нашего государства. Он посмел насмешливо отказаться от поста первого президента... А перед тобой портрет поистине замечательного человека. Хоть он живет за океаном, в Балтиморе, но кровно заинтересован в развитии нашей науки. Это на его деньги создана лаборатория, в которой ты сейчас находишься!..

Вернусь к Фриде Т. Ее дочурке пришлось несколько месяцев постигать азы учения на принесенной из дому старенькой табуретке. На единственном новом стуле восседала учительница с неизменной сигаретой во рту. Так учили девочку. А за это время триста лир, взятых матерью у ростовщика, превратились в 470...

Не одной Фриде приходится соглашаться на кабальные условия ростовщиков, представителей древнейшей, весьма распространенной в современном Израиле профессии. Процветают в этой стране и профессиональные гаранты — поручители, к которым о л и м прибегают, когда вынуждены обращаться за ссудой в банк. Поручитель берет за свои услуги не меньше, чем матерый ростовщик. Достойным представителем этой новейшей профессии стал в Ашкелоне выходец из Бессарабии престарелый Борух Вольфо̀вич. По совместительству он еще регулярно доносит на замышляющих отъезд из Израиля своих клиентов. Такое патриотическое рвение высоко ценит израильская жандармерия — шируд бетакоз, вкратце именуемая «шинбет».

Для бывшего одессита Царика поручительство — вторая профессия. Основной источник его заработков — восторженные письма в Одессу о привольной и зажиточной жизни о л и м в Израиле, а заодно оперативная фабрикация вызовов от мифических родственников.

И вот в лапы таких отпетых, зарабатывающих на чужой беде спекулянтов попадают о л и м, когда, подобно Фриде Т., им требуются деньги на неотложные нужды. Если Фриде даже удастся выплатить долг по голубой книжке, то разве простят ей ростовщики неуплату зверских процентов, почти удвоивших ее долг?

Словом, для многих, кто намерен бежать из Израиля, даже долгожданный штамп «нифра» в голубой книжке еще не означает полного раскрепощения от кабальных долгов.

В долговых тенетах катастрофически запутались и бывшие граждане других социалистических стран. Тбилисский шофер Яков Цацаношвили познакомился в Лоде с семьей рабочего подсобных предприятий аэропорта, приехавшей из Польши девять лет тому назад. Когда Яков пожаловался главе этой семьи на то, что за какой-нибудь год пребывания в Израиле его одолели непомерные долги, тот горько усмехнулся:

— Первые три года я выбивался изо всех сил — все надеялся как-нибудь выкарабкаться из долгов. А теперь махнул рукой! Вижу, вырваться отсюда не удастся.

Учтя горький опыт семьи бывшего польского гражданина, Лия, жена Цацаношвили, в Тбилиси занимавшаяся только домашним хозяйством и воспитанием детей, пошла на поденку. С ее помощью муж с трудом расплатился с долгами.

Кроме официальных голубых, многие о л и м познакомились и изведали «прелесть» книжечек и других цветов. В них записаны долги лавочникам.

— Кто действительно рад нашему приезду, так это лавочники,— рассказывает фотограф из Бендер Яков Моисеевич Файерман, вынужденный в израильском городе Пардесхаце стать мусорщиком.— Лавочники не попрекают нас тем, что мы сразу же хотим жить в настоящих домах, как привыкли в Советской стране. Они не голосят, как другие старожилы, что мы за гроши согласны на любую работу и тем самым, голодранцы, такие-сякие, отбиваем у них заработки. Им наплевать, ходим ли мы в синагогу или не ходим. Для них мы прежде всего новые покупатели. И не очень разборчивые — не возражаем, если сахарный песок слегка подмочен, а хлеб — позавчерашней выпечки. Ведь они продают нам в долг. И владельцы промтоварных магазинов тоже рады — без кровати или, на худой конец, топчана не обойдешься! И вот в этих магазинах нам, как и многосемейным рабочим-старожилам, вынужденным залезать в долги, тоже отпускали товары в кредит, «на книжку».

— Зато делали надбавочку на цену каждой покупки,— уточняет жена фотографа Эстер Гершовна.— Конечно,— вздыхает она,—если бы муж имел там пенсию, какую получал в Бендерах, мы бы за продукты платили наличными. А в Пардесхаце приходилось влезать в долги.

Долги, долги, долги. Как же добыть деньги, чтобы погасить долги? Ведь без этого не убежишь из Израиля!

Люди идут на самые вредные для здоровья работы, где положен укороченный трудовой день, но соглашаются работать сверхурочно.

И все же чаще всего приходится прибегать к продаже вещей, привезенных с собой. Для многих местных спекулянтов скупка таких вещей за полцены стала выгодной профессией. Неспроста в местных газетах изо дня в день помещаются объявления подобных скупщиков, вроде предприимчивого Володи Блума, неизменно подчеркивающего, что он из Бразилии. Во многих объявлениях проявляется особый интерес к изделиям советских художественных промыслов, золотым и серебряным вещам, пуху для подушек, телевизорам советского производства.

— Сколько унижений испытываешь, когда скупщики обращаются с тобой, как с собакой,— рассказывает Евгения Ковригар.— Но приходится стиснуть зубы и молчать — ведь мы в их руках. И отдаешь обручальное кольцо за гроши...

Не у каждого, однако, к моменту отъезда остаются вещи для продажи. Много вещей новоприбывшие вынуждены продавать значительно раньше, как говорят в Израиле, «ради куска хлеба для детей».

А что прикажут сохнутовцы делать бывшей советской пенсионерке Хае Гробман из Черновиц, если она осталась без отправленных багажом вещей? Документально установлено, что вещи одинокой женщины в Израиль прибыли. Есть подозрение, что по ошибке или по сговору они выданы постороннему человеку. Одиннадцать месяцев ходит старуха из инстанции в инстанцию города Холона, да все безрезультатно.

Что ж, видно, никогда уже штамп «нифра» не украсит голубой книжечки Хаи Гробман, которую сохнутовцы, как она утверждает в своих прошениях, относят к о л е второго сорта: она ведь не сумела прихватить с собой кого-нибудь из молодых, способных стать для «великого» Израиля дешевой рабочей силой и пушечным мясом.

ЗВУЧНОЕ СЛОВО «АБСОРБЦИЯ»

Мои собеседники назвали имена многих бывших жителей Черновиц, Вильнюса, Сухуми, Бухары, которые не могут вырваться из Израиля прежде всего потому, что не погасили кабальных долгов.

В долговой капкан попали и несколько бывших киевлян, о которых вспоминает Ева Шварцман:

— За какие-нибудь полтора-два месяца залезли, горемыки, в огромнейшие долги. Проливают слезы, но не смеют даже заикнуться об отъезде из Израиля. Они вынуждены оставаться там на положении всосанных! Поглощенных!

«Всосанных»? «Поглощенных»? Эти странные слова приводят меня в недоумение. И мне разъясняют:

— Еще в замке Шёнау всем нам говорили, что о нас в Израиле будет заботиться министерство абсорбции иммигрантов. Оно, уверяли нас и в самолете, ведает устройством о л и м. Абсорбция! Это звучное, прямо какое-то научное слово обнадеживало нас, завораживало. Что же мы на деле услышали по приезде от чиновников министерства с таким таинственным названием. «Работу вам могут дать частные предприниматели, а мы можем их только просить. Так что не капризничайте, соглашайтесь на то, что вам предложат. И, пожалуйста, не интересуйтесь, сколько за такую же работу платят старожилам — вам будет спокойнее». Когда мы рассказали киевлянам, ранее нас прибывшим в Израиль, как чиновники министерства абсорбции отмахиваются от нас, словно от назойливых мух, над нами горько посмеялись: «А вы разве не знаете, что означает слово «абсорбция»? Всасывание, поглощение. Дело министерства — всосать нас, поглотить. Вот мы и подтруниваем грустно сами над собой: мы здесь всосанные, из нас здесь высасывают последние соки».

Аппарат министерства абсорбции действительно понимает свой долг перед новоприбывшими довольно оригинально: **разъединять** семьи, вызванные в Израиль под высоким предлогом воссоединения.

«Сортировку» приезжающих начинают сразу же на аэродроме Лод.

Там на глазах у Абрама Питилашвили разлучили семью бывших жителей Бухары.

— Родителей отправим в Хайфу, а молодых людей поближе к марокканским евреям. Марок-

Н а ч а л о см. в № 14.

канцы, правда, не очень вас любят. Они говорят, что вы избалованы. Так что в первые дни могут затеять ссоры с вами, даже драки. Зато у них вы научитесь рожать побольше детей. А им вы докажете, что из Бухары приезжают не дикари — привозят телевизоры, умеют обращаться с холодильником.

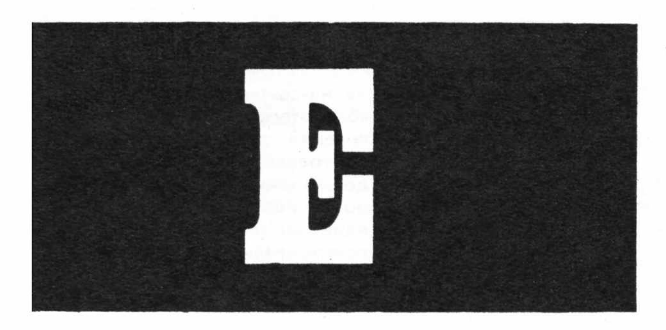
Если новоприбывший заявляет чиновникам, что его родственники проживают, скажем, в Беэр-Шеве, автоматически следует ответ:

— В Беэр-Шеве нет нужды в рабочей силе, поедешь в Марморек.

А через несколько минут в Беэр-Шеву направляют тех, кого родственники ожидают в Мармореке.

С какой целью это делается? Только ли для первой острастки, только ли для того, чтобы сразу же показать, что все решает администрация? Нет, некоторых мотивов такой сортировки чиновники даже не скрывают от протестующих олим. Родственники, дескать, будут отрывать друг у друга много дорогого времени, а вот без родственников новоприбывшие скорее изучат иврит и освоятся с непривычной обстановкой. Появление больших семей новоприбывших может, мол, еще больше разозлить старожилов, и без того испытывающих тяжелый жилищный кризис.

И только некоторые чиновники решаются прямо сослаться на закон «О распылении населения», принятый кнессетом еще в 1950 году. Заставить молодежь селиться только в пустыне и малообжитых районах — вот какую цель преследовали законодатели. В дальнейшем этот закон пытались использовать и для быстрейшего заселения оккупированных арабских земель. Однако старожилы упорно не подчинялись закону и не соглашались расставаться с детьми.

Но в последнее время власти, лихорадочно спеша заселить оккупированные территории, ретиво взялись за применение закона. «Приток новых олим должен быть направлен на новые территории,— напомнил Даниэль Амальрис, редактор поминавшейся уже газетенки «Трибуны»,— потому что именно там определяются будущие границы Израиля. Мы потеряли много ценного времени,— забил тревогу этот писака в статье под сенсационным названием «Раковая опухоль, которую мы сами питаем».— Мы упустили прекрасный человеческий материал, который мы могли направить в Галилею, Негев, в Рашат Аголан, Синай и на восток от Иерусалима. И однажды история накажет нас за это!»

Видимо, чтобы избежать наказания истории и больше не упускать «человеческий материал», ныне на аэродроме Лод еще усерднее, нежели родственников, разъединяют бывших земляков, подчас не знающих ни иврита, ни идиш.

— Такое расселение превратило мою семью в семью слепцов,— понял это на своем горьком опыте бывший тбилисец Илья Иосибашвили.— Мы ни к кому не могли обратиться, у всех был предлог нам даже не отвечать.

Глубоких стариков и старух, разлученных с молодыми родственниками, безжалостные чиновники заранее обрекают на нищету. Это испытала на себе семидесятилетняя Нина Исааковна Алишакова. Она стала нищей.

Как же реагируют на такое явление высшие израильские власти?

Об этом можно судить по интервью генерального директора ведомства интеграции Пинхаса Дагана, помещенном в «Трибуне» 11 июля 1973 года. Вынужденный сквозь зубы признать, что грубость и бюрократизм чиновников вызывают многочисленные жалобы олим, так что те вынуждены прибегать к поискам «покровителей» из среды старожилов, этот высокопоставленный чиновник первопричину всего видит в одном: «Еще не решена психологическая (!) проблема поселения рядом детей и престарелых родителей».

Пока сионистские «психологи» решали эту проблему, многие, очень многие бывшие советские граждане были насильно, в порядке зловещей абсорбции, поселены на оккупированных землях. За три месяца до кровопролитных боев, вызванных в октябре 1973 года израильской агрессией, президент Эфраим Кацир торжественно сообщил, что очередная группа — сорок пять семей бывших советских граждан — поселена на Голанских высотах и в Питхат-Рафияхе.

Какова судьба этих людей, которых новая война застала на захваченных арабских территориях, где происходили жестокие бои? Не погребены ли эти люди под развалинами домов? Впрочем, не один только господин редактор Даниэль Амальрис считает их не столько людьми, сколько человеческим материалом.

А стоит ли израильским ястребам печалиться о материале?..

У «абсорбированных» была одно время смутная надежда на второй съезд олим из СССР, где, как трубила вовсю израильская печать, можно будет откровенно поговорить об их бедах и перспективах. Что ж, некоторым из моих собеседников довелось стать непосредственными свидетелями попытки министерства абсорбции провести в Беэр-Шеве этот съезд. Попытка эта безнадежно провалилась: начавшийся съезд пришлось прекратить и отложить на неопределенный срок.

Только ли потому был изнутри торпедирован, как выразился министр абсорбции, съезд, что на первых же минутах вспыхнули ожесточенные споры и даже потасовки между теми, кто приехал к богатым родственникам, и теми, кому приходится жить впроголодь? Только ли потому возникли на съезде беспорядки, что делегатские мандаты достались многим подставным лицам, считавшим, что убийство религиозными фанатиками молодого выходца из Латвии — «мелочь», не заслуживающая внимания делегатов? Только ли потому сорвался съезд, что ему предшествовал «черный четверг» в Ашдоде, когда доведенные до отчаяния сотни бывших граждан Советской Грузии воздвигли баррикады, чтобы был наконец услышан их голос протеста против того, что самим сионистским заправилам пришлось назвать «страшным результатом этнической дискриминации»?

Конечно, все это сыграло свою роль. Но главное — это безнадежный пессимизм, неверие в будущее, безысходное отчаяние, сразу же определившее атмосферу съезда. Как раз накануне открытия съезда руководящие сотрудники министерства абсорбции вынуждены были на пресс-конференции признать, что значительное число олим из СССР заражено желанием покинуть Израиль. Одновременно советнику министерства Эфраиму Ахкраму пришлось признать: «Не менее 23 процентов небольшого числа репатриантов из стран Западной Европы и Америки спустя некоторое время покидают Израиль». Если бы не обтекаемая формулировка, то цифру пришлось бы увеличить по крайней мере до 65 процентов — это было уже тогда широко известно!

В такой безрадостной обстановке открылся, а затем быстро и закрылся этот съезд. И те, кто действительно был делегирован бывшими советскими гражданами, сразу же заговорили о презрительном отношении к ним предпринимателей и унижающем человеческое достоинство отношении чиновников, о трагическом положении детворы и отсутствии элементарно пригодных под жилье домов. Даже израильская пресса вынуждена была отметить «главенствующие в зале съезда пораженческие настроения» людей, глубоко разочарованных жизнью в Израиле.

Предполагалось, что Голда Меир выступит «под занавес». Но, пытаясь предотвратить провал съезда, она поспешила произнести речь сразу же после того, как в кулуарах случилось несколько инфарктов с особенно отчаявшимися олим. Именно там скончался приехавший из Риги Александр Друз.

Слова госпожи премьер-министра нелегко было расслышать из-за непрестанных выкриков из зала. Вот почему, не полагаясь на память моих собеседников, я воспользуюсь выдержкой из официозного отчета:

«Мне очень больно слышать, с каким упоением и энтузиазмом здесь говорят, что все у нас плохо. Сердце мое переполняется болью, когда я думаю, что в России узнают, что происходит здесь».

Требуется ли лучшее доказательство неизбывной ненависти к печальной израильской действительности, которую принесли с собой на съезд обманутые люди, только еще начавшие вкушать прелести «рая на земле предков»?

Просматривая израильскую прессу, я вначале поражался странной легкости, с какой самые высокопоставленные лица, вплоть до министров, спешат после провалившегося съезда признать и даже осудить грубость, черствость и изощренный бюрократизм чиновников по отношению к олим из социалистических стран. Своими недоумениями я поделился с известным австрийским публицистом Гансом Волькером, глубоко изучившим трагические проблемы, порожденные пресловутой абсорбцией.

— Самих олим тоже вначале поражает и подкупает подобная самокритика израильских заправил,— услышал я в ответ.— Но потом олим начинают понимать, где тут, как говорится, собака зарыта. Начинают догадываться, что эта «самокритика» — обдуманный коварный прием. Израильским руководителям больше всего на свете не хочется признать перед всем миром, что бывших граждан социалистических стран в Израиле катастрофически разочаровывает сама суть, сама природа израильского образа жизни — и в целом и в мельчайших деталях. Сионистские идеологи ведь прекрасно знают: когда олим начинают вспоминать то, что они потеряли, и осознавать то, что приобрели, настоящее представляется им мрачным, а на фоне воспоминаний о потерянном — совсем беспросветным. Поэтому они готовы свалить все на бюрократизм своих чиновников, на отсутствие жилья, на невозможность получить работу по специальности, словом, на что угодно, только бы не признать своего морального, нравственного поражения, не признать, что для тех, кто жил в социалистической стране, израильская жизнь невмоготу!

КТО УБИЛ МИРОНА ГЕНДЛЕРОВА?

Стремление во что бы то ни стало разъединить семью приводит иногда к чудовищным последствиям.

Мне довелось ознакомиться с показательным в этом смысле документом — собственноручным письмом израильского публициста А. И. Клейнера, по настойчивым вызовам которого с Украины приехало более двадцати совершенно незнакомых ему людей. В нарушение установленного порядка Клейнер позволил себе написать письмо министру абсорбции по-русски, ибо сей сионистский деятель за многие годы пребывания в Израиле писать на иврите так и не научился. Дословно, не меняя ни одной запятой и сохраняя все подчеркивания отправителя, привожу отрывки из этого письма:

«Посылая тысячи вызовов евреям в СССР, мы в каждом из них повторяем, что надеемся на гуманность советских властей, которую-де они обязаны проявить, понимая, насколько человеколюбие обязывает сделать все для объединения разрозненных семей».

Так пишет израильский публицист, но я не могу не проиллюстрировать точной цифровой справкой истинную подоплеку этого «человеколюбия по-израильски». Из 72 беженцев, с которыми я беседовал на эту тему в Вене, только 19 выехали в Израиль по вызову близких, известных им родственников. 28 человек до получения вызова ничего не знали о своих израильских родственниках, а для всех остальных вызовы были сфабрикованы от придуманных родственников.

Оттолкнувшись от фарисейских рассуждений о человеколюбии, раскаявшийся «вызывала» Клейнер переходит к фактам:

«А вы, господин министр, и руководимый вами аппарат, думаете ли об объединении семей? СТЫДНО И ДУШЕВНО БОЛЬНО ВИДЕТЬ, что о той гуманности, которую мы справедливо требуем от советских властей, здесь НИКТО И НЕ ПОМЫШЛЯЕТ. Более того, прибывающие сюда семьи здесь часто РАЗЪЕДИНЯЮТ. Это звучит ДИКО, но, к великому сожалению, ЭТО ТАК. Приведу примеры: из Киева прибыла семья Аранович — отца и мать отправили в Нагарию, а сына с невесткой в Ашдод: надо добавить, что невестка в последних месяцах беременности и особо нуждается в материнском взоре. Что же получилось? Вместо того, чтобы осваивать жизнь в Израиле (а вам известно, как это нелегко), семья вынуждена

обивать всевозможные пороги (а аппарат абсорбции в совершенстве усвоил метод отсылки от одного ко второму), чтобы добиться обратного воссоединения.

Еще пример — пример классической алии[1]. Из Украины выехала в Израиль семья, состоящая из четырех поколений: прабабушка, возраст — 82 года, правнучка — возраст 3 года, 2 человека второго поколения. Что здесь с ними сделали? Прабабушку Миндлю Иделевну Хазине и внука инженера Гильбурда Моше отправили в Цефат, остальных трех членов семьи третьего поколения отправили в Ашкелон. Не знаю, куда точно отправили дочь Миндли с мужем, но знаю, что они не вместе. Теперь они все заняты **ПОМЫСЛАМИ** о воссоединении. Боюсь, что они **НЕ ОСОБЕННО БЛАГОДАРНЫ МНЕ** за посланные им вызовы.

Третий случай — это уже трагедия, которая и заставила написать мне это письмо...»

Нет, об этом «случае» — о трагедии Мирона и Брони Гендлеровых — я не вправе рассказывать словами Клейнера — это было бы кощунством! Ведь в письме министру абсорбции Клейнер выгораживает себя и умалчивает о том, что сам он не мог не предвидеть страшный и бесчеловечный финал этой трагедии.

Родственники Мирона Гендлерова переехали на территорию нынешнего израильского государства еще задолго до второй мировой войны. И поныне им живется не очень сладко. Потому-то и не решались они вызвать к себе Мирона и его жену Броню. Эту миссию охотно взял на себя «сердобольный» Клейнер, хотя прекрасно знал, что Мирону при его тяжкой инвалидности требуются особые условия, особый уход.

Проживая перед гитлеровским нашествием на Польшу в Белостоке, Мирон был схвачен оккупантами и брошен в Освенцим. Чудом бежав из нацистского лагеря смерти, он в рядах польских воинов сражался против фашистов. Долго пролечившись в нашем прифронтовом госпитале, остался в Советском Союзе.

«Там, — с деланным изумлением признает Клейнер,— все же Мирону дали хорошую квартиру, автомашину с ручным управлением, большую пенсию, кроме того, его обучили специальности ротаторщика, он прилично зарабатывал (сверх пенсии) до момента вызова в Израиль».

В Израиле Гендлеровы соглашались на самое неприхотливое жилище — только бы в Иерусалиме или Тель-Авиве, где проживают их родственники. Но сохнутовцы и чиновники «мисрад аклита» (местного отделения министерства абсорбции) решили, что поселить малоценный «человеческий материал» в крупном городе — это слишком дорогая роскошь. Они заставили Гендлеровых уехать в неблагоустроенный еще городок Тират-Кармель. Там, не имея подле себя ни одного близкого человека, не зная ни единого слова на иврите, вынужденный экономить каждую монету, безработный Гендлеров впал в депрессивное состояние.

Родственники пытались разжалобить чиновников министерства абсорбции. Пытался протестовать и Клейнер, припертый к стене укорами Гендлеровых, которым он обещал в Израиле жизнь, «подобную жизни в эдемском саду». Он пытался убедить чиновников министерства, что Гендлеровых «в виде исключения» надо действительно воссоединить с семьей.

«Но,— вынужден сейчас признать Клейнер,— стальную стену бюрократизма и равнодушия нам пробить не удалось. Один из руководящих работников министерства, которого я лично (по-видимому, незаслуженно) уважал, когда я ему выразил свое возмущение этим твердокаменным равнодушием к судьбе несчастного еврея, мне ответил: «Ну что же, если он хочет жить вместе с родственниками, пусть они купят ему квартиру».

Клейнер умалчивает, как одна из его бурных размолвок с Гендлеровым довела того до нервного припадка. Он был глубоко потрясен, узнав, как эмиссары израильского сионизма в западноевропейских странах охотно блокируются с теми, в чьем идеологическом арсенале не последнее место занимает антисемитизм. Клейнер злобно и упорно отрицал это.

— Напрасно! — хотелось бы мне, автору этих записей, бросить в лицо клеветнику сионистской выучки. Я припомнил бы ему только один эпизод, происшедший на моих глазах в дни мюнхенской Олимпиады.

В воскресенье, 3 сентября 1972 года, близ Мюнхена, на лагерной площади в Дахау, где гитлеровцы замучили в каторжном застенке сотни тысяч узников, в том числе евреев, была сделана открытая попытка сорвать интернациональный траурный митинг молодых олимпийцев. С кем же сблокировались для этой гнусной цели баварские сионисты и прибывшее к ним пополнение? С неонацистами из профашистских западногерманских групп и с остатками украинского националистического отребья, прославляющего имена Петлюры и Бандеры.

Следовательно, Гендлеров имел все основания не верить Клейнеру.

А вскоре, потеряв последнюю надежду на элементарное внимание к своей тяжелой судьбе, Мирон с трудом добрался до Хайфы, чтобы бросить в лицо своему «благодетелю» Клейнеру:

— Душегуб! Продажный наемник! Зачем вы затащили меня в этот ад? Выхода у меня нет. Так жить я больше не могу! И не буду!

Через несколько дней Гендлеров скончался. Инфаркт — гласил врачебный диагноз.

«У меня другое соображение по этому вопросу (у Мирона было абсолютно здоровое сердце),— прозрачно намекает министру Клейнер,— но так или иначе **ЭТА СМЕРТЬ НА СОВЕСТИ** некоторых работников мисрад аклита в Хайфе и министерства».

Свое письмо Клейнер писал, «чувствуя себя ответственным» за судьбу вдовы Мирона Гендлерова.

Вдова не могла вернуться в Тират-Кармель, где все ей напоминало о гибели мужа. Пять месяцев скиталась она по разным городам и чужим квартирам, куда из жалости ее пускали на несколько дней. Она обращалась к министру Натану Пеледу, к его заместителю Гилелу Ашкинази, ко многим чиновникам.

Тщетно!

Особенно изощренно издевалась над больной вдовой личная секретарша заместителя министра Хая Грабская. Ревностная чиновница приказала вахтеру не пускать Броню Гендлерову в здание министерства и пригрозила несчастной женщине принудительной высылкой в Тират-Кармель под конвоем.

Угрозу эту не привели в исполнение только по одной причине: Гендлерова сошла с ума и попала в психиатрическую лечебницу.

ЦЕНА ДУШИ — ДВЕСТИ ЛИР

Рая встретила свою сестру Броню, приехавшую в Петах-Тиква вместе с мужем Львом Яковлевичем Капланом, неприкрыто насмешливым восклицанием:

— А-а, с приездом, два новых мученика для «Сохнута»!

— Ты же писала, что нас ждет здесь райская жизнь,— ответила ошеломленная Броня.

— А почему другие приезжают сюда мучиться? — злорадно откликнулась Рая.

— Ты же знаешь, как хорошо мы жили в Вильнюсе,— продолжала сестра.— Квартира у нас была просторная. Лева несколько месяцев в году прирабатывал к пенсии. Оба сына помогали нам, хотя мы отказывались от их денег...

— Здесь тебе не придется отказываться,— оборвала сестру Рая.— Здесь ты будешь мучиться. Но зато на земле наших предков. Это должно быть тебе утешением, если не забыла еще, что ты еврейка.

Разрыдавшись, Броня выбежала во двор. Равнодушные к ее слезам соседи занимались своими делами: кто развешивал белье для просушки, кто сколачивал сломанный столик, кто торопливо дочитывал купленную в складчину газету. И только один старик старался утешить олу.

— Зачем сестра так сделала! — восклицала сквозь слезы Броня.

— Как зачем? — с горькой усмешкой ответил ей старик.— Она ведь заработает на вас.

— Политический капитал? — попытался уточнить подошедший Лев Яковлевич.

— Почему политический! За то, что вы вдвоем приехали сюда по ее вызову, она получит денежную премию. Двести лир за душу.

После паузы старик продолжал:

— Политический капитал Рая тоже заработает на вас. Она ведь слывет активной сионисткой.

— Не может быть,— недоверчиво заметил Каплан.— Рая никогда не интересовалась политикой.

— Она и теперь интересуется не политикой, а деньгами. Она «кэсэф-сионистка».

«Кэсэф» на иврите означает деньги. И людей, старательно рекламирующих свои сионистские убеждения с одной только целью — извлечь из этого материальные выгоды, в Израиле величают «кэсэф-сионистами».

Потом Капланы узнали, что они далеко не первые, кому материально стимулируемые Рая с мужем послали вызов. Правда, муж Раи с достоинством утверждал:

— Не думайте, эти деньги не из казенного кармана. Нет, нет! Нам платят из благотворительных средств частных филантропов...

Ну в точности как в грустном анекдоте, бытующем среди тех, кто, побывав в Израиле, не пожелал стать гражданином этого государства:

«Кого можно назвать истинным сионистом? Еврея, который за деньги другого еврея сумел вызвать в Израиль третьего еврея».

Впрочем, Рая и ее супруг могут обидеться, если им скажут, что они сионисты. Сейчас среди сионистов более модно именовать себя социалистами. Один из наиболее распространенных аргументов подобной трансформации звучит так: смотрите, мол, Голда Меир ездит в Европу не на сионистские конгрессы, а на конференции социалистического интернационала, причем не рядовым гостем, а влиятельным участником!

Утверждая, что премии за «вызванных» платит не государство, муж Раи не солгал. Действительно, израильский так называемый «общественный комитет помощи советским евреям», организующий в массовом масштабе вызовы в Израиль от мифических родственников, субсидируется частными организациями и щедрыми меценатами. Одна из активисток Хайфского филиала этого комитета, Дора Фишер, проболталась своим подопечным, что львиную долю субсидий составляют «благотворительные пожертвования из-за рубежа».

На сребреники этих «благотворителей», мошенническим путем, применяя заранее обдуманный обман, из одной страны в другую заманивают людей для удешевления в Израиле рабочей силы. Заманивают и перепродают.

И подобное возрождение зверских повадок работорговцев эти «благотворители» еще смеют прикрывать разглагольствованиями о Декларации прав человека, принятой Организацией Объединенных Наций...

Возвращаюсь к чете Капланов. Они вскоре убедились: все, о чем писала им проживающая в Израиле «кэсэф-сионистка», оказалось чистейшей выдумкой. Принадлежащий ей «роскошный ресторан» оказался крохотной и смрадной столовкой для рабочих близлежащей фабрики. Значительную прибыль владелица выгадывала на том, что полицейские сквозь пальцы смотрели на непрестанные нарушения санитарных правил и порядка торговли: этим они оплачивали Рае слежку за рабочими, среди которых было несколько коммунистов.

Льву Яковлевичу тут же было дано задание: прислушиваться ко всему, о чем говорят рабочие, особенно если за столиками сидят коммунисты. А своей не очень-то здоровой сестре Рая определила непосильную роль "девушки для всего» — на задымленной и совершенно не проветриваемой кухне.

Капланы решили покинуть Израиль как можно скорее, пока долговая петля еще не совсем затянула шею.

Сейчас Капланы бомбардируют слезными письмами сыновей — слесаря в Вильнюсе и музыканта в Минске, которые настойчиво предостерегали родителей от шага, погубившего их жизнь.

— Ах, почему я не послушалась сыновей? — безуспешно пытается сдержать поток слез Броня Каплан.— Лучше бы я попала под автобус, чем ехать в Израиль! — И тихо, но с большой внутренней убежденностью добавляет: — Как много там недобрых людей! Жизнь, видно, учит этому. Кто знает, может быть, и я там стала бы такой же...

— Мне стыдно написать сыновьям, что израильское государство оценило их родителей по двести лир за душу,— признается Лев Яковлевич.

Беседуя с Капланом, я еще не знал, что, будь он квалифицированным работником дефицитной для Израиля специальности да еще молодым, за его вызов заплатили бы не двести, а даже целых триста лир!

---

[1] Модное в израильской пропаганде словечко, которым обозначают объединение евреев всего мира на «земле предков».— Ц. С.

«Капитанская дочка» и «Цыганы» А. С. Пушкина в переводе на язык хинди (уголок выставки)

ПОЭТ ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ

Первое собрание литературной общественности, посвященное 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина,— научная конференция «Творчество Пушкина в странах зарубежного Востока» — состоялось на днях в московском Институте востоковедения АН СССР. Конференция подвела итоги многолетних исследований ученых-пушкинистов и востоковедов, связанных с одной из интереснейших особенностей дарования поэта — художественным интернационализмом его творчества.

Определение «художественный интернационализм» принадлежит советскому литературоведу Д. Д. Благому и, несмотря на некоторую неожиданность созвучия этих слов с лирикой Пушкина, удачно синтезирует открытия исследовательской мысли пушкинистов.

Проблему «Творчество Пушкина в странах зарубежного Востока» ученые рассматривают в двух аспектах. В одной части докладов, представленных на конференции, прослеживается возрастающее внимание народов этих стран к творчеству Пушкина. Другие анализируют сами ориентальные интересы поэта.

Сегодня Пушкин говорит с современным читателем больше чем на 150 языках народов мира. Поражает здесь не количественная (в СССР привыкли к переводам произведений поэта на все языки народов страны), а качественная новь. Именно сейчас, в период активного национально-освободительного движения, мы оказываемся свидетелями огромного интереса народов афро-азиатских стран к произведениям великого русского поэта: во многих из этих стран изданы даже собрания сочинений Пушкина. Трепетная лирика, мудрая проза Пушкина часто становятся первым источником сведений о России, первым соприкосновением с русской, а затем и советской культурой. Так было, например, в Индии в 50-х годах, когда «Пиковая дама», «Капитанская дочка», «Цыганы», переведенные на хинди и урду, открыли для страны, только что добившейся независимости, мир русской литературы. В этом году, в преддверии пушкинского юбилея, в Индии издан «Евгений Онегин».

Исследуя ориентальные мотивы пушкинской поэзии, литературоведы определяют несколько значительных регионов, интересовавших поэта: «Крым и Кавказ», «Мир ислама», «Древние евреи», «Аравия», «Турция», «Персия», «Страны Африки». Любопытно, что одни из исследователей видят в этом пример внутреннего, органичного слияния двух культур — западной и восточной, другие просто отмечают воздействие образов Востока на творчество поэта.

— Характер, динамика становления, многообразие форм проявления художественного интернационализма в творчестве поэта еще изучаются и по-разному воспринимаются его читателями и исследователями,— сказал в своем выступлении литературовед Е. П. Челышев.— Думается, что нынешняя конференция внесет здесь свой посильный вклад.

Интересные сведения о распространении стихов и прозы Пушкина в Китае сообщил известный советский пушкинист, академик М. П. Алексеев. О внимании к творчеству поэта в Индии и Вьетнаме, арабских странах и Японии рассказали ученые из разных городов страны.

Виктория КРАМОВА

ВЕНА: ТРИУМФ «ЩЕЛКУНЧИКА»

Сначала о том, еще недавнем дне, когда под сводами Венской оперы впервые прозвучали чарующие звуки «Щелкунчика».

...Австрийская балетная труппа была не просто взволнована, ее ошеломила буря приветствий. В седьмой, в восьмой раз вызывал исполнителей зал. А когда солисты и весь кордебалет окружили на сцене главных виновников торжества — Наталью Бессмертнову и Михаила Лавровского, постановщика Юрия Григоровича, художника Симона Вирсаладзе,— аплодисменты вспыхнули снова.

Наконец занавес был опущен. Мы прошли за кулисы. На сцене, которая еще дышала сказочной красотой балета Чайковского, по-прежнему в кольце ликующих австрийских артистов стояли усталые Наташа и Михаил. На наш вопрос о первых впечатлениях от спектакля Лавровский ответил:

— Наверное, мы с Наташей одинаково запомним и сегодняшнюю премьеру и свои здешние репетиции. Не только из-за оваций, прозвучавших сейчас. Для нас многое значил живой, творческий контакт с Людвигом Музилем, Кристиной Гаугуш, Петером Кастеликом и другими солистами венского балета.

Спокойный, ровный даже в эти минуты торжества, Юрий Николаевич Григорович сказал:

— Венская сцена до сих пор знала два балета Чайковского — «Лебединое озеро» и «Спящую красавицу». А теперь я поставил здесь впервые третий балет Чайковского «Щелкунчик». Как «вызревала» премьера? В общем-то подготовка была недолгой — менее трех месяцев. Тем более приятно отметить трудолюбие и незаурядные способности артистов венского балета. С помощью наших педагогов — репетиторов Лидии Хлюстовой и Николая Симачева они хорошо постигли своеобразие русской хореографической классики. В этой любовно сделанной оправе засверкал талант исполнителей ролей Маши и Принца. Я особенно рад гармоничности спектакля, тому, что ни Бессмертнова, ни Лавровский не оказались «варягами».

Спектакль закончился поздно, и на другой день газеты успели опубликовать лишь фотографии из первого действия и короткое сообщение о триумфе премьеры. Зато в очередных номерах все без исключения венские издания поместили обширные рецензии. Их авторы, по-разному трактуя идею сценического воплощения сказки Гофмана, были единодушны в оценке высокого мастерства постановки, исполнения, оформления спектакля.

«Шедевр балетного искусства «Щелкунчик»,— писала газета «Винер цайтунг»,— благодаря гениальной музыке Чайковского насквозь пронизан несказанно прелестной танцевальностью. Ее движения, слышимые и зримые, приносят радость. И ни одна капля этой радости не расплескана в постановке театра Венской оперы. Юрий Григорович, главный балетмейстер Большого театра СССР, принес на нашу сцену искусство самое высокое и в то же время полное настоящей жизни. Он воплотил этот стиль не только благодаря двум русским гостям, исполнившим главные партии. Он привел весь ансамбль венского балета к тому высокому рубежу, на котором ярко проявились и танцевальный порыв и танцевальная эстетика всех артистов».

Австрийские газеты отдали должное и оформлению спектакля. «Симон Вирсаладзе,— отметил один из рецензентов,— позволил нам увидеть сказку Гофмана через удивительно пестрые очки. Дух русской хореографии при этом сохранился целиком. Была достигнута полная гармония в зрительном восприятии балета».

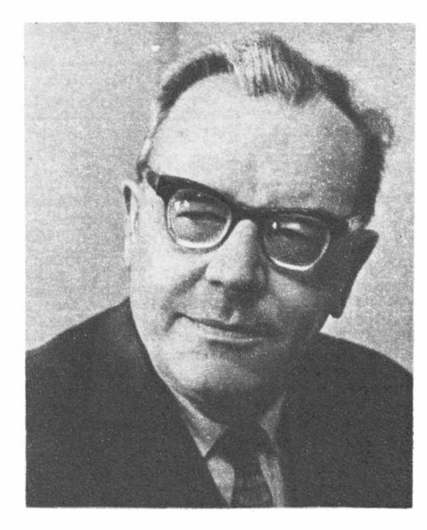
Через день после премьеры Юрий Григорович уехал из Вены. Выступив еще в одном спектакле, отправились домой исполнители главных ролей. Всех московских гостей ждали дела на сцене Большого театра. Для «Щелкунчика» наступила пора второго, не менее серьезного экзамена — как пойдут спектакли после отъезда «звезд»?

Недавно я заглянул в сводчатый вестибюль Венской оперы. За окошечком сидел знакомый со дня премьеры администратор. На вопрос о том, как идут дела «Щелкунчика», он ответил с улыбкой:

— Аншлаг!

Игорь МЕЛЬНИКОВ

Вена (по телефону).

НИКОЛАЙ АСАНОВ

На 68-м году жизни перестало биться сердце Николая Александровича Асанова, известного прозаика, автора многих романов, повестей и рассказов, человека редкой душевной доброты и обаяния, прошедшего большой путь от батрака и лесоруба, а затем рабочего индустриального Урала до видного писателя, чьи произведения запомнились миллионам читателей.

Уже в начале своей творческой деятельности Николай Асанов выступает как активный рабселькор, пишет очерки о коллективизации, о строительстве завода «Ростсельмаш». Впоследствии тема жизни и труда рабочего класса и колхозного крестьянства станет основной в его книгах.

Новый подъем творческой активности переживает писатель в послевоенные годы — одна за другой появляются книги «Волшебный камень», «Ветер с моря» и другие.

Большие и крепкие узы дружбы связывали Николая Асанова с журналом «Огонек» — здесь с 1944 по 1970 год были впервые опубликованы многие его произведения, среди них повести «Не надо топтать цветы» (1961), «Богиня победы» (1966), «Катастрофа отменяется» (1967), «Огненная дуга» (1968). Читатели нашего журнала искренне полюбили творчество Николая Александровича.

Николай Асанов был удивительно разносторонен в своей талантливости: его перу принадлежат переводы чечено-ингушской лирики, стихов П. Тычины, Л. Дмитерко, В. Алазана, он выпустил сборник стихов и поэм «Пологая радуга». Своими книгами писатель внес немалый вклад в развитие приключенческого жанра в советской литературе.

Память о Николае Александровиче Асанове навсегда останется в наших сердцах.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХИ

В Польше несколько лет назад учрежден Орден Улыбки. Присуждает его два раза в год «Большая коллегия», состоящая из детей.

В прошлом году «Большая коллегия» наградила Орденом Улыбки поэта Людвика Ежи Керна, пишущего веселые стихи для детей и взрослых. Людвик Ежи Керн стал обладателем этого знака отличия, на котором изображено солнце и выбиты слова: «Пусть всегда светит солнце тем, кто любит детей».

Людвик Ежи КЕРН

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Проснувшись чуть свет,
как ребенок,
Впервые собравшийся
в школу,
Вскочил я с постели, чтоб
людям
Стишок нацарапать веселый.

За то нас, поэтов, и терпят
Солидные люди и дети,
Что в них мы вселяем веселье
Стишками такими, как эти.

Собрал я задорные мысли,
Себя подстегнул вдохновеньем,
Отдернул гардину.
Под солнцем
Вставали раскосые тени.

Сквозь трещины в тучах
сочилось
Тепло на заспавшийся город...
— Неплохо! — сказал я...
И тут же
Покой мой был скрежетом
вспорот.

В оркестре скребков и метелок
Гремел автомусорщик соло...
И понял я: будет стишок мой
Совсем не такой уж веселый.

Колеса вдали отгремели,
Как на колеснице у Зевса.
Собрал я остатки веселья
И вновь за работу уселся.

Усилий мне было не жалко...
Но вышла соседка с коврами
И стала стучать выбивалкой,
Как на тулумбас-барабане.

Ушла через час... Отдышавшись,
Я мысли собрал еле-еле!
Увы, но почти не осталось
Ни юмора в них, ни веселья.
Принудив себя к вдохновенью,
Схватил авторучку я в руку,
Но... тут же на крыше соседней
Отчаянно кот замяукал.

Откликнулись кошки. Собаки
Из всех подворотен завыли.
Заспорили на перекрестках
Трамваи и автомобили.

И лифты в домах заскрипели,
И водопроводы запели,
В конторах дела закипели,
И всюду возникло веселье.

И я, поучившись у жизни,
Что служит сатирику школой,
Стишок нацарапал
не грустный,
Хотя и не очень веселый...

МИЛЫЙ ПЕС

Все бы резвиться
да веселиться
Вам, милый пес!
И за хвостом бесконечно
кружиться
Вам, милый пес!
А между тем стукнул третий
годочек
Вам, милый пес!
И, между прочим, давно
не щеночек
Вы, милый пес!

С чем подошли к
совершеннолетью
Вы, милый пес?
Что за пример преподносите
детям
Вы, милый пес?
Вечный бездельник,
прохвост и гуляка
Вы, милый пес.
Не оправдание то, что собака
Вы, милый пес!
Псом быть не плохо!
Беда, что пройдоха
Вы, милый пес!
И не простит тунеядства эпоха
Вам, милый пес!

И не косите скептически
глазом
Вы, милый пес!
Плетку возьму, и остынете
разом
Вы, милый пес!..

Рекомендую: не будьте обузой
Мне, милый пес,
И не мешайте общению
с музой
Мне, милый пес.
И не грызите мою
самописку
Вы, милый пес!
Я ж зарабатываю на сосиску
Вам, милый пес...

ДЕРЕВЬЯ

По земле я привольно шагаю,
Мне даны для хождения ноги,
А деревья стоят, и ни с места,
Как на вахте стоят у дороги.
Мне их жаль. Я смотрю
с состраданьем.
Как безвыходно их положенье!
Вся дорога в движеньи...
Деревья
У дороги стоят без движенья.

И не могут бежать на
свиданье
К тонким елкам плечистые
грабы.
Мощный дуб не приходит
на помощь
К деревцам беззащитным
и слабым.

Не спешит к одинокой березе
Клен влюбленный из
дальнего леса,
И ольха не идет к старой иве
О лесных посудачить повесах.

А вокруг те же самые кедры
И до скуки знакомые липы...

Если б сдвинуться,
переместиться
Хоть на время бедняги
могли бы!
Как печально, должно быть,
деревьям
Знаться только с делянкой
своею,
Там, где были посажены
в детстве,
Или там, где их ветер посеял.

И растут они стоя и гибнут
От наскучившей жизни стоячей,
И шумят и шумят о движеньи,
Только жить не умеют иначе...

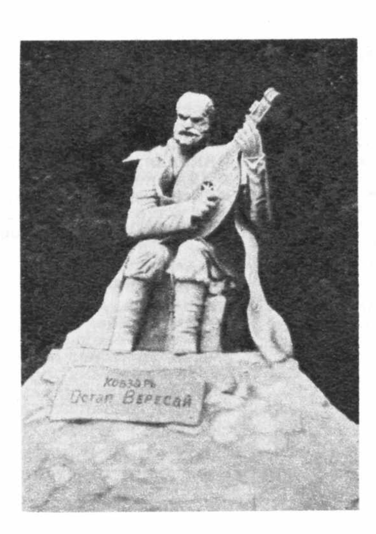
Совершите для дерева чудо:
Лишь одну дайте дереву ногу!
Не затем, чтоб покинуть
делянку,
Не затем, чтоб пуститься
в дорогу,

А затем, чтоб пинка дать
ногою
Бессердечным двуногим
дубинам,
Что, влюбляясь, сердца
вырезают
На деревьях ножом
перочинным...

Перевел с польского
Н. ЛАБКОВСКИЙ

УКРАИНА

СТРОИТЕЛЬ И ХУДОЖНИК

Строитель из украинского села Сокиринцы Николай Харченко тонко понимает и чувствует красоту. Идешь селом — и видишь творения рук Николая Ивановича и его друзей, колхозников-строителей. Только за последние несколько лет здесь построены три коровника, дом отдыха, кирпичный завод, магазины, баня, бытовой комбинат. Село и сейчас в лесах новостроек.

Хата Николая Харченко на окраине села, на горе, которая так и называется — Харченкова. Тут жили его деды, прадеды, отец, тут живет и он со своей женой Василиной Ивановной и двумя детьми — Олесей и Иванком.

Его инструменты — стамеска и нож. А создает он удивительные деревянные фигурки: «Жизнь побеждает смерть», «Первый старт на Луну», «Урожай», «Ладья». Использует он и другой природный материал — ветки, корни, еловые шишки...

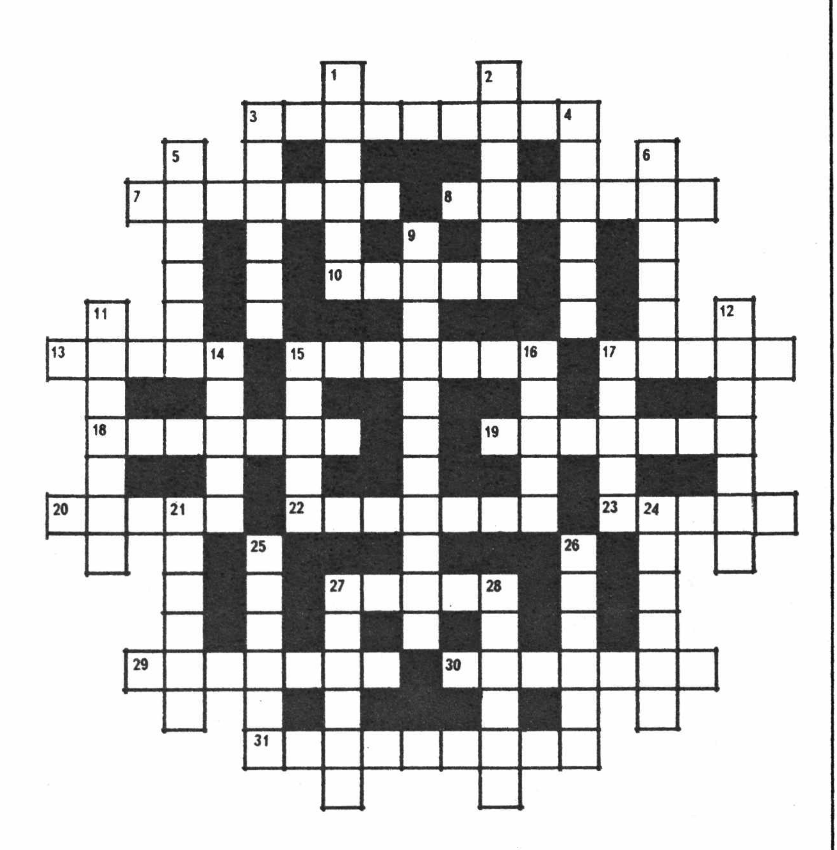
Интересны выполненные Николаем Ивановичем скульптурные портреты Пушкина, Шевченко, Маяковского и народного кобзаря Остапа Вересая. Они демонстрировались на областной выставке произведений народных умельцев.

Над скульптурой Остапа Вересая, которая установлена в местном парке, художник трудился два года. Кобзарь словно живой. Кажется, это свежий ветерок ерошит его волосы. Узловатые пальцы трогают струны...

Николай Иванович увлекается и литературой — пишет рассказы, стихи, работает над повестью. Его произведения печатаются на страницах районной и областной газет.

А. ДОЦЕНКО

Портрет кобзаря Остапа Вересая работы Николая Ивановича Харченко.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Роман Ф. М. Достоевского. 7. Курорт на берегу Черного моря. 8. Заключительная торжественная массовая сцена спектакля. 10. Единица силы электрического тока. 13. Рассказ А. П. Чехова. 15. Автор картины «Последний день Помпеи». 17. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Цыганы». 18. Опера Н. Жиганова. 19. Подмостки для концертных выступлений. 20. Прямая, соединяющая две точки кривой. 22. Государство в Пиренеях. 23. Созвездие южного полушария неба. 27. Сельскохозяйственная машина. 29. Женское платье. 30. Актер, исполняющий роли без слов. 31. Ценное лекарственное растение, медонос.

По вертикали: 1. Действующее лицо балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро». 2. Фигура высшего пилотажа. 3. Вид изобразительного искусства. 4. Промысловая рыба. 5. Народный поэт Белоруссии. 6. Уполномоченный иностранного государства. 9. Отрасль знания, занимающаяся изучением пещер. 11. Областной центр в Туркмении. 12. Русский писатель. 14. Река в Пермской области. 15. Пушной зверек. 16. Малая планета. 17. Молочный продукт. 21. Советский кинорежиссер. 24. Огнестойкий минерал. 25. Оттиск с гравюры. 26. Старинная рукопись. 27. Город в Краснодарском крае. 28. Сетчатка глаза.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали: 3. Осокорь. 6. Серафимович. 10. Стырь. 12. Каравай. 13. Эквадор. 14. Вишня. 16. Жатва. 17. Кроки. 18. Ровно. 20. Рабле. 22. Нефть. 25. Нервюра. 26. Сопрано. 27. «Льгов». 28. Пентатоника. 29. Снегина.

По вертикали: 1. Конфетти. 2. Розмарин. 4. Лесгафт. 5. Сирокко. 7. Аранжировка. 8. Гравиметрия. 9. Кассиопея. 11. Котангенс. 14. Вазон. 15. Якорь. 19. Воробей. 21. Бионика. 23. Ельмарен. 24. Теодолит.

На первой странице обложки: Герой Социалистического Труда бригадир колхоза «Кубань» Михаил Иванович Третьяков среди школьников Усть-Лабинска (см. в номере очерк «Рядом с Клепиковым»).

Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Берлин. На Александерплац.

Фото Ю. Кривоносова и Ю. Лушина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 18/III — 74 г. А 00550. Подп. к печ. 2/IV — 74 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 701 Тираж 2 130 000 экз. Заказ № 1973.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

А НУ-КА, ДЕВУШКИ...

В. СВАРИЧЕВСКИЙ

Фото автора.

В тот день девушки-автоинспекторы впервые «командовали» на дорогах Ташкента. Они хозяйничали расторопно, умело, весело.

Взмах жезла, и замерла на месте легковая автомашина. Водитель, одергивая на ходу куртку, отправился на «расправу». Глядя на них, я вдруг ощутил что-то необычное в этой обычной дорожной сцене. Инспектор не торопилась прокалывать талон или штрафовать нарушителя. Обстоятельно и твердо она что-то говорила растерянно улыбающемуся парню, а он стоял обескураженный и не размахивал руками, как это делают нарушители, пытаясь доказать свою невиновность.

Женское терпение, мягкость, обаяние... Как, оказывается, они нужны здесь, на дорогах, где людские страсти, переживания могут стать причиной трагедии.

Позже, беседуя с министром внутренних дел Узбекистана Хайдаром Халиковичем Яхъяевым, я

На этой улице Ташкента сегодня командует Аня Кравцова.

понял, что был прав в своих дорожных размышлениях. На участках, где несут службу девушки, резко сократилось число аварий, уменьшилось количество конфликтных ситуаций...

— Как возникло решение обучить девушек профессии инспектора дорожного надзора? — спрашиваю я Хайдара Халиковича.

— Наш город, — говорит министр, — хорошеет с каждым днем, ширятся его улицы, возникают новые проспекты, поднимаются красивые здания. Девушки-автоинспекторы — это тоже украшение нашей столицы. С другой стороны, водителям стыдно оскандалиться перед девушкой, вот они и стараются водить машины, строго соблюдая все правила.

Наш опыт, — продолжает Хайдар Халикович, — одобрен и в этом году будет распространен на другие города республики: Самарканд, Фергану, Чирчик, Андижан.

Вскоре в ГАИ я познакомился с девушками-автоинспекторами. В подразделении милиции, которым командует старший лейтенант Акрам Халмирзаев,— одни девушки. Какие они? Разные, конечно. Серьезные и смешливые, брюнетки и блондинки, с короткой стрижкой и высокими прическами... У каждой свои увлечения — искусство, спорт, литература. Но есть одно, что объединяет их всех, — желание работать так, чтобы на дорогах не было аварий.

...Закончилось построение и распределение нарядов. Инспекторы разъехались по своим постам.

— Трудно вам командовать девушками? — спрашиваю Халмирзаева.

Акрам улыбается, согласно кивает:

— Первое время действительно было трудновато. На посту-то все они такие строгие, а как вернутся в ГАИ, обязательно кто-нибудь расплачется. Как тут быть? Но вскоре пришли опыт, уверенность, помогла ежедневная практика. Теперь слез нет. Только и слышу смех, шутки. И на язык острые. Одним словом — девушки...

Автоинспектор Дилором Гильфанова.

Старший лейтенант Акрам Халмирзаев и его девичий взвод.

Вот он, «кабинет» Наташи Пошвиной.

Как разводить движение! Занятия ведет начальник ГАИ Ташкента М. Салахидинов.

Наряды распределяет командир дивизиона капитан Алиджан Алашев.

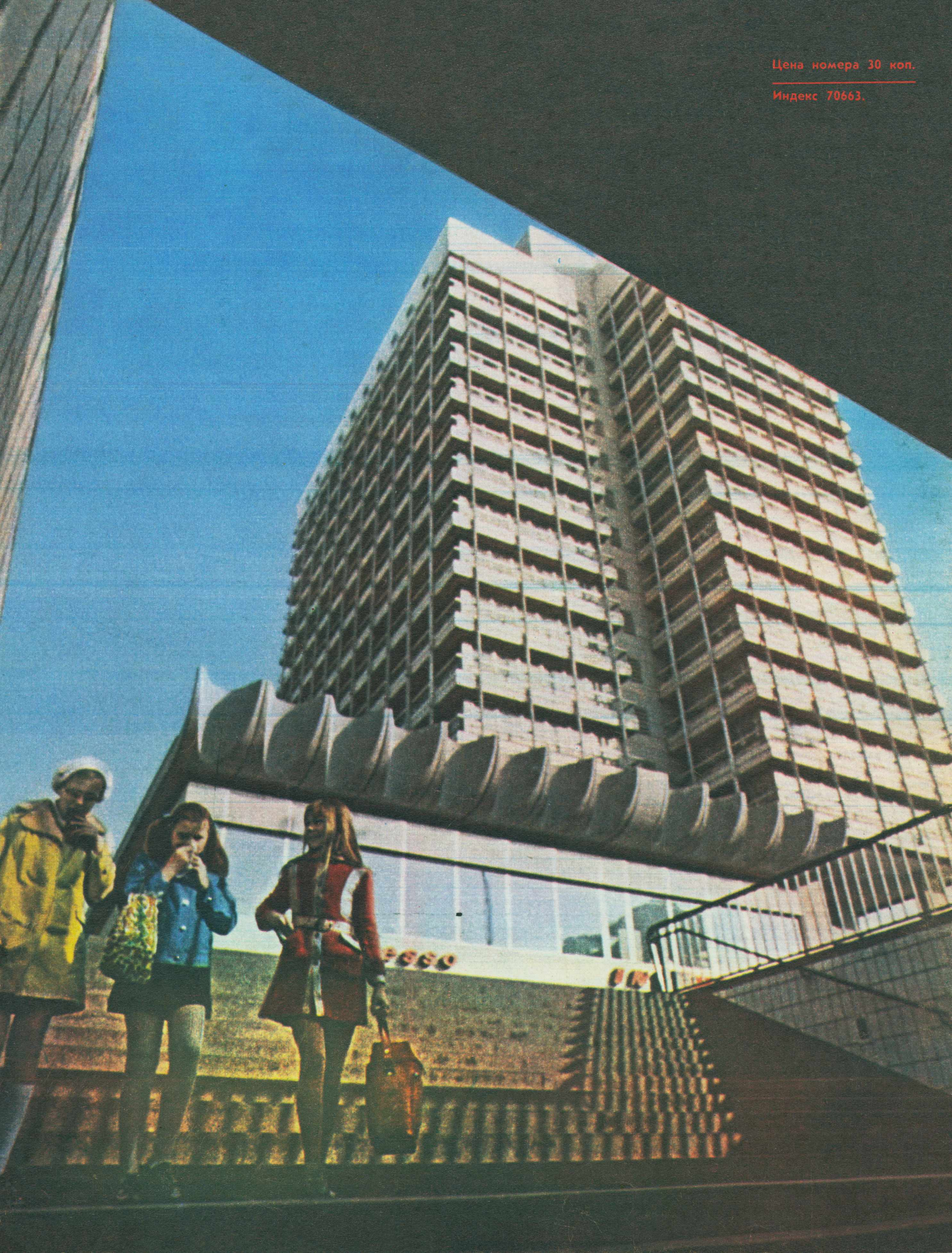

На занятиях Гала Сопова.

Разговор был вежливый, но твердый.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.